

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

Фролова Алёна Викторовна

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИИ
В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-
ДИСКУРСЕ США И КИТАЯ**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Солопова Ольга Александровна
доктор филологических наук, доцент

Челябинск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИИ В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ США И КИТАЯ.....	12
1.1 Неинституциональный политический интернет-дискурс: к ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ.....	12
1.1.1 Институциональный дискурс.....	12
1.1.2. Неинституциональный дискурс.....	16
1.1.3 Политический дискурс: институциональный и неинституциональный типы.....	19
1.1.4 Интернет-дискурс и неинституциональный политический интернет-дискурс.....	23
1.1.5 Жанры неинституционального политического интернет-дискурса.....	28
1.2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В ДИСКУРСЕ.....	32
1.3. ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В МОДЕЛИРОВАНИИ БУДУЩЕГО.....	38
Выводы по главе 1.....	44
ГЛАВА 2. ДОМИНАНТНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ США И КИТАЯ.....	47
2.1 МЕТОДИКА АНАЛИЗА МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ СО СФЕРОЙ-МИШЕНЬЮ «БУДУЩЕЕ РОССИИ» В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ США И КИТАЯ.....	47
2.1.1 Источники и материал исследования.....	47
2.1.2 Метафорическая плотность американского и китайского дискурсов о будущем России.....	50
2.2 ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА.....	55
2.2.1 Фрейм «Физиологические органы и части тела».....	57
2.2.2 Фрейм «Физиологические действия».....	71
2.2.3 Фрейм «Тело (организм) человека».....	77
2.2.4 Фрейм «Органы управления психикой».....	79
2.3 ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА.....	81
Выводы по главе 2.....	93

ГЛАВА 3. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БУДУЩЕГО РОССИИ В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ США И КИТАЯ.....	96
3.1 МЕТАФОРА НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ.....	96
3.2 ТЕАТРАЛЬНАЯ МЕТАФОРА	103
3.3 ИГРОВАЯ И СПОРТИВНАЯ МЕТАФОРА.....	108
3.4 МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА.....	113
3.5 КРИМИНАЛЬНАЯ МЕТАФОРА.....	123
3.6 МОНАРХИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА	130
3.7 ДОМЕСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА.....	135
3.8 РЕЛИГИОЗНАЯ МЕТАФОРА	137
3.9 МОРБИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА	139
3.10 МЕТАФОРА РОДСТВА	145
3.11 ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА.....	148
3.12 ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА.....	150
3.13 КОСМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА	152
3.14 МЕХАНИСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА.....	154
3.15 ФИТОМОРФНАЯ МЕТАФОРА	156
3.16 ФИНАНСОВАЯ МЕТАФОРА	158
3.17 СЕКСУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА.....	160
3.18 ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА	162
3.19 МЕТАФОРА ПУТИ.....	164
Выводы по главе 3.....	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	174

ВВЕДЕНИЕ

Исследование метафоры в политическом дискурсе является одним из активно развивающихся направлений современной лингвистики. Это обусловливается переосмыслением феномена метафоры в рамках антропоцентрической парадигмы, роли метафоры в организации когнитивных процессов, в фиксировании новых знаний и упорядочивании понятийной системы человека, его ценностных установок, способности метафоры оказывать эмоциональное воздействие на адресата.

В последние десятилетия особое значение приобретает изучение метафоры в политическом интернет-дискурсе: социальные сети превратились в один из влиятельных каналов распространения информации и обсуждения политических проблем. Подобные платформы приводят к росту политической грамотности пользователей, что помогает объединить единомышленников для обсуждения новостей и способствует росту политической активности населения. Актуальный интерес в настоящее время представляет изучение того, какие метафорические образы создают адресанты сообщений на социальных платформах в качестве реакции на политические события и явления.

Обращение к теме образа будущего России обусловлено тем, что наша страна является ведущим государством мира, именно поэтому формулирование приоритетов ее дальнейшего развития влияет не только на внутривнутриполитическое устройство государства, но и на будущее мирового сообщества в целом, что не может не вызывать повышенного внимания зарубежных политиков, СМИ и рядовых граждан к проблеме будущего России.

Выбор в качестве материала для анализа дискурсов США и Китая обусловлен тем, что, во-первых, объективной реальностью геополитической ситуации в мире стало появление «нового треугольника» взаимоотношений. Россия, США и Китай – крупные государства, обладающие мощным геополитическим влиянием, изменение и развитие их отношений в значительной степени влияют на международную структуру и мировую обстановку. Во-вторых, США и Китай занимают различные позиции в санкционной политике, проводимой странами

Запада в отношении России: Америка инициирует санкции, Китай сохраняет нейтралитет, являясь партнером России по многим геополитическим вопросам.

Интернет-дискурс способствует обсуждению проблемы будущего России рядовыми гражданами США и Китая, что позволяет лучше понять позицию американского и китайского общества по отношению к России, часто отличную от официальной линии, проводимой правительствами государств.

В связи с этим исследование метафорических образов будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая представляется актуальным и требует специального изучения.

Объектом исследования является метафорический образ будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая.

Предметом исследования выступают общие черты и особенности метафорического образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая.

Цель исследования – выявление общих и культурно-специфических черт в моделировании метафорического образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие **задачи**:

1) уточнить теоретико-методологические основы исследования метафорического моделирования образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая, предложить авторское определение неинституционального политического интернет-дискурса;

2) сформировать и систематизировать исследовательские корпусы текстов американского и китайского дискурсов; отобрать и классифицировать по сфере-источнику метафорические единицы, участвующие в создании образа будущего России в каждом из анализируемых дискурсов, создать систему метафорических моделей;

3) установить типологические особенности английского и китайского языков, влияющие на степень метафоричности национальных дискурсов;

4) выявить общие модели, доминантные для двух дискурсов, проанализировать их структуру, прагматический потенциал, лингвокультурную и дискурсивную специфику, сопоставить данные с указанием общих элементов и особенностей;

5) проанализировать менее частотные и специфичные метафорические модели в каждом анализируемом дискурсе с учетом состава фреймов, прагматического потенциала (способности моделировать образы «светлого» и «мрачного» будущего), лингвокультурной и дискурсивной специфики, сопоставить данные с указанием общих элементов и особенностей.

Источником материала выступают американский и китайский веб-сервисы вопросов и ответов: Quora и 知乎 (Zhihu) соответственно. Хронологические рамки исследования включают период с 2014 года по настоящее время. Выбранный хронологический срез совпадает с периодом санкционной политики, проводимой странами Запада против России, инициатором которой выступили США. Материалом для исследования послужили 357 метафорических единиц на английском языке и 1078 метафор на китайском языке, отобранных из равнообъемных выборок, составляющих 1000 комментариев пользователей на материале каждого языка.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассмотрены особенности метафорического моделирования образа будущего России на материале неинституционального политического интернет-дискурса. Методика метафорического моделирования дополнена типологическим описанием английского и китайского языков. В сопоставительном ракурсе проанализирован массив материала неинституционального политического интернет-дискурса США и Китая, выявлены общие черты и особенности метафорического образа России, обусловленные лингвокультурной спецификой, экстрадискурсивными факторами и типологическими особенностями разноструктурных языков. Зафиксировано что, системы метафор, репрезентирующих будущее России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая, представлены равным количеством моделей; выявлено, что частотность, состав фреймов и слотов общих

метафорических моделей в неинституциональных политических интернет-дискурсах США и Китая отличается; в двух дискурсах в репрезентации образа будущего России доминируют метафоры с негативным оценочным потенциалом с преобладающей долей таких метафор в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии теории метафорического моделирования, теории лингвополитической прогностики, теории дискурса, в попытке уточнения гибридности дискурса. Проведенный анализ позволяет уточнить научные представления об универсальных и специфических закономерностях метафоризации в политическом дискурсе на материале разноструктурных языков.

Кроме того, исследование вносит вклад в развитие понятийно-терминологического аппарата: уточнено определение метафоры в рамках лингвополитической прогностики, введено авторское определение неинституционального политического интернет-дискурса.

Практическая ценность работы заключается в том, что материалы и выводы работы могут быть использованы при проведении дальнейших исследований в русле теории метафорического моделирования на материале национальных политических дискурсов, при разработке теоретических курсов лингвистических дисциплин (теория языка, теория дискурса, лингвистический анализ текста, когнитивная лингвистика, политическая лингвистика), при написании, подготовке исследований, выполняемых бакалаврами, магистрантами, аспирантами, а также при подготовке словарей по политической метафоре.

Теоретико-методологическая база. Для достижения поставленной цели и решения задач необходимо рассмотреть положения следующих научных направлений:

- *теории дискурса* (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Т. ван Дейк, С. В. Иванова, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, Е. В. Падучева, П. Б. Паршин, В. В. Петров, Ю. С. Степанов, В. В. Тихонов, М. Фуко, Е. И. Шейгал) и его *гибридных видов* (М. М. Бахтин, Т. В.

Дубровская, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, К. А. Наумова, О. А. Солопова, М. С. Салтыкова, Т. Н. Хомутова);

- *политической лингвистики* (Э. В. Будаев, Е. Н. Галичкина, Д. С. Гальчук, О. Н. Кондратьева, Г. Б. Кошарная, Н. Н. Кошкарова, Н. А. Красильникова, С. В. Иванова, О. А. Солопова, А. П. Чудинов);

- *лингвополитической прогностики и исследований, связанных с проблематикой моделирования будущего* (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, М. Б. Ворошилова, Н. Д. Кондратьев, М. С. Салтыкова, О. А. Солопова, А. А. Хабаров, А. П. Чудинов);

- *теории метафоры* (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, М. Блэк, Р. Бойд, Э. В. Будаев, В. З. Демьянков, Дж. Джейнс, М. Джонсон, Р. И. Зарипов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Д. Лакофф, А. Мусолф, Р. Ошлаг, Х. Петри, А. П. Чудинов);

- *лингвистической типологии английского и китайского языков* (А. Р. Абдрахманова, В. Д. Аракин, Ю. В. Богоявленская, К. В. Волков, Дж. Гринберг, В. фон Гумбольдт, Т. Л. Гурулева, О. И. Калинин, В. Б. Касевич, О. А. Леонтович, Цз. Линь, Н. Б. Мечковская, Д. В. Селезнева, Э. Сепир, Чж. Фань, С. Е. Яхонтов).

В процессе работы наряду с общенаучными методами наблюдения, анализа, синтеза использованы такие **методы** и приемы, как описательный метод, дефиниционный анализ, метод метафорического моделирования, контекстуальный анализ, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический методы, типологическое описание, сопоставительный анализ, приемы количественной обработки данных.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Неинституциональный политический интернет-дискурс является гибридным форматом медийного и политического дискурсов, сложившимся в электронно-опосредованной среде, предусматривающим статусное равенство коммуникантов и транслирующим аксиологические установки агентов электронно-опосредованной коммуникации.

2. Системы метафор неинституционального политического интернет-дискурса США и Китая представлены равным количеством моделей (с

девятнадцатью общими сферами-источниками и одной специфичной для каждого дискурса). Общими тенденциями в представлении будущего России являются высокие показатели метафоричности (структурированность метафорических систем, интенсивность использования метафорических единиц), что свидетельствует о значимости образа будущего России в дискурсах двух государств.

3. Метафорическая плотность американского и китайского дискурсов о будущем России, представленная общим количеством метафорических единиц и числом моделей в метафорических системах, зависит от типологических характеристик английского и китайского языков. Высокая метафорическая плотность китайского дискурса в большей степени обусловлена внутриязыковыми особенностями: принадлежностью китайского языка к языкам слогового типа, к языкам с иероглифической системой письменности, к языкам изолирующего типа.

4. В неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР при моделировании образов будущего России доминантными являются общие для двух дискурсов физиологическая и зооморфная метафоры, что доказывает универсализм моделей при моделировании будущего «другого» государства. Состав доминантных моделей достаточно однороден; различия зафиксированы на уровне фреймо-слотовой структуры, прагматического потенциала и обусловлены спецификой национальных языков, лингвокультурными и дискурсивными факторами.

5. Общие для двух дискурсов метафорические модели неживой природы, театра, игры и спорта, войны, криминала, монархии, дома, религии, болезни, родства, гастрономии, истории, космоса, механизма, царства растений, финансов, секса обнаруживают различия на уровне фреймо-слотового состава и частотности. Специфичной для дискурса США является педагогическая метафора, для дискурса КНР – метафора пути. В двух дискурсах негативные метафорические образы будущего России преобладают над положительно окрашенными метафорами; доля метафор, продуцирующих образы мрачного будущего, выше в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США.

Достоверность результатов исследования обеспечена значительным объемом проанализированного материала, использованием современных взаимодополняющих методов исследования метафоры, опорой на классические и современные достижения языкознания.

Апробация работы. Теоретические и методологические аспекты исследования, а также его основные результаты обсуждались на кафедре лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета, изложены в докладах на тринадцати мероприятиях: ежегодная научная конференция аспирантов и докторантов ЮУрГУ (Челябинск, 2020, 2021, 2022), ежегодный научно-методический семинар сотрудников ЮУрГУ (Челябинск, 2020, 2021, 2022), ежегодная межвузовская студенческая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы в науке: взгляд молодых» (Челябинск, 2020, 2021, 2022), X Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Екатеринбург, 2020), Международная научно-практическая конференция «Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования» (Белгород, 2020), XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2021), 74-я научная конференция профессорско-преподавательского состава ЮУрГУ (Челябинск, 2022).

Работа прошла апробацию в рамках научного проекта РФФИ и ЭИСИ № 20-011-31622 «Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Во введении диссертации раскрывается актуальность исследуемой проблемы, описываются объект, предмет, цель и задачи работы, особое внимание уделяется теоретико-методологическим основам, методам, научной новизне, теоретической и практической значимости исследования, приведены сведения об апробации работы.

В первой главе «Теоретические основы сопоставительного исследования метафорического образа будущего России в неинституциональном

политическом интернет-дискурсе США и Китая» представлен обзор зарубежных и отечественных научных работ, посвященных проблематике исследования: последовательно рассмотрены понятия дискурса, институционального дискурса, политического дискурса, неинституционального политического интернет-дискурса; освещены вопросы, связанные с понятием концептуальной метафоры и ее функционированием в политическом дискурсе; изложены основные положения лингвополитической прогностики и смежных направлений, проблематика которых связана с моделированием образа будущего.

Во второй главе «Доминантные метафорические модели в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая» подробно описывается методика анализа и материал исследования, приводится система метафорических моделей в дискурсах США и Китая, детально анализируется фреймо-слотовая структура доминантных моделей в сопоставительном ракурсе.

В третьей главе «Метафорическая репрезентация будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая» рассмотрены менее частотные метафорические модели, рекуррентность которых при моделировании метафорического образа будущего России различается в американском и китайском дискурсах.

В Заключении подводятся итоги исследования, обобщаются теоретические выводы и практические результаты работы, намечаются перспективы для дальнейшего изучения метафорического образа будущего России в других видах дискурса на материале иных языков и хронологических срезов.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИИ В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ США И КИТАЯ

1.1 Неинституциональный политический интернет-дискурс: к определению понятия

1.1.1 Институциональный дискурс

В настоящее время особый интерес уделяется исследованию дискурса с позиции институциональности, при этом понятие «дискурс» изучается в рамках определенного социального института, и неинституциональности, в которой это понятие ориентировано на личность, а не на социальную принадлежность коммуникантов. Прежде чем перейти к рассмотрению институционального и неинституционального типов дискурса, обратимся к определению «дискурса».

Исследованием дискурса занимались ведущие зарубежные и отечественные лингвисты, рассматривавшие его в силу многозначности термина с разных позиций современной научной картины мира.

Важный вклад в исследование дискурса внесла работа Э. Бенвениста «Общая лингвистика», в которой автором описана триада «язык – дискурс – речь», где дискурс выступает как процесс обращения языка в речь, имеется в виду «присвоение языка говорящим» [Бенвенист, 1974, с. 289]. Э. Бенвенист описывает пространство дискурса как область, состоящую из дискретных и неповторимых актов, «посредством которых говорящий актуализирует язык в речь» [Бенвенист, 1974, с. 285].

Во второй половине двадцатого века М. Фуко, развивая идеи Э. Бенвениста, обращается к методологии дискурсивного анализа. Он определяет дискурс как «совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций» [Фуко, 1996а, с. 108]. Именно на этом основании он выделяет климатический, экономический типы, дискурс естественной истории и психиатрии [Там же].

Вслед за Э. Бенвенистом и М. Фуко Т. ван Дейк понимает дискурс как речевой поток, язык, находящийся в постоянном движении, который должен изучаться во всем многообразии социальных, культурных и исторических контекстов. Поскольку в дискурсе «отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [ван Дейк, 1989, с. 3], то это коммуникативное событие «может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [ван Дейк, 1989, с. 4].

В. И. Карасик трактует дискурс как речевую практику, а именно, интерактивную «деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [Карасик, 2000, с. 5]. В то же время В. Г. Борботько указывает на текстовую природу дискурса: «Дискурс – тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [Борботько, 1981, с. 8]. В. П. Конецкая рассматривает дискурс, как «творимый в речи связный текст» и зависящий от событийного контекста [Конецкая, 1997]. Е. С. Кубрякова подчеркивает, что текст является «конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму», в то время как дискурс предстает как когнитивная деятельность, связанная непосредственно с речепроизводством [Кубрякова, 1997, с. 19].

Термин «дискурс» выступает родовым понятием по отношению к видовым понятиям «речь» и «текст», объединяя их, при этом «текст» является ядерным элементом дискурса, что указывает на его статический характер, а сам дискурс благодаря своему динамическому характеру определяется через «речь» [Шапочкин, 2012; Шейгал, 2004].

Е. А. Кожемякин при формировании понятия «дискурс» обращает внимание на экстралингвистические факторы – исторические и социальные, в рамках

которых формируется определенная последовательность высказываний, восприятие которых влияет на индивидуальный опыт человека, его взгляды и представления о мире. Отмечается, что дискурс являет собой последовательность высказываний, которая, в свою очередь, обусловлена внешними и внутренними факторами. Таким образом, дискурс является деятельностью, процессом, не конечным результатом, в то же время он выступает как предписание к построению и организации структуры высказываний [Кожемякин, 2007].

Таким образом, ученые понимают дискурс как вербальное или невербальное речевое событие, происходящее между коммуникантами, которые передают информацию, эмоционально воздействуя друг на друга. Исследователи подчеркивают, что дискурс отражает менталитет и культуру как индивида, так и целого общества.

В настоящей работе под дискурсом понимается коммуникативная деятельность, происходящая с целью установления и поддержания контакта для эмоционального и информационного обмена, построения коммуникативных стратегий, которая может быть устной или письменной и иметь вербальные и невербальные составляющие.

Основной теоретической базой институциональной концепции дискурса в данной работе выступают труды В. И. Карасика.

В. И. Карасик выделяет личностно-ориентированный и статусно-ориентированный (институциональный) виды дискурса, где под последним понимается общение между людьми, которые должны придерживаться социально-значимых ролей в социуме. Институциональность проявляет свой градуальный характер в общении статусно-неравных участников коммуникации. Также институциональное общение может происходить у представителя определенного института с человеком, не являющимся участником данного института. Поскольку институциональный дискурс исторически зависим, применительно к современному обществу могут быть выделены следующие основные виды институционального дискурса: политический, юридический, военный,

педагогический, религиозный, медицинский, спортивный, научный, массово-информационный и другие [Карасик, 2006].

При исследовании институционального дискурса необходимо рассмотрение следующих компонентов: участников, хронотопа, цели и стратегии коммуникации, тематики и жанра, прецедентных текстов и дискурсивных формул общения. Под формулами понимаются обороты речи, присущие общению в определенном социальном институте [Карасик, 2000].

Е. И. Шейгал полагает, что институциональный дискурс охватывает языковую систему, речевую деятельность и текст. Поскольку общение в институциональном дискурсе протекает в рамках статусно-ролевых отношений, то справедливо отметить, что он обладает определенной системой знаков и, как следствие, имеет собственный подязык. Е. И. Шейгал понимает язык как абстрактную знаковую систему, которая реализует себя через дискурс. Любое общение протекает в зависимости от рода человеческой деятельности участников коммуникации, таким образом, при изучении дискурса, исследование сведется к рассмотрению конкретного типа дискурса: политического, юридического, публичного и другого [Шейгал, 2004].

Т. П. Попова выделяет главную характеристику институционального дискурса – «конструирование социальных смыслов», дискурс выступает не в качестве выражения института, а как способ его существования [Попова, 2015, с. 297]. Институциональный дискурс, по М. Фуко, характеризуется как поле дискурсивных практик, которые обладают конкретной оценочной и когнитивной базой, структурой коммуникации и порядком мышления, с помощью чего дисциплинируется разум и чувства, что ведет к конструированию социокультурной реальности [Фуко, 1996]. Так, до тех пор, пока существует конкретный социальный институт, существует и институциональный дискурс, который управляет и конструирует этот институт. Когда исчезает какой-либо род человеческой деятельности, изживает себя и соответствующий дискурс.

Если статусно-ориентированный дискурс нацелен на поддержание общения в определенных рамках социального института с целью его конструирования, то

лично-ориентированное (лично-ное) общение стремится раскрыть и понять внутренний мир адресата, чтобы оказать определенное влияние на подачу информации и ее получение адресатом. Любое общение носит многомерный характер, протекающее в соответствии с нормами определенного социума, оно не лишено лично-ных характеристик [Карасик, 2006], вследствие чего справедливо утверждать, что институциональный дискурс обладает институциональным и неинституциональным характером и зависит от функционирования общественного института в конкретном промежутке времени. Институциональный дискурс выступает как коммуникативное событие с определенной оценочной и когнитивной базой, происходящее между участниками в рамках статусно-ролевых отношений, где, по крайней мере, один из участников является представителем этого социального института.

1.1.2. Неинституциональный дискурс

Общение может также происходить между участниками коммуникации не с целью реализации своих статусно-ролевых возможностей в рамках сложившихся общественных институтов, а чтобы раскрыть внутренний мир собеседника, познать его как личность. В таком случае речь идет о лично-ориентированном дискурсе.

В. И. Карасик выделяет две основные разновидности этого дискурса – бытовое (обиходное) и бытийное общение. Бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми и направлено на максимально сжатую передачу информации [Карасик, 2015]. Важнейшей характеристикой данного дискурса является диалогичная форма общения, происходящего обычно на сокращенной дистанции, где слова указательны по своему значению и могут быть легко заменены невербальными средствами. Более того, бытовому дискурсу свойственна лимитивная функция общения: коммуниканты задействуют знаки, свойственные определенной группе, коллективу (семейные, групповые слова) и непонятные другим [Сиротина, 1983]. Поэтому собеседники могут понимать друг друга с полуслова, быстро менять тему разговора, управлять информацией – переводить ее

в подтекст (ирония, языковая игра, намеки и т.д.) или манипулировать ею [Козырева, 202].

Коммуниканты бытийного дискурса, он же неинституциональный, по В. И. Карасику, предпринимают попытку раскрыть и познать свой внутренний мир, «общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка»; бытийный дискурс нацелен на поиск существенных смыслов – художественного и философского постижении мира и имеет преимущественно монологический характер [Карасик, 2002, с. 240].

Суммируя вышесказанное, отметим: бытовой дискурс является общением между людьми, хорошо знающими друг друга, ему свойственна спонтанность, нарушение логики, структурная последовательность высказываний и сильная ситуативная зависимость. Бытийное общение, неинституциональный дискурс, всегда развернуто и наполнено смыслом, направлено на раскрытие внутреннего мира коммуникантов.

По И. В. Силантьеву, существует два вида оснований, которые формируют сообщества, с помощью которых может быть дифференцирован неинституциональный дискурс, – *интерперсональные* и *ситуативные*. *Интерперсональные* основания не зависят от ситуации общения и формируют относительно стабильные общности, в которых достаточно отчетливо выражена ролевая структура, выработаны устойчивые принципы общения. Примером такого общения может являться семейный дискурс, ежедневное общение на работе [Силантьев, 2006]. Наличие вышеперечисленных характеристик, таких как ролевая структура и устойчивые принципы коммуникации, является общей чертой неинституциональных и институциональных дискурсов. Различие этих дискурсов заключается в том, что в интерперсональном дискурсе цель общения не выходит за пределы коммуникативного акта и с завершением действия заканчивается и сам дискурс.

Цель институционального дискурса, как правило, находится за пределами отдельного коммуникативного действия, но свойственна дискурсу вообще. Этот

вид дискурса нацелен на достижение соответствующих целей, и ему присущи достаточно устойчивые вербальные структуры. Интерперсональный дискурс ориентирован в основном на общение и поэтому даже при сохранении статусно-ролевых позиций может быть изменчивым [Сахарова, 2017].

Ситуативные основания неинституционального дискурса объединяют коммуникантов, которые могут случайно встретиться в любом месте в одно время при определенных обстоятельствах, например, в очереди в магазине, с пассажирами в общественном транспорте и другие. Такое общение складывается стихийно, и ход его зависит непосредственно от личности собеседников [Там же].

Важной характеристикой неинституционального дискурса является отсутствие принципа, обозначенного М. Фуко, – «прореживание говорящих субъектов», согласно которому, если тип субъекта не отвечает определенным требованиям, то он не имеет права вступить в соответствующий институциональный дискурс [Фуко, 1996b]. Следовательно, в неинституциональный дискурс может вступить любой говорящий, поскольку для вовлеченности в него нет конкретных требований, признанных в данном языковом сообществе.

Б. Бернстайн выделяет еще одну специфическую черту неинституционального дискурса – код общения, переходящий от сокращенного к расширенному. Сокращенный код свойственен повседневному дискурсу, в котором собеседники хорошо знакомы друг с другом и могут обсуждать любые темы, варьируемые от обычных бытовых дел до различных насущных проблем. Отмечается, что ограниченность вербальных кодов восполняется невербальным ресурсом. Фокус неинституционального дискурса нацелен на то, как передается сообщение коммуниканта с помощью невербальных знаков, нежели на само содержание речи.

Расширенный код общения характерен для неинституционального дискурса в условиях, когда незнакомые люди вовлекаются в процесс коммуникации, у них отсутствуют необходимые знания для успешного протекания коммуникативного

акта, это влечет за собой создание дополнительной информации со стороны говорящего [Bernstein, 1979].

В рамках повседневного дискурса происходит обрабатывание различных речевых моделей, освоение участниками индивидуальных сценариев речевого поведения вне строго установленных правил, поскольку основной установкой данного дискурса является свободное общение [Сахарова, 2017].

Неинституциональный дискурс – это такая деятельность, в основе которой лежат личностные интенции собеседников, которые могут вступить в общение или выйти из него в любой момент, вследствие чего этой деятельности также присущ нерегулярный характер реализации, что приводит к ее восприятию индивидом как непривычной, исключительной. Не имея опыта в подобной деятельности, индивид, придерживаясь определенной социальной позиции, использует усвоенные им модели поведения из повседневной речи. В случае отсутствия необходимых знаний собеседники восполняют пробел невербальными знаками, например мимикой, жестами. Примером таких ситуаций могут служить разговор со специалистом по устранению бытовых неприятностей, неполадок в машине и т.п. Так, неинституциональный дискурс тематически может относиться к конкретному социальному институту, но включать участников, которые не являются представителями данного института.

1.1.3 Политический дискурс: институциональный и неинституциональный типы

Прежде чем перейти к определению политического дискурса, необходимо определить его базовые понятия. Само понятие «политика» относится к обширному спектру событий; как полагает Дж. Оруэлл, «невозможно быть вне политики; все события – политические события» [Orwell, 1962, с. 262]. Подразумевается, что политика существует в определенных территориальных, национальных и других образованиях, где люди стремятся изменить или организовать окружающую их социальную действительность. В этом случае политика может использоваться для структурирования деятельности человека, общественных институтов и программы их действий. Более того, она может

выступать как совокупность необходимых мер государства, направленных на достижение ожидаемого результата [Перельгут, Сухоцкая, 2013].

В силу своей многозначности понятие политики может использоваться в узком и широком смысле. В узком значении, связанным с функциями государства, «политика» может обозначать вопросы или события общественной, государственной деятельности [Ожегов, Шведова, 1992].

В широком смысле «политика» может применяться для обозначения различных видов деятельности человека или общественного института, направленных на руководство кем-либо или чем-либо. Примером могут послужить политика компании, организации, семейная политика и т.п. [Перельгут, Сухоцкая, 2013].

По мнению политологов, политика обладает тремя свойствами: *универсальностью*, под которой подразумевается способность оказывать воздействие на почти все стороны жизни, события, элементы общества; *включенностью*, или проникающей способностью, то есть возможностью беспрепятственно проникать во все области общества, и *атрибутивностью*, т.е. «способностью сочетаться с неполитическими общественными явлениями, отношениями и сферами» [Василик, Вершинин, 2001].

Любое политическое взаимодействие сопровождается дискурсом. Опираясь на семантическую структуру понятия «политика», можно охарактеризовать политический дискурс в узком и широком смысле: в первом случае политика предполагает институциональный дискурс, в широком смысле политика реализуется с помощью неинституционального дискурса, происходящего между участниками, которые не являются представителями политического института [Перельгут, Сухоцкая, 2013; Плотникова, 2009; Шейгал, 2004].

А. Н. Баранов придерживается узкого определения политического дискурса, который образуется на объединении всех речевых действий политических дискуссий и установленных правил публичной политики [Баранов, 1997]. Основная функция политического дискурса направлена на воздействие на адресата, которое определяет набор лингвистических средств [Паршин, 2002], главная цель –

«осуществление, сохранение и завоевание политической власти» [Колесникова, 2011, с. 68].

По Т. ван Дейку, политический дискурс является формой политических действий и обобщением политического процесса. Участники данного дискурса могут не являться представителями политического института, т.е. политиками или профессиональными журналистами, они могут быть «рядовыми гражданами», но цель их коммуникативной деятельности должна касаться политики. Т. ван Дейк полагает, что это позволит исключить разговоры политиков, не относящихся к политическому контексту, и включить группы людей, принимающих участие в политических событиях [Van Dijk, 1997]. Таким образом, Т. ван Дейк характеризует политический дискурс как неинституциональный, где дискурсивная реализация политики может происходить на уровне бытового личностного общения.

Е. И. Шейгал придерживается также широкого смысла политического дискурса, в котором к политике должна относиться хотя бы одна из его составляющих: субъект, адресат или речевое произведение [Шейгал, 2004].

Политический дискурс по своей сути является выражением взаимоотношений между человеком и обществом, тем самым формируя у адресатов восприятие определенной области или картину мира. С помощью политического дискурса можно выяснить, какие культурные ценности присутствуют в определенных языковых коллективах, как пропагандируется социальный порядок в обществе, какие элементы языковой картины мира намеренно упускаются в общении, как происходит формирование концептуальной картины мира, которая свойственна каждому языковому коллективу [Попова, Стернин, 1984].

Политический дискурс характеризуется «смыслом, т.е. соотнесен с реальностью, и сущностной “привязкой” (субъектно определяется группой людей). Различные субъекты общения по-разному отражаются в дискурсе: коммуникативные формы порождают свое содержание» [Архипкин, 2013, с. 17].

Основываясь на вышесказанном, можно прийти к заключению, что институциональный политический дискурс – это дискурс, который используется политиками в политической коммуникации, направлен на воздействие на адресата с целью сохранения, осуществления, перераспределения и завоевания политической власти. Он также является «отражением» реальности, в которой происходит, с привязкой к определенному периоду, культурным ценностям языковых коллективов.

Исследуя политический дискурс, Е. И. Шейгал пытается найти точки соприкосновения политического и других видов дискурса и опирается на полевой подход, в котором в центре политического дискурса находятся первичные жанры, а именно: речи, заявления и дебаты политиков, на периферии располагаются жанры, в которых отсутствует функция борьбы за власть, таковыми являются статьи, письма в редакцию по политической направленности и другие. Автор полагает, что данный подход помогает отграничить политический институциональный дискурс от политического неинституционального вида дискурса [Шейгал, 2004].

С. Н. Плотникова также стремится к ограничению понятия политического дискурса, вследствие чего предлагает рассмотреть понятие с позиции авторства. Так, с точки зрения адресанта, политический дискурс можно разделить на дискурс политиков и дискурс реагирования, под последним понимаются реплики, произведенные в качестве реакции на дискурс политика [Плотникова, 2005]. Дискурс политика носит институциональный характер, поскольку политики, выступая на официальных заседаниях, всегда придерживаются установленных правил своего института, в то время как дискурс реагирования относится к неинституциональному типу дискурса, поскольку реагирующий может выразить свой ответ в свободной форме, не придерживаясь институциональной политической сферы.

Отмечается, что дискурс реагирования всегда вторичен дискурсу политиков, таким образом, дискурс политика является «запуском» дискурса реагирования и выступает основой для вторичного дискурса, где он находится в сжатом и

структурно обработанном виде, в последствии он интерпретирован сознанием адресата с приращением новых смыслов и оценок [Плотникова, Домышева, 2009].

Дискурс реагирования существует в двух областях одновременно: в политическом коммуникативном и в политическом дискурсивном. Процесс перехода из одного пространства в другое осуществляется в момент создания дискурсивной реплики адресантом [Домышева, 2008]. Данный вид дискурса происходит с помощью двух коммуникативных установок: замещения своим материалом неудобного и материализации в когнитивной цепочке «событие – восприятие – осознание – реакция, ответное действие» [Плотникова, Домышева, 2009].

Неинституциональный политический дискурс – «уникальное дискурсивное образование: оно складывается в рамках бытового личностного общения как реакция на проекцию институционального дискурса на медийный» [Красильникова, 2012, с. 131].

Таким образом, неинституциональный политический дискурс, он же политический дискурс реагирования, представляет собой общение, спроектированное оценочной реакцией коммуникантов на политические явления и участием в обмене мнений, в решении проблем общества и государства, которое уточняет или формирует их картину мира.

1.1.4 Интернет-дискурс и неинституциональный политический интернет-дискурс

Возникновение и общедоступность Интернета внесло свои коррективы в языковую среду, непосредственно в само общение. Они столь масштабны и глобальны, что заставляют лингвистов обратить внимание на особенности этой коммуникации.

СМИ выступают посредниками между аудиторией и социальными институтами. Освещая информацию, актуальную для принятия политических решений, важных для широкой общественности, массмедиа не только информируют граждан о взглядах политиков и последствиях их действий, о результатах политики, проводимой государством, и о ситуации на международной

арене, но и целенаправленно устанавливают тематику новостей, определяя, какие темы освещать, а какие игнорировать, занимают определенную позицию по вопросам внутренней и внешней политики, влияют на политический процесс на всех его этапах, на репутацию и образы как отдельных политиков, так и целых государств. По сути, дискурс массмедиа – это вторичный дискурс, поскольку информация, доводимая до потребителя, перерабатывается в соответствии с идеологическими и аксиологическими установками журналистов. Как отмечают специалисты, «технологичность политической коммуникации в СМИ реализуется по нескольким линиям: осуществление воздействия, манипулирование сознанием адресата, субъективизация подачи фактов» [Иванова, Чанышева, 2014, с. 39].

В век стремительного развития информационных и коммуникационных технологий интернет-дискурс стал новым каналом коммуникации, который активно используется для взаимодействия политических институтов и аудитории и является альтернативой традиционному медиа. Под интернет-дискурсом в данной работе понимается коммуникативное действие, предполагающее дистантное интерактивное общение виртуальных собеседников и происходящее в компьютерных сетях. Компьютерное общение, интернет-дискурс, обладает особой характеристикой – наличием электронных сигналов коммуникации. Современные технологии способствуют новому уровню общения, давая возможность передавать и хранить большой объем информации, создавать видеоконференции, общаться в режиме онлайн [Галичкина, 2004].

Существуя в искусственно созданном коммуникативном пространстве, интернет-дискурс условен и не имеет временных и пространственных границ. Благодаря подобным свойствам, неограниченное количество коммуникантов со всего мира имеет возможность общаться в единый момент времени, что приводит к изменению и реорганизации национальных, культурных, политических и других границ. Таким образом, виртуальное пространство подвергается изменениям и «предстает в виде множества сетевых образований, где “собираются” участники интернет-дискурса – чаты, форумы, социальные сети и так далее» [Русанов, 2016, с. 215].

Интернет-дискурс характеризуется своей многогранностью, обладая признаками, присущими различным видам коммуникации. Интернет-коммуникация имеет черты *массовой*, но превосходит ее в масштабности: в Интернете общение происходит со всем миром; *внутриличностной*, т.к. общение осуществляется между пользователем и компьютером; *групповой*, поскольку коммуниканты общаются на форумах, в чатах и социальных сетях [Овчарова, 2008]. Помимо этих масштабных черт, интернет-дискурс выделяется среди других видов дискурса при помощи не менее значительного объема признаков.

Интернет-дискурсу свойственны следующие специфические признаки:

- *виртуальность* – возможность общаться с условным незнакомым собеседником;
- *дистантность* – общение, подразумевающее разницу не только в пространстве, но и во времени;
- *опосредованность* – общение происходит с помощью технического средства;
- *креолизованность компьютерных текстов* или *мультимедийность* – информация имеет текстовую, графическую, звуковую, видеоформы [Сорокин, 1990; Vaughan, 2011];
- *синкретичность* – слияние двух дискурсов – политического и интернет-дискурса [Тагильцева, 2006];
- *большая объективность* (по сравнению с официальными СМИ) [Тагильцева, 2006];
- *динамичность и эзотеричность* [Сиркия, 2018];
- *комбинация различных видов дискурса* [Галичкина, 2001];
- *неофициальность, стихийность и многоголосие* способствуют объединению быстро возникающих и угасающих трендов, существующих в определенном речевом сообществе [Блинова, 2019];
- *гипертекстуальность* – свойство текста направлять реципиента к любым текстам [Воевудская, Шурлина, 2019];
- *фантомность* – ирреальность политических событий [Бабитова, 2017];

- *фидеистичность* – иррациональность, опора на сознание реципиентов [Волобуев, 2015];
- *коллоквиализм* и *неография* – приемы лексической социо-стилистической вариативности, включающей в себя разговорные выражения в условиях неформального общения, а также такие приемы, как идиомы, сокращения, фонетическая орфография, подавление гласных, фразовые глаголы и др. [Lehti, Laippala, 2014];
- *взаимокаузальность* – реципиенты могут не только реагировать, но и провоцировать адресантов на реакцию [Плотникова, Домышева, 2009];
- *реконтекстуализация* – процесс преобразования сообщений о политических событиях, высказываний политиков в соответствии с лингвистическими преобразованиями, такими, как адаптация цитаты для ее включения в синтаксическую структуру предложения и др. [Schäffner, Bassnett, 2010].

Компьютерная коммуникация включает в себя два вида общения: личностно-ориентированное (переписка в социальных сетях, блогах, мессенджерах, по электронной почте и др.) и статусно-ориентированное, институциональное общение (общение в конференциях на определенные темы, такие, как спорт, медицина, политика и др.) [Галичкина, 2001]. Личностно-ориентированное общение не может относиться к определенному институциональному дискурсу, поскольку содержит признаки различных видов дискурса, вследствие чего его можно охарактеризовать как неинституциональный дискурс.

Неинституциональный интернет-дискурс реализует подачу информации на личностно-ориентированном уровне, где общение может происходить по электронной почте, видеосвязи и другим системам мгновенного обмена информацией. Помимо бытового дискурса, неинституциональный интернет-дискурс может быть представлен в медийном дискурсе в виде комментариев к статьям в электронных журналах, писем в редакции СМИ по политической проблематике, как сообщения в социальных сетях, блогах, форумах и т.д.

В этом дискурсе провоцируется и раскрывается ответная реакция общества на послания политических агентов, и эта реакция предстает в виде комментариев к статьям, обсуждения в чатах, блогах, писем в редакцию, а также в виде обращений к политическим деятелям. Эта реакция демонстрирует, были ли достигнуты поставленные цели политических агентов и насколько было эффективно прагматическое воздействие на получателей информации [Красильникова, 2012]. Поскольку неинституциональный интернет-дискурс совмещает в себе черты двух дискурсов – политического и медийного, то он является гибридным форматом, сочетающим дискурс-основы политического и медийного типов дискурса, исследуя который можно выяснить реакцию реципиентов на происходящие политические события в определенный период времени.

Общественное мнение в неинституциональном политическом интернет-дискурсе являет собой оценочную интерпретацию политического явления, его участников, дискуссии на тему значимых проблем общества и государства, влияние на стереотипы коммуникантов, формирование их картины мира [Кошарная, 2002].

Неинституциональный политический интернет-дискурс является дискурсом реагирования на дискурс политиков – когнитивной обработкой информации, в ходе которой происходят приращение новых смыслов и оценочная объективизация информации иницирующего дискурса [Гальчук, 2020]. Дискурс реагирования, или неинституциональный политический интернет-дискурс, является вторичным по отношению к политическому и медийному дискурсам, но и более объемным, поскольку включает личное мнение коммуникантов, интерпретацию политической ситуации, стремления и надежды.

Итак, неинституциональный политический интернет-дискурс синтезирует черты медийного и политического дискурсов, транслируя аксиологические установки коммуникантов электронно-опосредованного общения и предполагая их статусное равенство [Солопова, Будаев, Бойко, 2020]. То есть неинституциональный политический интернет-дискурс представляет собой гибридный формат медийного и политического дискурсов, происходящий между

коммуникантами в электронно-опосредованной среде, сжато и выборочно интерпретирующий дискурс политиков, порождающий новые смыслы и оценки.

1.1.5 Жанры неинституционального политического интернет-дискурса

Язык в электронно-опосредованной среде находится в постоянном движении, в связи с чем лингвистам представляется трудным выявить универсальную классификацию жанров новой коммуникационной среды [Баженова, Иванова, 2012; Горошко, Землякова, 2011; Горошко, Жигалина, 2010; Карпоян, 2015; Лутовинова, 2009; Горошко, Павлова, 2015; Пак, 2012; Селютин, 2009; Ульянова, 2014; Щипицина, 2009; Herring, 2007]. Прежде чем перейти к их рассмотрению, обратимся к понятию «интернет-жанр».

Существуют следующие термины: *виртуальный жанр* [Горошко, Жигалина, 2010; Горошко, Землякова, 2011; Лутовинова, 2009; Ульянова, 2014], *интернет-жанр* [Селютин, 2009; Горошко, Павлова, 2015; Баженова, Иванова, 2012], *гипержанр*, *электронный жанр* [Капанадзе, 2001], *цифровой жанр* [Горошко, Жигалина, 2010], *дигитальный жанр* [Щипицина, 2009], *сетевой жанр* [Трофимова, 2003-2004], *жанр виртуальной коммуникации* [Карпоян, 2015]. Мы придерживаемся понятия «виртуальный жанр» ввиду его распространенности, поскольку существует устоявшийся термин «виртуальное жанроведение» [Горошко, Жигалина, 2010; Горошко, Землякова, 2011].

Выбор жанра общения коммуникантом напрямую зависит от его цели. Понятие «жанр» в отношении интернет-коммуникации имеет различное толкование в работах лингвистов, по этой причине термину приписываются различные функции.

В широком смысле виртуальный жанр должен быть довольно объемным явлением, которое объединяет тексты по общему признаку. В то время как в узком смысле виртуальный жанр предстает как некое единство формы и содержания, которое обладает «определенными специфическими чертами коммуникативного характера и служит для реализации отдельных интенций пользователя» [Селютин, 2009, с. 139].

Работа М. М. Бахтина вывела термин «жанр» на новый уровень – он стал использоваться по отношению к дискурсу, а не только по отношению к формам литературных текстов. М. М. Бахтин понимает «жанр» как «устойчивый тип текста, объединенный единой коммуникативной функцией, а также сходными композиционными и стилистическими признаками» [Бахтин, 1986, с. 255]. Виртуальный жанр выступает в виде единства формы и содержания текста, которое обладает определенными композиционными и стилистическими характеристиками и служит для проявления интенции коммуниканта в сфере Интернет.

Интернет-технологии «не стоят на месте», поэтому жанровая система интернет-дискурса многоаспектна и имеет огромное количество подходов к ее классификации. Основываясь на структурности и композиции текста, на интенциональном разнообразии высказываний, О. В. Лутовинова делит жанры виртуального дискурса на дискурсообразующие и дискурсоприобретенные жанры.

Дискурсообразующими жанрами можно назвать опирающиеся на структуру и композицию текста, основой которого служат естественно сложившиеся формы общения. Примерами таких жанров являются блог, форум, чат, e-mail, мгновенное сообщение, многопользовательская развлекательная игра.

Дискурсоприобретенные жанры опираются на интенцию коммуникантов, которые придерживаются устойчивых типов высказываний в зависимости от ситуации социального взаимодействия. К дискурсоприобретенным жанрам относятся сетевой флирт, виртуальный роман, спам и послание. О. В. Лутовинова отмечает, что виртуальные жанры могут быть взаимозаменяемы в зависимости от ситуации, изменяться внутри других жанров благодаря бурному развитию информационных технологий, что ведет к формированию новых жанров в виртуальной среде [Лутовинова, 2009].

Л. Ю. Щипина разработала классификацию виртуальных жанров по коммуникативной функции электронно-опосредованной коммуникации. Эта классификация состоит из шести групп:

1. *Информативные жанры* служат для обмена и предъявления информации. Примером таких жанров являются институциональные веб-страницы, сайты

новостных агентств, сетевых СМИ, электронные библиотеки и энциклопедии, архивы, поисковые системы, каталоги.

2. *Директивные жанры* направлены на осуществление обратной реакции от адресата – какого-либо действия. Эти жанры включают интернет-магазины, различные веб-рекламы, объявления.

3. *Фатические жанры* предназначены для удовлетворения потребности в общении и соблюдении правил этикета; к ним относят чат, социальные сети, электронные письма, форумы.

4. *Презентационные жанры* нацелены на самовыражение личности в виртуальном пространстве, представление и развитие своей компании или произведения. Примером данного жанра могут выступать личные веб-страницы, различные веблоги.

5. *Эстетические жанры* служат для реализации художественно-творческого потенциала, для создания мнимой реальности, с помощью которой происходит воздействие на адресата. Этот вид жанров включает сочинения, использующие идею оригинальных произведений, но видоизменяющие сюжет (его предысторию, продолжение и т.п.), например фанфикшн, сетевые романы и рассказы.

6. *Развлекательные жанры* направлены на получение удовольствия от принятия участия в определенных коммуникативных действиях, таких, как многопользовательские миры и игры [Щипицина, 2009].

Необходимо отметить, что виртуальные жанры могут совмещать в себе различные функции, но относятся к определенной группе в зависимости от главной функции жанра [Щипицина, 2009; Schmitz, 2004]. Так, форумы и социальные сети способствуют обмену информации и ее предъявлению, а веблоги – удовлетворению потребности в общении.

Е. И. Горошко, Е. А. Землякова классифицируют жанровую систему Интернета с помощью понятия «гипержанр Интернета», под которым понимается «жанровое макрообразование, сопровождающее социально-коммуникативные ситуации в сети Интернет и объединяющее в своем составе несколько жанров» [Горошко, Землякова 2011, с. 233].

Авторы обращают внимание, что при отображении специфики виртуальных жанров необходимо учитывать *технологический параметр коммуникации*, *временной параметр* (синхронна ли коммуникация), *регламентированность* (есть ли требования к форме коммуникации), *характер адресата* (массовый или личный).

Учитывая перечисленные параметры, Е. И. Горошко, Е. А. Землякова представляют жанровую систему, разграничивая жанры и гипержанры [Горошко, Землякова, 2011]. Как было отмечено выше, под жанром понимается тип текста, характеризующийся определенными композиционными и стилистическими признаками и обладающий единой коммуникативной функцией. К гипержанрам можно отнести сайт, блог, социальную сеть и онлайн библиотеку. В них также можно выделить субжанры, которые предстают как минимальные единицы типологии речевых жанров и равны одному речевому акту [Седов, 2007]. Примером субжанра может послужить пост или комментарий в гипержанре блога. К жанрам интернет-коммуникации можно причислить e-mail, форум, чаты, мессенджеры, онлайн конференции, заметки автора, комментарии и другие [Горошко, Землякова, 2011].

Бурное развитие технологий затронуло многие сферы деятельности, в том числе современную политику, что повлекло за собой изменения в политическом интернет-дискурсе, представленным обширным количеством жанров. Отмечается, что политический интернет-дискурс увеличил свое влияние на политические процессы, происходящие как по всему миру, так и локально. Е. И. Горошко, Л. В. Павлова вводят новое понятие, описывающее политический сегмент Всемирной паутины, – политический Интернет, который является коммуникативным пространством сети Интернет, объединяющим все многообразие дискурсивных политических практик, используемых политическими агентами в своих целях: информирование и воздействие на граждан с целью поддержания своей кандидатуры, взглядов; для принятия участия в решении политических вопросов [Горошко, Павлова 2015].

Ввиду развития технологий и, как следствие, сети Интернет жанровая система в неинституциональном политическом интернет-дискурсе находится в постоянном движении, поскольку меняется само общение в Сети, что вызывает проблему унификации жанров неинституционального политического интернет-дискурса.

Опираясь на проведенный анализ, можно сделать вывод о том, что неинституциональный политический интернет-дискурс, основой которого служат естественно сложившиеся формы общения, реализуется в дискурсообразующем жанре, по коммуникативной функции – в фатическом гипержанре. В качестве примера данного типа дискурса выступают веб-сайты, веблоги, сетевое сообщество вопросов и ответов, социальные сети и другое.

1.2. Функционирование метафоры в дискурсе

Крупнейшие мыслители, от Аристотеля до Ж.-Ж. Руссо, Г. В. Ф. Гегеля и далее до Э. Кассирера, были вовлечены в исследования о сущности метафоры. Изучением природы метафоры занимались не только ученые, но и ее создатели – поэты, писатели, философы, искусствоведы. Исследования метафоры распространялись на многие области знания: философию, психологию, герменевтику, риторику и другие, поскольку ее присутствие проявлялось в текстах различных видов, начиная с публицистики и заканчивая научными текстами [Арутюнова, 1990]. Именно экспансия метафоры в разные виды дискурса побудила ученых во многих областях научного знания с возросшим интересом приступить к проблематике ее изучения.

В конце XX века языкознание проявило интерес к взаимодействию языка с культурой и мышлением, рассматривало язык не как замкнутую и обособленную систему, но как «антропоцентрический феномен» [Апресян, 1971]. Впоследствии эти исследования привели к созданию нового направления – когнитивной лингвистики, которая представляет собой подход к исследованию языка как общего когнитивного механизма [Демьянков, 1994], как когнитивного инструмента, «играющего роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Кубрякова, 1994, с. 53]. Когнитивная

лингвистика смогла дать ответы на многие вопросы, которые занимали ученых на протяжении столетий. Метафора и ее сущность были в числе таких вопросов.

Современная когнитивистика пришла к выводу, что метафора не ограничивается сферой языка, она не является Аристотелевым «сокращенным сравнением»: метафора – это «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель, 1982, с. 669]. Далее Аристотель отмечает, что «создавать хорошие метафоры – значит подмечать сходство» [Там же, с. 672]. Метафора, по мнению зарубежных и отечественных ученых [Лакофф, Джонсон, 1990; Арутюнова, 1990; Баранов, Караулов, 1991; Кубрякова, 1997; Будаев, Чудинов, 2008 и др.], выступает как основная ментальная операция, способ изучения, структурирования и объяснения мира. Человек мыслит метафорами и при помощи них создает окружающий его мир. Многие лингвисты, писатели и философы исследовали феномен метафоричности мышления, среди них Ф. Ницше, Д. А. Миллер, Э. МакКормак, Т. Добжиньская, П. Рикер и другие.

Дж. Джейнс полагает, что эволюция сознания связана со способностью к метафоризации и рассматривает метафору как способ расширения нашего восприятия, понимания мира и человеческого сознания. Исследователь считает, что «абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор» [Jaynes, 1976, с. 50], однако большинство людей не осознает, что многие слова наделены метафоричностью: это «слова, обозначающие абстрактные понятия, как древние монеты, чье изображение стерлось от частого использования» [Там же, с. 51]. Человек, сталкиваясь с неизвестным, малопонятным и пытаясь это осмыслить, стремится подобрать подходящую метафору, которая сможет образно это представить.

Дж. Лакофф и М. Джонсон исследуют метафору в рамках когнитивного подхода, что внесло системность в описание метафоры как когнитивного механизма [Lakoff, Johnson, 1980]. Авторы утверждают, что метафора является феноменом сознания и существует не только в языке, но также проявляется в мышлении и в действии. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон, 2004]. В

соответствии с этим подходом метафорические модели заложены в понятийной системе человека. Этот подход рассматривает метафору как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры, тем самым выводя ее за пределы языковой системы.

Теория концептуальной метафоры строится на том, что метафоризация происходит при взаимодействии структур знаний (фреймов и сценариев) двух концептуальных доменов: сферы-источника (также встречаются термины: *source domain*, исходная понятийная область, область источника, источник метафорической экспансии) и сферы-мишени (также встречаются термины: *target domain*, новая понятийная область, область цели, направление метафорической экспансии). В процессе взаимодействия осуществляется однонаправленная «метафорическая проекция» (*metaphorical mapping*) или «когнитивное отображение» (*cognitive mapping*) из сферы-источника в сферу-мишень. Когнитивный потенциал метафоры состоит в том, что в ходе такой проекции структурируется менее понятная концептуальная сфера-мишень за счет элементов знаний, взятых из сферы-источника, которые сформировались у человека в результате его взаимодействия с действительностью [Зарипов, 2015]. Как следствие, категоризация действительности происходит за счет новых знаний, полученных из опыта взаимодействия человека с действительностью, в виде простых когнитивных структур – «схем образов».

Вслед за А. Н. Барановым будем под когнитивной метафорой понимать «устойчивые соответствия между сферой-источником и сферой-мишенью, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [Баранов, 2004, с. 11]. Отличие метафоры от концептуальной (когнитивной) метафоры состоит в том, что концептуальная метафора предстает в виде определенной схемы, которая отображает связь одной концептуальной сферы с другой в сознании человека. Так, метафора в тексте – это одна лексическая единица, употребленная в переносном смысле, в то время как концептуальная метафора объединяет в себе «все возможные варианты употреблений метафор в соответствующем концептуальном поле» [Зарипов, 2015, с. 48]. Для примера стоит рассмотреть

концептуальную метафору Дж. Лакоффа и М. Джонсона «СПОР – это ВОЙНА» [Лакофф, Джонсон, 1990], которая подразумевает не сравнение лексемы «спор» с лексемой «война», а означает, что элементы концептуального поля «ВОЙНА» структурируют в сознании человека концептуальное поле «СПОР». В данном случае такими элементами являются лексемы «война», «атаковать», «нападать», «наступать», «стратегия», «разбить», «воевать», «проиграть», «отступить» и другие, которые человек использует вследствие метафоричности мышления для объяснения невоенной сферы жизнедеятельности – спора.

Теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона получила широкое признание в мировой науке. Она активно развивается во многих научных школах, имеется немало исследований, посвященных изучению феномена метафоры, однако многие аспекты когнитивной теории по-прежнему остаются дискуссионными.

Такие вопросы включают процедуры обработки знаний, направленность механизма метафоризации, способы репрезентации и системности когнитивных структур [Зарипов, 2015].

В современной лингвистике существует множество теорий, взаимодополняющих и развивающих друг друга, которые образуют единую научную систему когнитивного подхода к изучению метафоры [Будаев, 2007]:

- классическая теория концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson, 1980];
- теория концептуальной интеграции (теория блендинга) [Turner, Fauconnier, 1995; 2000];
- теория первичных и сложных метафор [Grady et al. 1996];
- когерентная модель метафоры [Spellman et al. 1993];
- модель концептуальной проекции [Ahrens, 2002; Chung et al. 2003];
- коннективная теория метафорической интерпретации [Ritchi, 2003a, 2003b, 2004a, 2004b];
- дескрипторная теория метафоры [Баранов, 2003; Баранов, Караулов 1991, 1994];
- теория регулярной многозначности [Апресян, 1971; Багичева, 2016; Стернин, 1995; Чудинов 2001, 2003];

- теория метафорического моделирования [Чудинов 2001, 2003] и другие.

Несмотря на множество различных подходов к проблеме в рамках когнитивного направления, исследователи по-прежнему продолжают разрабатывать и дополнять некоторые положения теории концептуальной метафоры.

Теоретической основой предлагаемого ниже описания закономерностей метафорического моделирования действительности выступает классическая теория концептуальной метафоры (Ф. Ницше, М. Джонсон, Э. Кассирер, З. Кевечес, Дж. Лакофф, Э. Маккормак, Х. Ортега-и-Гассет, А. Ричардс, А. П. Чудинов и другие), которая успешно развивается в России.

Выделяют следующие особенности когнитивного подхода к метафоре.

Во-первых, метафора выступает важнейшим инструментом в познании окружающей действительности и мира в целом. М. Блэк полагает, что метафора играет роль «когнитивного средства», которое предоставляет новые способы для изучения мира [Black, 1962]. Р. Бойд предполагает, что метафоры играют важную роль для выражения новых типов и способов мышления, в том числе и для объяснения новых научных теорий [Boyd, 1993]. Ученые Х. Петри и Р. Ошлаг пришли к подобному выводу, подчеркнув, что путь постижения новых концепций, понятий начинается со знакомой метафоры, затем постепенно приближается к новому явлению [Petrie, Oshlag, 1993]. А. П. Чудинов также отмечает, что в политической сфере, которая крайне сложна и имеет высокую степень абстракции, при метафорическом моделировании человек обращается к более простым и понятным образам из тех сфер, которые он хорошо знает. Метафора выступает как способ мышления, повседневная реальность языка [Чудинов, 2003]. Сталкиваясь с чем-то новым, сложным и неясным, человек для осмысления этого обращается к более знакомой ему сфере. У этой способности существует также и отрицательная сторона, которая заключается в том, что метафора в некоторой степени ограничивает и контролирует представления людей об окружающей действительности.

Во-вторых, в когнитивистике термин «метафора» понимается как некий гештальт, сетевая модель, в которой отношения различной природы и степени близости находятся в непосредственной связи. Известно, что многие направления в лингвистике представляют свое понимание метафоры, выделяя свои аспекты ее изучения, вследствие чего отсутствует единое определение данного термина, поскольку метафора может пониматься и как слово в образном значении, и как группа слов с однотипными метафорическими значениями (милитарная метафора, морбиальная метафора, зооморфная метафора и др.) или как форма мышления, как механизм получения выводного знания [Чудинов, 2004; Чудинов, Будаев, Скворцов, 2019; Солопова, Чудинов 2021; Chilton, 2005; Musolff, 2014, 2017; Giora, Givoni, Fein, 2015].

В-третьих, для понимания метафоры в рамках когнитивной лингвистики характерен широкий подход. Другие теории в лингвистике среди компаративных тропов отчетливо разграничивают сравнение, в котором есть показатель компаративности (как, будто, словно и др.), и метафору, для которой характерно отсутствие подобных указателей, в то время как при когнитивном подходе рассматриваемый троп относится к метафоре [Чудинов, 2004]. Н. Д. Арутюнова утверждает, что метафорой в широком смысле «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова, 1990, с. 296–297]. В этом понимании в объем метафоры, помимо сравнения, входят и другие компаративные тропы: гипербола, метонимия, фразеологизмы и другие. Это может объясняться тем, что когнитивная лингвистика сосредоточена на содержательном аспекте при выделении метафор.

Процесс познания действительности, формирование ее восприятия происходят с помощью системы понятий, которая преимущественно метафорична, так как наше поведение и опыт в большей степени обуславливаются метафорой. Сущность метафоры заключается в том, что с использованием терминов явлений одного рода происходит осмысление и переживание явлений другого рода [Лакофф, Джонсон, 1990]. Так, понятия организуются метафорически, что ведет за собой упорядочивание языка метафорически.

Метафора не только создает понятийную систему человека, но и влияет на формирование его ценностной системы. Метафоры являются неотъемлемой частью нашей действительности, они обозначают явления, которые составляют среду нашей жизни, нашего опыта. Все эти факторы повышают оценочный модус метафор. Когнитивный и воздействующий потенциал метафор применяется в политическом дискурсе для формирования желаемой, необходимой адресанту действительности.

1.3. Потенциал политической метафоры в моделировании будущего

В линейном понимании время предстает как единство трех составляющих: прошлого, настоящего и будущего. Прошлое выступает как констатация фактов – «фактичность», настоящее как «неизбежность», будущее можно представить как «проект» [Пирожкова, 2011]. Познать будущее невозможно, но можно попытаться его предугадать, спланировать, построить предположения и догадки [Есперсен, 1958].

Настоящее предопределяет будущее, а будущее предсуществует в настоящем, в связи с этим представляется возможным обусловить ход вероятного развития будущего, потому что его цели предзаданы [Князева, 2000]. В таком случае будущее соприкасается с понятием «результата», для достижения которого у нас есть необходимые данные, а именно представление грядущих событий как возможной формы существования будущей действительности в определенном фокусе.

Будущее является важным образом в любой политической деятельности, так как любое политическое действие нацелено на достижение определенного результата. Именно образ будущего является объектом изучения лингвополитической прогностики – междисциплинарного направления, объединяющего положения прогностики, когнитивной лингвистики и лингвополитологии, касающихся моделирования будущего [Chudinov, Solopova, 2015].

Ученые, занимающиеся проблемами конструирования образа будущего в политическом дискурсе, отмечают, что политическое предвидение «практически

вовлечено в [создание] реальности того, о чем оно возвещает, тем, что сообщает о нем, предвидит его и позволяет предвидеть, делает его приемлемым, а главное, вероятным, тем самым создавая коллективное представление и волю, способные его произвести» [Бурдьё, 2003, с. 34]. Кроме того, в процессе моделирования образа будущего общество познает само себя: собственные установки, цели, стремления и желательное развитие событий [Солопова, 2016; Кара-Мурза, 2011], что приводит нас к выводу о том, что образ политического будущего формируется на фундаменте политического настоящего: когда общества «проецируют себя в будущее <...>, они говорят лишь о своем настоящем, о своих устремлениях, надеждах, страхах и противоречиях современности» [Шмитт, 2008, с. 132].

Процесс «конструирования политического будущего» становится возможным с помощью политических программ, учений, которые не являются отображением реальности, а, скорее, выступают как руководство к действию [Пирожкова, 2015]. Таким образом, реципиент, будь то общество, народ или группа людей, подвержены политическим изменениям, на которые они не в силах повлиять, а должны принять их как прописную истину.

По мнению Т. Сарджент, «размышление о будущем является ключевым фактором в определении текущей деятельности» [Сарджент, 2004], соответственно, политическая ситуация зависит от способностей политических агентов планировать будущее общества.

Знание о будущем как один из факторов способствует не только его формированию, но и возможности его использования для манипулирования политическими, экономическими процессами, которые могут повлиять, порою негативно, на государственное регулирование [Пирожкова, 2011]. Поскольку любое политическое взаимодействие сопровождается политическим дискурсом, агентам политики необходимо искусно владеть этим «мощным властным ресурсом» с целью управления информацией, являющейся стимулом для моделирования будущего. При ее недостатке государственные и общественные институты способны восполнить ее в угоду собственной выгоды.

Будущее является неотъемлемым участником настоящего, они неразрывно связаны между собой. Формирование будущего происходит в настоящем в определенный момент речи и направлено на конструирование возможного мира; эти миры «трансформируют реальность и изображают некую альтернативную действительность» [Мисник, 2006, с. 52]. Из этого следует, что в процессе коммуникативной ситуации отправитель моделирует альтернативный кажущийся мир, устремленный в будущее, для адресата, с целью повлиять на его посткоммуникативное поведение для создания желаемого результата в настоящем [Лесняк, 2013]. В качестве такого результата последствиями «могут быть согласие или несогласие адресатов с видением реальности адресанта» [Клюев, 2002, с. 220]. В политическом дискурсе политики стремятся создать реальность, отвечающую их стремлениям, которая в дальнейшем будет стимулировать адресата сообщения к необходимым для политика действиям.

Успешность продвижения любой политической кампании зависит от состояния общества в настоящий момент, которое, в свою очередь, напрямую является отображением прошлого: «Присутствие прошлого в настоящем делает возможным присутствие настоящего в будущем» [Bourdieu, 1997, с. 251]. Анализ политического настоящего нацелен на выявление факторов развития настоящей действительности, которые могут показать варианты будущих событий и указать верный вектор для достижения желаемого результата [Солопова, 2016].

С помощью когнитивного подхода появляется возможность исследовать ментальные схемы или когнитивные модели, которые лежат в основе любого политического текста [Будаев, Чудинов, 2008]. При изучении структуры и содержания этих когнитивных моделей, представляется возможным изучить образ мышления представителей политических и неполитических институтов, функционирующих в определенный исторический период. Более того, эти модели помогают построить «прогностические модели в политологии» [Basilev, 2007].

Моделирование будущего государства является сложным объектом, для исследования которого должны применяться разные методы, конкретизированные с учетом специфики предмета исследования, особенностей когнитивного

конструирования социальной ситуации будущего в политическом дискурсе, а также цели познания. Целью исследования лингвополитической прогностики выступает изучение моделей будущего России, порожденных как во внутренних разнонаправленных дискурсах, так и во внешних дискурсах политических партнеров-противников в ракурсах внутридискурсивного и междискурсивного сопоставления с привлечением материала различных хронологических срезов. Разработанная О. А. Солоповой трехуровневая методика лингвополитического исследования включает сопоставление синхронных и диахронных моделей, каждая из которых состоит из матрицы (статической / динамической), системы метафорических моделей (в синхронии и в диахронии) и лингвопрогнозного сценария (статического / динамического). Комплексная методика исследования позволяет увидеть когнитивный аппарат политического прогноза, установить особенности восприятия будущего России в политических дискурсах разных стран в исследуемые эпохи, обусловленные лингвокультурными и дискурсивными факторами, а также выявить универсальные черты в репрезентации будущего России, типичные для дискурсов разных стран и эпох [Солопова, 2016].

Прогностичность является содержательной категорией политического дискурса, тесно взаимодействующей с внеязыковой действительностью: «экстралингвистические факторы настоящего того или иного государства обуславливают концептуализацию будущего страны, и предвосхищение будущих событий влияет на поведение индивида и общества в целом» [Там же, с. 65]. Так, у социума формируется не пассивно-созерцательное отношение к настоящему, а «отношение деятельное, призванное изменить настоящее для изменения будущего» [Сабурова, 2010, с. 325]. Планирование и предвосхищение будущего «воздействуют на внеязыковую ситуацию, формируют и упорядочивают ее» [Базылев, 2012, с. 18]. Образы будущего, воздействуя на внеязыковую ситуацию и существующую в сознании социума картину мира, могут вносить коррективы в политическое настоящее, вследствие чего созданный образ может стать причиной события.

Метафора в политической коммуникации имеет особое значение: она «обладает мощным прагматическим потенциалом, оказывает сильное воздействие на адресата, формирует определенное отношение к изображаемому» [Кондратьева, 2011, с. 2020]. В прогностическом тексте политической проблематики метафора также является одной из основных единиц познания, формирования и репрезентации категории прогностичности. Под прогностическим текстом понимается текст политического характера, предметом отображения которого является «анализ настоящих тенденций и будущих перспектив развития ситуации либо последствий выбора одной из альтернатив (положительной / отрицательной)» [Солопова, 2017, с. 56], целью которых является воздействие на адресата для получения необходимого результата с помощью продвижения образов будущих реальностей, а также на политическую ситуацию для ее изменения. Категория прогностичности связана с познавательной деятельностью человека и его способностью к «опережающему» мышлению [Солопова, 2020; Solopova, Chudinov, 2019]. При помощи метафоры в прогностическом тексте, нацеленном на достижение желаемого результата адресантом, моделируются ситуации настоящей действительности и строятся прогнозы ее последствий.

В рамках лингвополитической прогностики считается, что «метафора задает направленность прогностического текста в “светлом” или в “мрачном” ключе, организуя его, выступая конституирующим элементом содержательно-смыслового пространства прогноза, связывая различные лингвистические средства выражения категории прогностичности, устанавливая функциональные связи между ними, скрепляя их в единое концептуальное целое» [Солопова, 2017; Chudinov, Solopova, 2015; Anikin, Budaev, Chudinov 2015; Chilton, 2005; Kagan, Solopova, 2022; Solopova, Chudinov, 2019]. Интерпретируя прошлое и настоящее, метафора, подвергаясь воздействию экстралингвистических факторов, структурирует видение будущего, организуя прогноз возможной реальности. Она управляет этим сценарием и направляет его по пути «светлой» или «мрачной» альтернативы. Таким образом, метафора является эффективным инструментом в формировании понимания

политического будущего, представляя его в наиболее выгодном для адресанта сообщении свете: в светлых или темных тонах.

Выводы по главе 1

Дискурс как лингвистический термин до сих пор не имеет однозначного толкования. В работе под дискурсом понимается коммуникативная деятельность, происходящая с целью установления и поддержания контакта для эмоционального и информационного обмена, построения коммуникативных стратегий, которое может быть устным или письменным и иметь вербальные и невербальные составляющие.

С точки зрения социолингвистического подхода дискурс делится на институциональный и неинституциональный.

Институциональный дискурс выступает как коммуникативное событие с определенной оценочной и когнитивной базой, происходящее между участниками в рамках статусно-ролевых отношений, где, по крайней мере, один из участников является представителем этого социального института.

Неинституциональный дискурс, в свою очередь, понимается как общение, направленное на познание внутреннего мира собеседников, в котором участники не придерживаются законов статусно-ролевого взаимодействия.

Политический дискурс объединяет все речевые действия участников политической коммуникации; он «отражает» реальность, в которой происходит: события определенного периода времени и культурные ценности языковых коллективов.

С позиции институциональности политический дискурс может быть институциональным и неинституциональным.

Институциональный политический дискурс – это дискурс, который используется политиками в политической коммуникации, направлен на воздействие на адресата с целью сохранения, осуществления, перераспределения и завоевания политической власти.

Неинституциональный политический дискурс, он же политический дискурс реагирования, представляет собой общение, спроектированное оценочной реакцией коммуникантов на политические явления и участием в обмене мнениями,

в решении проблем общества и государства, которое уточняет или формирует их картину мира.

В связи с расширением пространства освоения политического дискурса в сети Интернет на смену традиционным медиа приходит новый канал коммуникации, активно используемый для взаимодействия политических институтов и аудитории, под которым понимается неинституциональный политический интернет-дискурс. Он синтезирует черты медийного и политического дискурсов, транслируя аксиологические установки коммуникантов электронно-опосредованного общения и предполагая их статусное равенство. Основой этого дискурса служат естественно сложившиеся формы общения, примерами могут выступать форум, чат, блог, мгновенные сообщения, комментарии и другие. Данный вид дискурса относится к дискурсообразующему типу жанра, по коммуникативной функции – к фатическому гипержанру.

Экспансия метафоры в разные виды дискурса побуждает исследователей обратиться к проблематике ее изучения в неинституциональном политическом интернет-дискурсе. Метафора представляет собой сложный когнитивный механизм, комплексную образно-семантическую категорию, с помощью которой происходит познание, объяснение, оценка и преобразование мира. Метафора играет одну из важнейших ролей в формировании картины мира человека. Если ранее метафора считалась одним из видов тропа, который осуществляет перенос значения с одного предмета на другой по принципу их сходства, то в современной когнитивной лингвистике ей может называться любое выражение, употребленное в непрямом значении.

Концептуальная теория метафоры, имеющая не только большое теоретическое значение, но и широкое практическое применение, закрепила тезис о метафоричности человеческого мышления и определила концептуальную метафору как устойчивые соответствия между сферой-источником и сферой-мишенью, зафиксированные в языковой и культурной традиции общества и представляющие собой средство для понимания онтологических процессов окружающего мира.

Метафора, являясь одним из основных языковых средств политического и идеологического воздействия, применяется в политическом дискурсе для формирования желаемой, необходимой адресанту действительности, и для моделирования будущего, представляя его в наиболее выгодном для субъекта сообщения свете – в светлых или темных тонах.

ГЛАВА 2. ДОМИНАНТНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ США И КИТАЯ

2.1 Методика анализа метафорических моделей со сферой-мишенью «будущее России» в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая

2.1.1 Источники и материал исследования

В качестве источника материала выбраны платформа Квора (Quora) [quora.com] и популярный веб-сервис обмена мнениями 知乎 (Zhihu) [zhihu.com].

Платформа Quora [quora.com], основанная в 2009 году в Калифорнии, стала доступна общественности в 2010 году. Поскольку сайт «запущен на английском языке, соответственно, пользуется особой популярностью в США, Великобритании, Канаде, Австралии. Пользовательская аудитория, по данным компании, составляет 300 миллионов посетителей в месяц. Quora – это сайт вопросов, вызывающих интерес и способных изменить мир, и ответов “из первых уст” от тех, кто разделяет интересы пользователя и является экспертом в выбранной области» [Бойко, Солопова, 2020, с. 338].

Важной характеристикой платформы, отличающей ее от других социальных сервисов подобного плана, является отсутствие анонимности: Quora требует, чтобы при регистрации были указаны настоящие имена пользователей, страна проживания, род занятий. На главной странице каждому пользователю предлагаются вопросы, персонализированные в соответствии с его предпочтениями: вопросы и ответы на них ранжированы на основании того, насколько релевантными или полезными они являются [Там же, с. 338].

«В сфере массмедиа Китай является одним из самых строгих регуляторов в мире. СМИ Китая в абсолютном большинстве случаев монополизированы правительственной партией КПК (Китайская политическая партия), что предполагает контроль над радио, печатными изданиями и телевизионными каналами, а также цензуру в сфере массовой информации. Сложная и эффективная система цензуры введена и для сети Интернет, которая также находится под

надзором правительства Китая. Тем не менее интернет-дискурс Китая можно охарактеризовать как более открытую, менее ангажированную по сравнению с традиционными СМИ форму коммуникации» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 98]

В качестве второго источника материала для исследования выступает популярный веб-сервис обмена мнениями 知乎 (Zhihu). Веб-сервис представляет собой информационный ресурс, на котором граждане обсуждают горячие события и темы, в том числе международную политику.

知乎 (Zhihu) – это высококачественное китайское интернет-сообщество вопросов и ответов, платформа оригинального контента. Платформа была официально запущена в 2011 году с миссией бренда «дать людям возможность лучше обмениваться знаниями, опытом и инсайтами, находить ответы на свои вопросы» [百度知道– форум вопросов и ответов «Baidu Knows»]. «知乎 (Zhihu), интернет-энциклопедия, “энциклопедия знаний”, или “университет знаний”, включает многочисленные вопросы и ответы пользователей. В июле 2018 года объем финансирования этого ресурса составил около 300 млн. долларов США. В июне 2018 года аудитория “университета знаний” 知乎 (Zhihu) достигла 6 миллионов пользователей, которые получают доступ к ресурсу на коммерческой основе. Каждый день сайт собирает более миллиона человек» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 98].

«На странице вопросов пользователь может получить ответ на интересующий вопрос и ответить на вопросы других пользователей. В этом разделе существует опция оценки вопросов и комментариев, после чего система ранжирует их по предпочтениям пользователя. В результате в профиле каждого пользователя вопросы отсортированы в соответствии с его интересами и приоритетами [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 98–99].

Отбор материала для исследования состоял из ряда этапов. На первом этапе были определены ключевые слова и словосочетания «Russia's future» (будущее

России), «sanctions» (санкции), «俄罗斯未来» (будущее России), «制裁» (санкции) («будущее России» – сфера мишень, период санкционной политики стран Запада в отношении России – хронологические рамки исследования). Данные единицы вводились в поисковый менеджер веб-сервисов Quora и 知乎 (Zhihu) с целью сплошной выборки комментариев пользователей, в которых зафиксированы названные языковые единицы. Результатом данного этапа стали два массива комментариев, отсортированных по релевантности, каждый – объемом 1000 контекстов. В примерах сохранены все особенности (шрифтовые, орфографические, морфологические, синтаксические) оригинальных контекстов. Тематической доминантой собранных массивов материала являются антироссийские санкции, которые в последнее время вызывают повышенный интерес со стороны ученых [Бойко, 2020, 2021; Бубнова, 2015; Виданов, Литвиненко, 2022; Solopova, Khomutova, 2022]. Под санкциями в данной работе понимаются «ограничительные меры, запланированные или введенные страной-санкционером против страны-оппонента и направленные на воспрепятствование развития страны-оппонента или на изменение ее внешней и/или внутренней политики в выгодном для инициатора санкций направлении» [Бойко, 2020, с. 13].

«Используя систему параметров, предложенную Т. Г. Добросклонской, для описания интернет-медиа-текстов, которые составили массив материала для исследования, можно охарактеризовать каждое вхождение в картотеку с точки зрения “особенностей его производства, канала распространения и лингвоформатных признаков” [Добросклонская, 2014, с. 183]. Применим этот набор параметров к нашему предмету: способ производства текста – авторский; форма создания и воспроизведения – письменная; канал распространения – средство массовой информации, носитель: Интернет; функционально-жанровый тип текста – комментарий; принадлежность к устойчивому медиатопику – антироссийские санкции» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 99].

Затем с помощью ручной обработки материала был установлен неметафорический или метафорический характер комментариев. Результаты

данного этапа представлены двумя выборками метафорических единиц: 357 метафор (американский дискурс) и 1078 метафор (китайский дискурс).

2.1.2 Метафорическая плотность американского и китайского дискурсов о будущем России

Высокая метафоричность китайского дискурса, более чем в три раза превышающая уровень метафоричности американского дискурса, обусловлена прежде всего типологическими особенностями китайского языка и лингвокультурными факторами:

1) изолирующим типом языка с точки зрения морфологической структуры: как отмечают исследователи, «тексты, созданные на языке, имеющем максимальный показатель изоляции и наименьший показатель синтетизма, отличаются высоким уровнем метафоричности» [Калинин, Селезнева, 2019; Гурулева, Калинин, 2021].

2) слоговым типом китайского языка с точки зрения фонетико-фонологической типологии: ограниченное количество слогов в языке и развитая морфемная омонимия приводят к тому, что одним из самых продуктивных способов словообразования становится словосложение, которое часто происходит за счет концептуального переосмысления компонентов, в основе которого лежит механизм метафорического переноса. Например, лексема «路口» (перекресток) состоит из слов «路» (дорога) и «口» (рот, уста) и буквально означает «дорожные уста». Благодаря механизму метафорического переноса словосочетание «дорожные уста» обозначает перекресток на основании общих признаков с устами, в них, как и в перекрестке (место, где пересекаются более двух дорог), «встречаются» губы, зубы и язык. Также лексема «圆满» (успешный) состоит из прилагательных «圆» (круглый) и «满» (полный). Исторически в китайском коллективном национальном сознании закрепилось, что если человек «округлый», то есть с избытком веса, то его дом полон еды и денег, а значит он успешен в своих делах. Так, в процессе словообразования прилагательное «полный (человек)» было связано с образом успеха посредством переноса из одной концептуальной области

в другую и формированием у слова нового значения, отличающегося от простой суммы составляющих его компонентов. В общем количестве метафор таких единиц было выделено 118.

3) иконичностью или образностью иероглифического письма, в котором закреплена метафорическая природа китайского языка: фоносемантический принцип, лежащий в основе формирования 95% наиболее распространенных иероглифов современного китайского языка [Ань Цзыцзе (安子介), 1990], основан на объединении радикала, обозначающего значение, и компонента, обозначающего звук, путем метафорического или метонимического переноса. Рассмотрим радикал «心» (сердце), который также является самостоятельным иероглифом. Лексическое значение этого слова пересекается по значению с метафорой «сердце», которая обозначает «место, где возникают эмоции» [Heerik et al. 2020, Hu, Fong, 2010; Hu, Ho, 2009]. Эта метафора, в свою очередь, участвует в создании многих иероглифов, обозначающих различные чувства, эмоции. Например, иероглиф «怒» (гнев), состоящий из иероглифов «奴» (раб) и «心» (сердце), может трактоваться как «раб сердца», то есть человек, который не управляет своими эмоциями, злится; в иероглифе «闷» (скучать) иероглиф «心» (сердце) находится за «门» дверями, взаперти отсюда появляется значение томиться, скучать.

4) в китайском языке омонимия и омография часто лежат в основе образования фразеологических единиц, значение которых формируется путем метафорического осмысления одного образа через другой, что также соответствует механизму концептуальной метафоры. К примеру, фразеологическое словосочетание «一石二鸟» дословно переводится как «одним камнем убить двух птиц», метафорически репрезентирует то, как одним действием можно добиться двойной выгоды, а метафорическое словосочетание «伤筋动骨» (повредить мышцы, переломать кости) означает серьезный ущерб [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info]. Таких случаев было зафиксировано 452.

Английский язык, являясь языком номинативного строя, в фонетико-фонологической и просодической типологии относится к языкам вокалического

типа. Его вокалический характер, по мнению некоторых ученых, находит свое объяснение с точки зрения его сближения с языками изолирующего типа [Лутфуллина, 2017].

В настоящее время существуют различные типологии языков, наиболее известная морфологическая классификация языков выделяет четыре основных типа: флективный, агглютинативный, инкорпорирующий и изолирующий. Ученые сходятся во мнении, что нет языков, которые соответствовали бы только одному типу, так как в структуре каждого языка сосуществуют черты различных типов.

Это утверждение полностью относится и к английскому языку [Аракин, 2005; Долинина, 1982; Зеленецкий, 2004; Кондрашова, Поспелова, 2017; Лутфуллина, 2017; Петрова, 2011], который можно охарактеризовать как флективный по наличию окончаний у глаголов третьего лица единственного числа («she reads») и как изолирующий в связи с фиксированным порядком слов в предложении. Другой чертой изолирующего типа в английском языке выступает «развитость грамматической омонимии, в силу которой лексема обнаруживает свою морфологическую природу только в контексте» [Петрова, 2011, с. 13]. Также в английском языке слабо представлено согласование, и лексемам свойственна одноморфемность – все это черты изолирующих языков.

Еще в начале XX века лингвистами отмечалась многомерность английского языка. По мнению А. И. Зеленецкого, степень политипологичности этого языка удаляет его от других индоевропейских языков. Он считает, что особое внимание должно быть уделено проблеме соотношения изоляции и аналитизма в английском языке и уточнению критериев морфологической классификации [Зеленецкий, 2004]. И. Б. Долинина с позиций морфологии выделяет аналитико-изолирующий тип английского языка [Долинина, 1982].

Таким образом, английский язык является языком смешанного типа, а именно: его можно отнести к переходному основоизолирующе-агглютинативному типу. По сравнению с китайским дискурсом метафоричность текстов на английском языке относительно невысока, поскольку в нем меньше признаков, соотносимых с изоляцией [Калинин, Селезнева, 2019, с. 69].

В настоящей работе после выборки метафорических контекстов устанавливалась сфера-источник метафорической экспансии; с учетом частотности употребления проведен количественный анализ метафорических единиц, актуализирующих ту или иную модель; метафорические модели ранжировались по шкале частотности; конструировались системы метафорических моделей, вербализующих образ будущего России на материале американского и китайского дискурсов (Таблица 1).

Таблица 1. Системы метафорических моделей со сферой-мишенью «Будущее России»
(дискурсы США и КНР)

	Метафорическая модель (ММ)	Количество, %, США	Количество, %, КНР
1	Физиологическая	32,2 I	30,6 I
2	Зооморфная	9,24 II	11,7 II
3	Неживая природа	6,44	7,8
4	Театральная	5,9	0,9
5	Игровая и спортивная	5,6	9,1
6	Милитарная	5,3	10,4
7	Криминальная	5,04	6,3
8	Монархическая	5,04	4,3
9	Доместическая	4,76	1,3
10	Религиозная	4,2	0,7
11	Морбиальная	3,64	2,2
12	Родство	2,8	9,6
13	Гастрономическая	2,0	0,9
14	Историческая	1,68	0,4
15	Космическая	1,68	0,9
16	Механистическая	1,12	0,2
17	Фитоморфная	1,12	0,6
18	Финансовая	0,84	1,1
19	Сексуальная	0,84	0,7

20	Педагогическая	0,56	-
21	Путь	-	0,2

В таблице 1 представлены системы метафорических моделей, востребованных в создании образа будущего России в американском и китайском дискурсах: девятнадцать являются общими для дискурсов США и КНР, специфичной для дискурса США является педагогическая модель, для дискурса КНР – метафора пути. Общими доминантными метафорическими моделями выступают физиологическая и зооморфная метафоры, в таблице указанные римскими цифрами I и II соответственно. Под доминантной метафорической моделью в работе понимается общая для двух дискурсов частотная модель, которая занимает лидирующее положение в системе метафорических моделей.

Для анализа метафорических моделей использован метод метафорического моделирования, разработанный А. П. Чудиновым [Чудинов, 2012] и развиваемый в рамках Уральской школы политической лингвистики его последователями и учениками [Будаев, 2020; Будаев, Чудинов, 2012; Ворошилова, 2007; Дзюба, 2017; Кондратьева, 2011; Красильникова, 2012; Нахимова, 2006; Чудинов, Будаев, Солопова, 2020; Шустрова, 2014; Solopova, Pyushkina, 2017]. По определению А. П. Чудинова, «Метафорическая модель – это существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: “X – это Y” ... Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: “X подобен Y”» [Чудинов, 2003, с. 70]. Метафорическая модель состоит из фреймов и слотов: под фреймом понимается фрагмент наивной языковой картины мира, структурирующий сферу-источник, под слотом – элемент ситуации, составляющий один из аспектов конкретизации фрейма [Там же].

В лингвопрогностическом исследовании модель будущего может изучаться на трех уровнях: матричного анализа, системы метафорических моделей и «сценарного представления будущего с условным разветвлением на две

предельных альтернативы вероятного развития государства – “светлое” будущее и “мрачное” будущее» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 99].

В данной работе представлен один уровень – анализ систем метафорических моделей со сферой-мишенью «Будущее России», созданных на материале неинституциональных политических интернет-дискурсов США и КНР. На данном уровне помимо фиксации метафор, структурирования и распределения метафорических моделей по шкале частотности анализ включает определение частотных фреймов и слотов, установление прагматического потенциала метафоры, способности моделировать образы будущего в светлых и темных тонах. Применение когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического методов позволяет выявить факторы, влияющие на активное употребление метафор, репрезентирующих будущее России, и частотных сфер-источников, в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР.

Сопоставительный анализ доминантных метафорических моделей проведен в последующих параграфах.

2.2 Физиологическая метафора

Отечественными и зарубежными лингвистами активно изучаются различные аспекты функционирования физиологической метафоры в политическом дискурсе [Аржанова, 2019; Бабкина 2017; Багичева, 2016; Вершинина, 2002; Керимов, 2012, 2013; Телешева, 2006; Телия, 2006; Солопова, 2016; Чудинов, 2001; Beer, 1972; Culpeper, 2011; O'Brien, 2018; Harvey, 1999; Hobbes, 1996; Kantorowicz, 1958; Musolff, 2003, 2010, 2014, 2017, 2019; Nodoushan, 2012; Wodak, 2015].

Во-первых, ученые указывают, что метафора «Государство-как-организм» является одной из древнейших при репрезентации государственного устройства, и объясняют продуктивность источниковой сферы «Физиология» в политическом дискурсе склонностью человека моделировать окружающий мир по своему образу и подобию. Во-вторых, сфера-источник «Физиология» акцентирует взаимосвязанность и взаимообусловленность всех компонентов сложного государственного организма, что важно при моделировании будущего, так как указывает на то, что современное состояние государства и его «генетика» (история)

оказывают непосредственное влияние на его будущее развитие. В-третьих, при репрезентации сферы-мишени «будущее государства» физиологические метафоры способны моделировать сценарии «жизни и смерти» государственного организма: от рождения, развития, молодости, зрелости и процветания – до старости, распада, гибели и полного исчезновения.

Кроме того, моделирование образа государства в рамках физиологической метафоры подразумевает иерархию членов государственного устройства: каждому «органу» государственного аппарата отведена определенная роль в успешном функционировании «организма», что позволяет не только оценить его значимость и жизненную необходимость, но и отчасти спрогнозировать дальнейшие действия.

В проанализированном материале структура физиологической модели в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая включает три совпадающих фрейма: «Физиологические органы и части тела», «Физиологические действия» и «Тело (организм) человека». Специфичным для китайского дискурса является фрейм «Органы управления психикой» (Рис. 1).

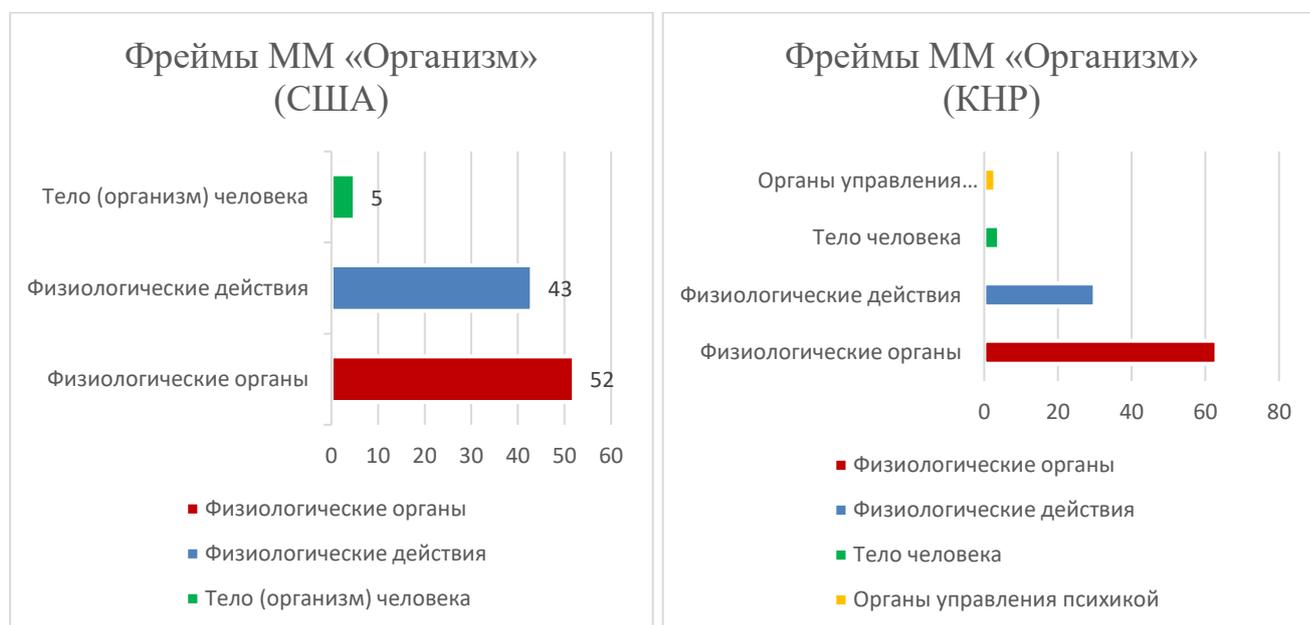

Рис. 1. Фреймы ММ «Организм» (США и КНР)

В проанализированном материале среди фреймов физиологической модели наиболее структурирован при концептуализации вероятного будущего России фрейм «Физиологические органы и части тела», представленный следующими единицами: «blood» (кровь), «blood flow» (кровоток), «face» (лицо), «foot» (нога),

«knees» (колени), «brain» (мозги), «hand» (рука), «heart» (сердце), «spine» (позвоночник); «血» (кровь), «头» (голова), «毛子» (волосатый), «脸面» (лицо), «嘴» (рот), «眼» (глаз), «脖子» (шея), «筋» (мышцы), «骨» (кость), «心» (сердце), «手» (рука), «脚» (нога) и др.

2.2.1 Фрейм «Физиологические органы и части тела»

В рамках фрейма «Физиологические органы и части тела» общими слотами являются слоты «лицо и его “составляющие” (щеки, брови, подбородок и др.)», «ноги», «голова», «руки», «сердце» и «позвоночник, хребет» (Рис. 2).

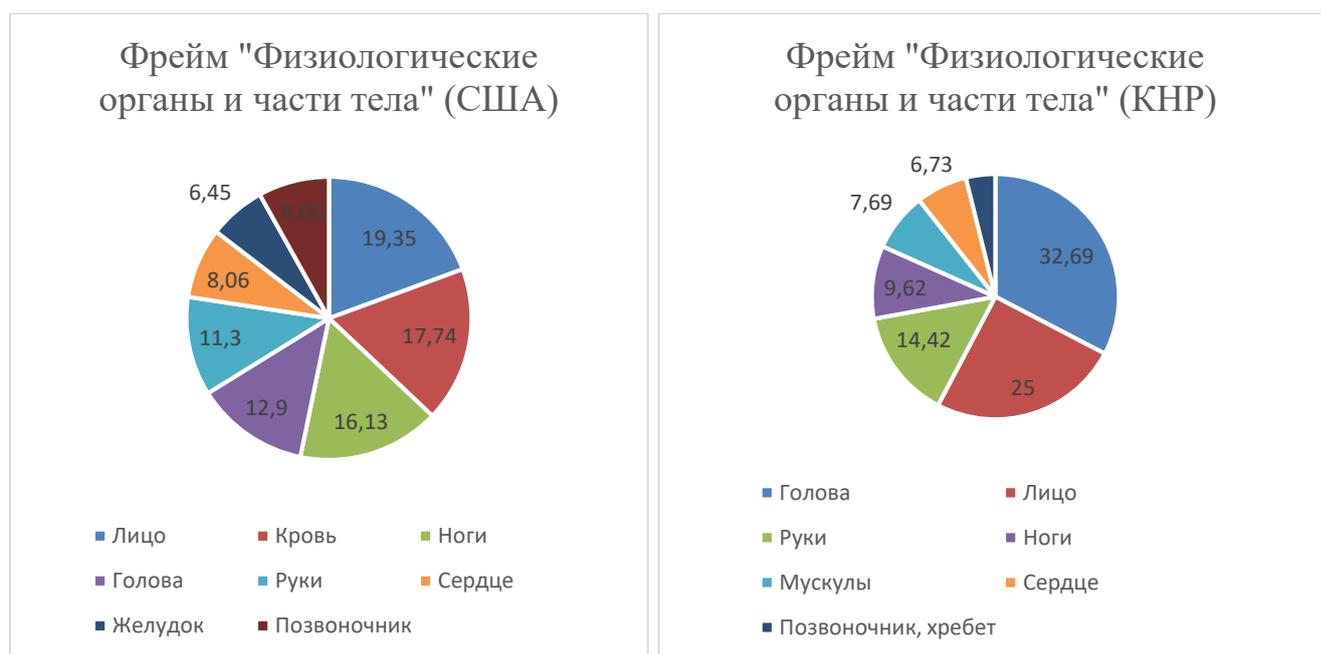

Рис. 2. Фрейм «Физиологические органы и части тела» (дискурсы США и КНР)

Слот «лицо и его “составляющие”» находится на первом месте по частотности (19,35%) в дискурсе США и на втором месте в дискурсе Китая (32,7%):

(1) Russia has next to no international support whatsoever, except at most China, who will give some **lip service**, but will also be perfectly happy to watch Russia bleed on the sidelines, and get some bargain-basement prices on Russia’s petroleum and other raw materials they can no longer sell to the West. (*У России практически нет никакой международной поддержки, кроме, в лучшем случае, Китая, который будет обещать что-то на словах и совершенно спокойно и пассивно наблюдать, как*

Россия «истекает кровью», получая очень выгодные цены на российскую нефть и другое сырье, которые она не сможет больше продавать Западу».

В приведенном примере при описании российско-китайских отношений преобладают негативно окрашенные метафоры. Метафора «пустые слова» (lip service) [TheFreeDictionary] характеризует Китай как ненадежного партнера, который не поможет союзнику в трудной ситуации, а будет наблюдать, как российская экономика стремительно слабеет («истекать кровью» (bleed)), с целью получения собственной выгоды – покупки российских товаров по выгодной цене. Метафорический контекст репрезентирует весьма «мрачное» будущее России: в экономике на фоне санкций произойдет резкий спад, и Россия будет вынуждена продавать нефть Китаю по заниженным ценам.

(2) «And even if he (Putin) goes, you can be sure that another **face** will take his place, but the policy will remain the same» [Бойко, Солопова, 2021, с. 343]. *(И даже если он (Путин) уйдет, вы можете быть уверены, что его место займет другое лицо, но политика останется прежней).*

«Словоупотребление “face” (лицо) передает пренебрежительное отношение автора к должности президента в России, описывает президента не как субъекта, занимающего высший государственный пост и определяющего политику государства, а как лицо, которое только представляет эту страну, но не влияет на политическую ситуацию. Автор подтверждает данное предположение, утверждая, что политический курс при смене президента останется неизменным» [Там же, с. 343].

В неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР к слоту относятся метафоры, отображающие зависимость России от ее союзников и их вероятное будущее в контексте проводимой США санкционной политики:

(3) 普京深知唇亡齿寒的道理，如果中国被搞趴下了，俄罗斯绝对得不好处，会紧跟中国后尘甚至后果更严重，所以俄罗斯决不会上美国的当，这更增加了美国对俄罗斯的仇恨，必欲除之而后快。*(Путин хорошо знает правду о принципе взаимозависимости (если губы пропадут, то и зубы замерзнут – досл.): если Китай падет, то России будет очень плохо, она пойдет по стопам Китая, и это*

будет иметь еще более серьезные последствия, поэтому Россия никогда не попадет на уловку (остаться в дураках – досл.) США, что усиливает ненависть Америки к России и желание побыстрее избавиться от нее).

Метафорический оборот «если губы пропадут, то и зубы замерзнут» (唇亡齿寒), означающий тесную материальную зависимость, реализует прогностический смысл о взаимозависимости России и Китая в настоящем и вероятные негативные последствия для России при потере Китаем лидирующего положения на международной арене. Последующее метафорическое выражение «следовать за другими» (后尘) используется при моделировании будущего России, которая понесет большие потери по сравнению с Китаем. Метафорический контекст описывает ситуацию, в которой прогнозируется возможное вмешательство Америки во взаимоотношения России и Китая с целью устранения сильных соперников на международной арене одного за другим. Причиной такого исхода может послужить сотрудничество России и США, в котором Россия непременно, по мнению китайских пользователей, будет обманута («остаться в дураках, понести убыток» (上当)).

В слоте «лицо и его “составляющие”» частотны метафоры, репрезентирующие «мрачное» будущее России на геополитической арене:

(4) «不难想象一个领土面积世界第一，横跨欧亚大陆，人口众多（相对欧洲各国）祖上曾经辉煌无比甚至在死了以后吃了二十多年老本仍然可以继续吃的国家，一旦放开制裁，重新崛起就是分分秒秒的事，况且崛起之后的老毛子第一个要对付的恐怕就是落井下石的欧洲（特别是东欧）各国，你是欧美你敢放松制裁吗？ (Нетрудно представить себе страну, которая занимает первое место в мире по площади и протягивается на всю Евразию, с большим населением (по сравнению с европейскими странами), страну, которая когда-то блистала, и даже после своей смерти более двадцати лет все еще пожинала (ела – досл.) былые успехи и по-прежнему почивает на лаврах (ест – досл.). Как только санкции закончатся, ее возрождение является вопросом минут, даже секунд. Кроме того, первое, что

будет делать **патлатый мужик** (волосатик – досл.) после своего восхождения на вершину, – это, вероятно, «добивать» («бросать камни на упавшего в колодец» – досл.) европейские (особенно восточноевропейские) страны. Европа и Америка, и вы осмеливаетесь ослабить санкции?» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 101].

«В представленном контексте также задействована метафора “патлатый мужик, (волосатик)” (老毛子) – грубое прозвище русских [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info], [百度汉语 – онлайн словарь китайского языка]. Уничижительное прозвище возникло в последние годы правления династии Цин, когда Российская империя захватила часть китайских территорий и некоторые из русских обосновались в северо-восточном регионе. Согласно данным китайской энциклопедии “Байду байкэ”, варварский характер иноземцев и их внешний вид способствовали тому, что простой люд дал русским это презрительное прозвище [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия “Байду байкэ”]» [Там же, с. 101].

«Метафорическая единица “волосатый (мужик)” относится к сфере-источнику “Организм” (по сравнению с монголоидами европеиды имеют более развитый волосяной покров). Однако в ней исторически закреплены негативные смыслы агрессивного поведения, которые переносятся на концептуализацию поведения России-волосатика в будущем» [Там же, с. 101]. В контексте продуцируется образ быстрого развития России-волосатика – «ее возрождение является вопросом минут» (重新崛起就是分分秒秒的事), негативная оценочность которого умножается идиоматическим выражением «бросать камни на упавшего в колодец» (落井下石) (в значении «добивать») [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]. Так, метафоры репрезентируют стремительное развитие варварской России, которая будет безжалостна к своим оппонентам в будущем.

В обоих дискурсах в рамках представленного слота частотными являются метафоры, рисующие «мрачное» будущее России и ее союзника – Китая.

Слот «ноги» находится на третьем месте на шкале частотности в американском дискурсе при моделировании будущего России на геополитической арене и на четвертом – в дискурсе КНР (16,13% и 9,6% соответственно):

(5) I doubt that sanctions can bring a country the size of Russia, with massive natural supplies of resources and huge manpower, to its **knees** in a few weeks by sanctions. (*Я сомневаюсь, что санкции могут поставить страну размером с Россию, обладающую огромными природными ресурсами и огромной рабочей силой, на колени за несколько недель*).

В примере автор комментария выражает сомнение в эффективности санкционной политики стран Запада в отношении России – способности с помощью санкций нанести существенный ущерб российской экономике («поставить на колени» (can bring... to its knee)), так как Россия обладает богатыми природными ресурсами и огромной рабочей силой. Тем самым метафорическое выражение репрезентирует положительное будущее для России – ее способность противостоять напору санкций Запада.

(6) 美国认为...但自认经济底子厚，遭得住，而且自身损失比俄罗斯轻，所以美国以强制弱，迫使俄罗斯**卑躬屈膝**。(CША полагают, что ... их экономика настолько сильна, что может противостоять экономическому ущербу, что их собственные потери будут гораздо меньше, чем у России, поэтому США пытаются ослабить Россию, чтобы заставить ее **уступить** (ползать на колени – досл.)).

Метафора «ползать на коленях» (卑躬屈膝) репрезентирует конечную цель США в отношении России, в достижении которой Америка столкнется с определенными финансовыми трудностями, но сможет нейтрализовать Россию, ослабив ее («ослабить» (弱)), и заставить ее стать полностью зависимой. Так, описывая настоящее, метафорический контекст прогнозирует возможное негативное будущее для России в конфронтации с США.

В слоте «ноги» для дискурса США типичны положительно окрашенные метафорические единицы, в то время как в дискурсе КНР доминируют метафоры с негативным прагматическим потенциалом.

Слот «голова» находится на четвертом месте по шкале частотности в американском дискурсе и на первом в китайском дискурсе при репрезентации будущего России (12,9% и 32,7% соответственно) и содержит преимущественно негативно окрашенные метафоры:

(7) Russia will be thrown back into the 80s economically. Only that in our times you cannot build a self-sufficient economy anymore. Russia will be very hard put to even feed her people, let alone give them any kind of standard of living. Russian birth rates will decline even further; the **brain drain** will become even worse than it is today. *(Экономически Россия будет отброшена назад в 80-е годы. Только в наше время больше нельзя построить самодостаточную экономику. России будет очень сложно даже прокормить свой народ, не говоря уже о том, чтобы обеспечить ему какой-либо (приличный) уровень жизни. Рождаемость в России снизится, утечка мозгов станет еще больше, чем сегодня).*

В представленном контексте задействовано метафорическое словосочетание «утечка мозгов» (brain drain) [Oxford Advanced American Dictionary], негативность которого преумножается за счет контекста, в котором метафора прогнозирует вероятную массовую эмиграцию специалистов из страны вследствие жестких санкций, введенных в отношении России. Автор комментария проводит параллель между возможным будущем России и восьмидесятыми годами Советского Союза, полагая, что, 80-е годы прошлого века были экономически сложным периодом. Метафорический контекст описывает ухудшение социально-экономической ситуации в России и «отводит» ей самую слабую позицию на мировой арене в будущем.

В дискурсе КНР в данном слоте при описании будущего России также доминируют негативно окрашенные метафоры:

(8) 而俄罗斯如果强硬对待美国，那美国也会想尽办法对俄罗斯进行打压，以让俄罗斯这个老二国家没有任何机会爬到美国的头上。 *(И если Россия будет*

*вести себя жестко по отношению к США, США сделают все, что в их силах, чтобы подавить Россию, чтобы у России, второй (второй по старшинству ребёнок – досл.) страны, не было шансов экономически и политически **превзойти** Америку на мировой арене (взобраться на голову – досл.).*

В примере помимо метафоры «голова» (头), концептуализирующей США и описывающей доминирующее положение государства на геополитической арене, задействована метафора родства «второй по старшинству ребёнок» (老二), характеризующая настоящее России, которая на мировой арене занимает лишь вторую позицию после США, по мнению автора комментария. Если Россия будет проводить политику, разнящуюся с интересами США – «жесток по отношению к Америке» (强硬对待美国) и направленную на занятие более высокого положения – «взобраться на голову Америке» (到美国的头上), то США задействуют любые методы, чтобы остановить экономический и политический рост России. Так, метафоры репрезентируют вероятный курс политики, проводимой США в отношении России, и направленный на сдерживание ее развития.

Слот «руки» находится на пятом месте по частотности в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США во фрейме «Физиологические органы и части тела» (11,3%):

(9) So invasion has happened but Russia won't win it. Russia thought it had cut Ukraine's **hand**. But turns out their civilians have picked up the arms. It's about time the villain be PUT-IN place. *(Итак, вторжение произошло, но Россия его не выиграет. Россия думала, что «отрубила руку» Украине. Но оказалось, что и гражданские взяли в руки оружие. Самое время ПОСТАВИТЬ злодея на место).*

В данном контексте специальная военная операция сравнивается автором комментария с ампутированием руки у Украины (cut Ukraine's hand), проецируя серьезный ущерб, который Россия, по ее мнению, нанесла Украине, сделав ее беспомощной. Однако автором опровергается этот результат, поскольку население Украины не только не сдалось, но и взяло в руки оружие, чтобы защищать свою страну. Концептуализируя Россию как злодея, автор использует Present Subjunctive

I «ПОСТАВИТЬ злодея на место» (the villain be PUT-IN place) с целью высказать желаемое действие, используя при этом лексему, написанную заглавными буквами, PUT-IN, правильное написание которой должно быть отдельным в значении «поставить на место» (put in place) [Oxford Advanced American Dictionary], символизируя тем самым президента России В. В. Путина (Putin), которому нужно указать место, отведенное ему в мировой политике, чтобы он понес при этом наказание за проведение военной операции. Метафорический контекст прогнозирует смысл возможного вмешательства западных стран в политику России для того, чтобы контролировать ее решения, которые могут иметь последствия на геополитической арене.

В дискурсе КНР слот «руки» находится на третьем месте по шкале частотности во фрейме «Физиологические органы и части тела» при репрезентации будущего отношений России и Китая в контексте антироссийских санкций (14,4%):

(10) 美国拿俄罗斯开刀，这套各个击破的战略，只要中俄**联手**，美国的阴谋将无法得逞。*(Соединенные Штаты намерены сокрушить (убить – досл.) российскую экономику. Эта стратегия состоит в том, чтобы разгромить соперников одного за другим; до тех пор, пока Китай и Россия **общими силами** (рука об руку – досл.) противостоят им, коварный замысел Соединенных Штатов не увенчается успехом).*

С помощью криминальной метафоры «убить» (开刀) автор транслирует будущую опасность для России, поскольку США намерены начать введение против страны сокрушительных мер, которые могут привести к дестабилизации ее экономики, к разрушению государства изнутри. Автор видит решение этого вопроса в тесном сотрудничестве России и Китая, которые смогут противостоять напору США, и у последних не будет никаких шансов против двух стран (физиологическая метафора «вместе, рука об руку» (联手). Метафорические единицы профилируют смыслы угрозы и опасности для России, которых можно избежать путем взаимовыгодного сотрудничества России и Китая.

Слот «сердце» один из наименее частотных в американском неинституциональном политическом интернет-дискурсе при моделировании будущего России (8,06%):

(11) «Hey! The gravediggers of all countries and multitudes! Get dispersed. The funeral is not going to happen. Not in 10 years, neither in 100 years. The **Heartland** is and will be in Russian hands forever!» [Бойко, Солопова, 2021, с. 342] (*Эй! Могильщики всех стран и народов! Проваливайте. Похорон не будет. Ни через 10 лет, ни через 100 лет. **Сердце страны** («сердечная» земля – досл.) всегда была и будет в руках России!*).

«Метафора “Сердце страны” (Heartland) обозначает центральную территорию, имеющую стратегические преимущества [Merriam-Webster’s Dictionary]. Сердце является главной движущей силой в сложной и скоординированной системе человеческого организма, и этот “двигатель” жизни, по мнению автора комментария, всегда останется в руках русских. Метафорическое словоупотребление характеризует Россию как неотъемлемого участника международных отношений, обладающего стратегически важными преимуществами и позицией, которая не поменяется ни в ближайшем, ни в далеком будущем. Смысл усиливается благодаря введению в контекст метафор “могильщик” (gravedigger) и “похороны” (funeral), представляющих фрейм “физиологические действия» (слот “рождение, смерть и смежные концепты”), обычно отрицательно нагруженных, которые в иллюстративном примере транслируют смыслы того, что все, кто надеется на развал России, могут не торопиться с выводами, поскольку “похороны” государства не состоятся ни в ближайшее время, ни через 100 лет. Метафорические единицы работают на создание “светлого” образа будущего России, которая всегда будет обладать существенными стратегическими преимуществами перед другими странами» [Там же, с. 342].

В неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР в рассматриваемом слоте контекст (12) также содержит метафору «сердце», используемую для описания российско-американских отношений в условиях санкционного давления со стороны Соединенных Штатов (6,7%):

(12) 美国已经无计可施了，美洲大陆距离欧亚大陆太遥远，只要俄罗斯重新整合欧亚大陆美国将彻底死心。*(Соединенным Штатам ничего не поделать, американский континент находится слишком далеко от Евразии, нужно только, чтобы Россия еще раз объединила Евразию, тогда Соединенные Штаты вынуждены будут примириться (мертвое сердце – досл.))*.

Метафорический контекст транслирует смысл возможного объединения Россией континента Евразии. Метафора «死心», состоящая из двух слов «умереть» (死) и «сердце» (心) [百度汉语 – онлайн словарь китайского языка], моделирует вероятное безвыходное положение США: из-за географической отдаленности государства от Евразии США вынуждены будут примириться с обстоятельствами. Так, метафорический контекст прогнозирует «светлое» будущее для России – увеличение ее влияния и территории.

В слоте «сердце» в двух дискурсах метафорические единицы прогнозируют образ положительного будущего России: прочное положение страны на международной арене – доминирование и рост ее территории.

Слот «позвоночник, хребет» находится на седьмом месте в дискурсе США (8,06%) и в дискурсе КНР (3,8%) при репрезентации будущего России:

(13) A desperate autocrat is a dangerous one, so there's a very significant risk that Putin might turn to the use of nuclear weapons. If Putin feels that his **back** is to the wall, he may well respond with unprecedented levels and force...and then we're all screwed.
(Отчаявшийся тиран опасен, поэтому существует очень значительный риск того, что Путин может прибегнуть к применению ядерного оружия. Если Путин почувствует, что он прижат (спиной) к стене, то вполне может ответить беспрецедентно... силой... и тогда нам всем не поздоровится).

Метафорическое выражение «спиной к стене» (back to the wall) означает напряженную ситуацию, в которой выбор или способность действовать ограничены [Oxford Advanced American Dictionary], проецируя тем самым опасную и безвыходную ситуацию для президента России, в которой он может прибегнуть к использованию ядерного оружия, последствия которого будут губительны для

всего мира. Таким образом, метафора прогнозирует образ «мрачного» будущего как России, так и всего мира.

Метафорические единицы, приводимые в следующем примере, также моделируют отрицательные образы будущего России:

(14) «Russia is going down with Putin's latest stunt to remain the dictator of Russia. Laws don't apply to him. He just changes the rules to suit his needs and **the spineless politicians** bow and trip over themselves trying to kiss **Putin's *ss**» [Бойко, Солопова, 2021, с. 343]. (*Россия терпит крах из-за последнего трюка Путина, направленного на то, чтобы остаться диктатором России. Законы к нему неприменимы. Он просто меняет правила в соответствии со своими потребностями, а **бесхребетные политики** кланяются и спотыкаются, пытаясь поцеловать его в з*дницу).*

«Автор комментария рисует весьма “мрачное” будущее России, скатывающейся на дно во главе с президентом-диктатором. Общая негативная тональность контекста акцентируется метафорами: единица “spineless” (бесхребетный) представляет политиков как людей, не имеющих решимости и воли, не желающих рисковать [Cambridge dictionary]. Автор комментария актуализирует образ политиков, не способных идти собственным путем и преодолевать трудности, постоянно спотыкающихся (trip over) и пытающихся угодить президенту, чтобы добиться его расположения (kiss Putin's *ss)» [Бойко, Солопова, 2021, с. 343].

Данная метафора регулярно используется при моделировании будущего России и ее отношений с КНР:

(15) «中俄关系牢固了，两国就能**背靠背**，不带包袱地与其他大国握手。*(Отношения между Китаем и Россией настолько прочные, что обе страны могут без проблем, **спина к спине** пожать руки другим великим державам)*» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 101].

«В данном примере метафорическое словоупотребление “спина к спине” (背靠背) несет смысл полного доверия между двумя странами, поскольку у обеих стран за спиной нет никакого бремени (“бремя, ноша” (包袱), [百度汉语 – онлайн

словарь китайского языка]), они открыты друг перед другом. Таким образом, метафоры продуцируют образ крепких отношений России и Китая, которые построены на взаимном доверии и открытости, что создает перспективы для их развития и дальнейшего сотрудничества» [Там же, с. 101].

Специфичными слотами во фрейме «Физиологические органы и части тела» в дискурсе США являются слоты «кровь» (17,74%) и «органы пищеварения: желудок и его метонимический заменитель живот (брюхо)» (6,45%). Структурированность этого фрейма может быть связана с тем, что в американском политическом дискурсе на протяжении веков политические сообщества, города, нации концептуализируются как части одной структуры – тела, в котором каждый орган играет определенную роль и ассоциируется с надлежащей ему функцией [Goschler, 2005; Charteris-Black 2004].

Наиболее частотным слотом из указанных выше выступает слот «кровь» (17,74%):

(16) If Ukraine puts up a good fight and an insurgency starts, a long **bloody** war of attrition could happen, combined with massive sanctions this will suck the life out of the Russian economy for likely the next 10 years if not more. *(Если Украина окажет достойное сопротивление и восстанет, может начаться долгая **кровавопролитная** война на истощение, в сочетании с массированными санкциями это, вероятно, высосет жизнь из российской экономики на ближайшие 10 лет, если не больше).*

Метафоры «кровавый» (bloody) и «высосать жизнь» (suck the life out) моделируют будущее России в результате украинского кризиса. Метафорическая единица «кровавый» (bloody) прогнозирует большие потери как со стороны России, так и со стороны Украины за время специальной военной операции РФ на Украине. Второе метафорическое словоупотребление «высосать жизнь» (suck the life out) из сферы-источника «Физиологические действия» репрезентирует «мрачное» будущее российской экономики, которая понесет огромные убытки вследствие антироссийских санкций Запада и военной операции РФ.

Слот «органы пищеварения: желудок и его метонимический заменитель живот (брюхо)» находится на седьмом месте в дискурсе США при моделировании образа будущего России (6,45%):

(17) There is no way Russia will **absorb** Western Ukraine. Stratfor is saying Putin will commit suicide in a hopeless bid for world domination. I think he is more canny than that. (*Россия ни за что не **поглотит** Западную Украину. Stratfor утверждает, что Путин совершит самоубийство в безнадежной попытке добиться мирового господства. Я думаю, что он более хитер*).

В приведенном примере автор использует метафору «поглотить» (absorb) в сочетании с отрицательной конструкцией «нет никакой возможности» (there is no way), которая реализует прогностический смысл об отсутствии у России возможности присоединить Западную Украину, изображая это как часть плана президента России, который стремится сместить Америку с доминирующей позиции на мировой арене и занять ее. Невозможность достичь этой позиции может привести к «геополитическому» самоубийству президента, по поводу которого автор комментария выражает сомнение и ожидает более продуманных действий со стороны российского президента. Метафоры прогнозируют «мрачное» будущее России – невозможность воплощения планов президента в жизнь.

В дискурсе КНР специфичным слотом при описании будущего России на мировой арене является слот «мускулы» (7,7%):

(18) 美国只要还在领导西方国家，它就可以很容易地发起针对俄罗斯经济的制裁，一个强大的俄罗斯是不符合美国利益，美国发现经济制裁是性价比高的策略，自己所伤只是皮毛，而俄罗斯就会**伤筋动骨**。(Пока США по-прежнему лидируют в западных странах, они могут легко инициировать санкции против российской экономики. Сильная Россия – не в интересах США. США обнаружили, что экономические санкции являются экономически эффективной стратегией: себе вредят поверхностно (кожа и волосяной покров – досл.), а Россия может **получить тяжелые увечья** (повредить мышцы, переломать кости – досл.).)

Минимальные потери, которые негативно и в разной степени скажутся на различных отраслях экономики США, передаются с помощью метафоры «кожа и

волосяной покров» (皮毛) [百度汉语 – онлайн словарь китайского языка], тогда как степень разрушительного воздействия санкций на экономику России репрезентирует метафорическое выражение «повредить мышцы, переломать кости» (伤筋动骨). Таким образом, метафоры продуцируют образ «мрачного» будущего для России, транслируя намерения США воспрепятствовать развитию страны, ввиду опасения Америки потерять доминирующее положение на мировой арене.

(19) «双方的较量仅限于借助军演“秀肌肉”，任何一方都不会希望真的发生冲突。(《Поединок» между двумя сторонами ограничен «игрой мускулами» – проведением военных учений, но ни одна из сторон не хочет, чтобы конфликт действительно произошел)» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 101].

Метафорическое словосочетание «играть мускулами» (秀肌肉), имея переносное значение демонстрации силы [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info], профилирует смыслы состязания между Россией и Америкой, в котором две страны пытаются оказать давление друг на друга путем «запугивания» мощностью своего военного вооружения во избежание открытого конфликта. Так, метафоры профилируют смыслы противостояния России и США на международной арене, соревнуясь за доминирующее положение в военном деле.

Во фрейме «Физиологические органы и части тела» в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР в представленных частотных слотах преобладают негативно окрашенные метафоры, которые профилируют смыслы «мрачного» будущего России: дестабилизацию экономической ситуации, на восстановление которой уйдут долгие годы, ухудшение жизни населения из-за антироссийских санкций, намерение США воспрепятствовать развитию России, длительное противостояние США и России, коррумпированное правительство, неспособное воплотить поставленные цели, эмиграцию лучших специалистов из страны в результате проводимой страной политики. В слотах «ноги», «сердце», «позвоночник, хребет» представлены положительно нагруженные метафоры, которые изображают способность экономики России противостоять жестким

санкциям Запада, так как Россия обладает богатыми ресурсами, обеспечивающими ее экономическую самодостаточность и независимость от импорта из недружественных стран. Также метафоры с положительным прагматическим потенциалом описывают улучшение российско-китайских отношений и занятие Россией выгодного положения на геополитической арене, увеличение ее территории. Нейтрально окрашенные метафоры зафиксированы в слотах «лицо и его «составляющие»», «руки». Метафоры репрезентируют быстрое развитие страны, но и ее безжалостность к возможным союзникам, смыслы опасности для России, которую можно миновать с помощью взаимовыгодного сотрудничества России и Китая.

2.2.2 Фрейм «Физиологические действия»

Фрейм «Физиологические действия» находится на втором месте по частотности в обоих дискурсах со следующими метафорическими единицами: «survive» (выживать), «outlive» (пережить), «collapse» (распадаться), «rot» (гнить), «hunger» (голод), «digest» (переваривать), «swallow» (глотать), «stutter» (заикаться); «死» (умереть), «弄死» (умертвить), «灭亡» (погибнуть), «活» (жить), «吃» (кушать), «吞» (глотать), «饿» (голод) и др. Во фрейме зафиксированы общие слоты: «рождение, смерть и смежные концепты» и «питание, пищеварение и смежные процессы»; слоты «говорение» и «дыхание» являются специфичными для неинституционального политического интернет-дискурса США (Рис. 3).

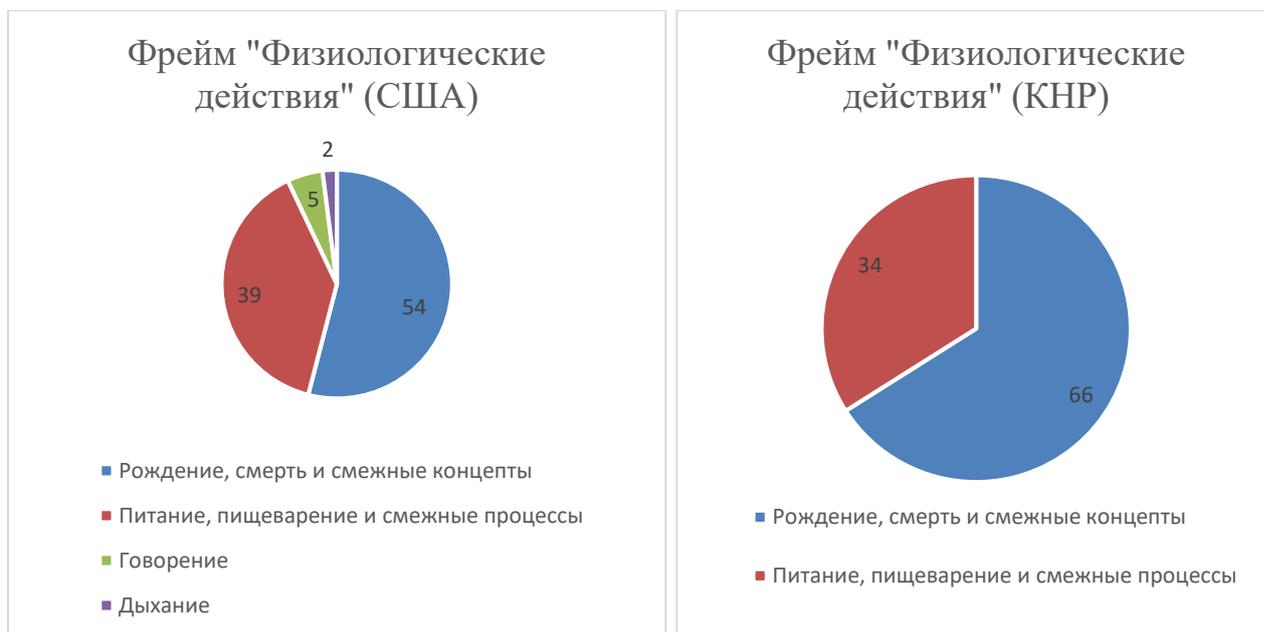

Рис. 3. Фрейм «Физиологические действия» (дискурсы США и КНР)

Общим наиболее частотным слотом в этом фрейме в дискурсах США и Китая при моделировании будущего России в условиях санкционной политики Запада является слот «рождение, смерть и смежные концепты» (54% и 66% соответственно):

(20) «While the last *real* Russian lives, no one who has come to his country with malice and war is safe though he might have to clobber them to death with a piece of wood; even in **death**, he would not surrender» [Бойко, Солопова, 2021, с. 341]. (*Пока жив последний *настоящий* русский, каждый, кто пришел в его страну со злобой и войной, будет в опасности, хотя ему, возможно, придется забить их до смерти куском дерева; даже будучи **при смерти**, он не сдастся*).

«Метафора “при смерти” (in death), как это ни парадоксально, продуцирует образ сильных духом русских людей, которые никогда не будут сломлены, даже перед лицом смерти. Автор прогнозирует провал “операции” для оппонентов России: даже при успешной реализации санкционных намерений, они не смогут сломить русского человека» [Там же, с. 341].

Физиологические метафоры слота «рождение, смерть и смежные концепты» особенно частотны при репрезентации будущего взаимодействия России и Китая:

(21) «Keep dreaming! The only way Russia can really “**collapse**” is by joining China (together with some former Soviet republics). Then you will face Chirussia with all its huge human potential, production and natural resources. And its own currency which will make dollar/euro obsolete and useless. Then you will keep dreaming about **the collapse of new Super Union?**» [Бойко, Солопова, 2021, сс. 341–342] (*Продолжайте мечтать! Единственный способ для России “**развалиться**” – это присоединиться к Китаю (вместе с некоторыми бывшими советскими республиками). Тогда вы столкнетесь с Кита-Россией со всем ее огромным человеческим потенциалом, производством и природными ресурсами. И с собственной валютой, которая сделает доллар / евро устаревшими и бесполезными. Тогда вы будете продолжать мечтать о **распаде нового Суперсоюза?***).

В данном случае метафора описывает весь биологический процесс развития организма «Кита-Россия» (Chirussia): от появления на свет («Россия присоединится к Китаю» (Russia...by joining China)) до полного угасания («распад нового Суперсоюза» (the collapse of new Super Union)), «от слияния двух государств, Китая и России (Chirussia), в один организм, которому в будущем прогнозируют распад, то есть смерть» [Там же]. Метафоры репрезентируют смыслы будущего распада России путем поглощения ее Китаем; при этом в контексте представлена «будущая альтернатива объединения России и Китая, которое будет встречено на мировой арене сопротивлением со стороны других государств, нацеленных на распад этого союза» [Бойко, Солопова, 2021, с. 342].

В слоте «рождение, смерть и смежные концепты» в дискурсе КНР активны негативно окрашенные метафоры при описании будущего России на геополитической арене:

(22) 美国就腾出手来用更多的时间, 更多的资源, 更多的手段, 给依然对美国有威胁的俄罗斯补上几刀, 最好是能够把俄罗斯再**分解**, 一劳永逸地解决这个威胁。*(Соединенные Штаты освободят себе руки, чтобы использовать больше времени, ресурсов и средств для борьбы с Россией, которая по-прежнему представляет угрозу (меч – досл.) для Соединенных Штатов. Лучшие всего повторно **разложить** Россию и решить эту угрозу раз и навсегда (раз потрудиться и век не знать забот – досл.)).*

Милитарная метафора «меч» (刀) изображает Россию как опасного оппонента, готового рубить и колоть своих врагов, который держит в страхе своих противников, в данном случае – США, которые намерены избавиться от этой угрозы, намереваясь бросить на это все силы (физиологическая метафора «высвободить руки для чего-либо» (腾出手) [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info]), чтобы привести Россию к распаду «разложение» (分解). Метафоры профилируют «мрачное» будущее России, в котором США будут применять все средства для достижения их цели – разрушения страны.

(23) 俄罗斯的经济开放度不是很高, 因此, 相对来说, 全世界一起制裁, 也不能把俄罗斯弄死。何况, 俄罗斯还有很多朋友。(*Экономическая открытость России не высока, поэтому, условно говоря, мировые санкции вместе взятые не могут убить (умертвить – досл.) Россию. Кроме того, у России много друзей*).

В приведенном контексте метафора «умертвить» (弄死), употребленная вместе с отрицанием «не мочь» (不能), профилирует образ невозможности санкционной политики стран Запада нанести значимый ущерб России из-за ее относительной экономической изоляции. Более того, вне зависимости от силы санкций Россия всегда может обратиться за помощью к своим друзьям. Метафора репрезентирует «светлое» будущее для России – неспособность санкций нанести ущерб стране и геополитическим партнерам, на поддержку которых она может рассчитывать, находясь под гнетом санкционных ограничений.

На втором по частотности месте при репрезентации будущего России на мировой арене во фрейме «Физиологические действия» в дискурсах США и КНР находится слот «питание, пищеварение и смежные процессы» (39% и 34% соответственно):

(24) Russian leaders and many US foreign policy experts confirm that the current crisis exists because of NATO's insatiable **hunger** to expand its territories eastward with an astounding lack of appreciation for Russia's security concerns despite repeated warnings and protests from Moscow. (*Российские лидеры и многие эксперты по внешней политике США подтверждают, что нынешний кризис существует из-за ненасытного стремления НАТО расширить свои территории на восток при поразительном отсутствии понимания проблем безопасности России, несмотря на неоднократные предупреждения и протесты со стороны Москвы*).

Автор, описывая настоящее, дает отрицательную оценку действиям стран НАТО, которые не реагируют на протесты и предупреждения России. Метафора «ненасытный голод» (insatiable hunger) профилирует образ будущей опасности для России, связанной с намерением НАТО расширяться на восток, что представляет серьезную территориальную угрозу для страны.

В дискурсе КНР в данном слоте преобладают положительно окрашенные метафоры:

(25) 美国制裁俄罗斯，俄罗斯必叫美国吞下苦果，美国是自作自受。
(Соединенные Штаты вводят санкции против России, Россия, в свою очередь, заставит США проглотить «горький плод». Они сами наносят себе вред).

Метафорическое словосочетание «глотать горький плод» (吞下苦果), состоящее из двух лексем: «глотать» (吞下) и «горький плод, в значении плохие последствия» (苦果), моделирует образ экономически мощной России, способной нанести серьезный ущерб экономике США, что подтверждается последующим метафорическим выражением «сам натворил, сам и отвечай» (自作自受) [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info]. Из контекста выводится образ экономически сильной России, способной преодолеть последствия санкционного давления США и нанести им ответный удар.

Специфичным слотом в дискурсе США выступает слот «говорение» (5%):

(26) «Putin will still sit in Kremlin to oversee increasing love of Russians. Economy will go nowhere, would continue to **stutter**, as it does now» [Бойко, Солопова, 2021, с. 341]. (Путин по-прежнему будет сидеть в Кремле и наблюдать за растущей любовью россиян. Экономика совсем не будет развиваться, а будет продолжать **заикаться**, как это происходит сейчас).

В примере «автор прогнозирует дальнейшее правление В. В. Путина и растущую любовь граждан к своему президенту, оценивая эти предположения негативно, поскольку в этом случае автором предлагается сценарий развития экономики “в никуда”, что поддерживается физиологической метафорой “заикаться”: to stutter – произнесение слова с трудом (особенно первой его части), множественное повторение слогов, слов, их удлинение [Cambridge dictionary]. Метафорическая единица “заикаться” создает образ “застоя” в экономике России, которой, как и для “заикания”, свойственны нарушения и расстройства, вызванные перенесенным сильным стрессом. Таким эмоциональным потрясением для экономики государства, вероятно, являются антироссийские санкции. Учитывая,

что формирование заикания происходит спонтанно и имеет тенденцию к постепенному развитию и прогрессированию, прогноз для экономики России, предлагаемый физиологической метафорой, весьма неутешителен» [Там же, с. 341].

Слот «дыхание» (2%) наименее частотен при формировании будущего России на мировой арене:

(27) It's another thing altogether if Russian economy gets **choked off**. Putin has been well-loved, and he likes it that way. A collapsing economy will not engender love. Plus, the longer the **choking** [is] going on, the longer it takes to reopen. *(Совсем другое дело, если российская экономика задохнется. Путина очень любят, и ему это нравится. Разрушающаяся экономика не породит любви. Кроме того, чем дольше продолжается удушье, тем больше времени требуется для второго дыхания (повторного открытия – досл).*

Метафорическое словосочетание «задушить» (choke off) описывает возможный исход для российской экономики в условиях жестких санкций. Автор комментария полагает, что разрушающаяся экономика изменит настроения в обществе и отношение народа к его президенту, что может негативно повлиять на ситуацию в стране. Более того, метафора «удушье» (choking) прогнозирует смысл мучительного и патологического состояния российской экономики, которое постепенно будет нагонять на людей страх неизбежной «смерти» – полного краха настоящего экономического уклада. Метафоры моделируют будущее России в темных тонах, а именно ухудшение жизни населения страны в условиях антироссийских санкций США, сопровождающееся дальнейшим кризисом экономики.

Во фрейме «Физиологические действия» в обоих дискурсах при конструировании образа будущего России в условиях санкционной политики Запада доминируют метафоры с негативным прагматическим потенциалом; отрицательно окрашенные метафоры зафиксированы в каждом проанализированном слоте. Метафорические единицы профилируют смыслы территориальной угрозы для России со стороны стран НАТО, распад государства, рецессия экономики страны, контроль со стороны Запада над экономической и

политической ситуацией в России. Положительно окрашенные метафорические единицы присутствуют в слотах «рождение, смерть и смежные концепты» и «питание, пищеварение и смежные процессы» (КНР). В первом слоте вероятность относительно «светлого» будущего России, как правило, связана с образом русского народа и такими чертами национального характера, как стойкость, выносливость, самопожертвование. Метафоры второго слота моделируют сильное экономическое положение России, способной ввести контрсанкции в отношении США, в результате которых экономика Соединенных Штатов значительно ослабнет.

2.2.3 Фрейм «Тело (организм) человека»

Еще одним общим фреймом является фрейм «Тело (организм) человека», который занимает третье место на шкале частотности в американском и китайском дискурсах (5% и 4% соответственно) (Рис. 1) содержит следующие частотные метафорическими единицами: «DNA» (ДНК), «body» (тело), «weak» (слабый); «体» (тело), «身» (тело), «命脉» (важнейшие кровеносные сосуды), «命门» (место между почками) и др.; слоты фрейма не структурированы, поскольку частотность метафор невелика:

(28) The Germans are taking a hit on their economy, but a dent in Germany is going to be a **body blow** for Russia. (*Немцы принимают удар по своей экономике, но еле ощутимый синяк для Германии будет для России сокрушительным ударом*).

Метафорическое выражение «сокрушительный удар» (body blow) [Thesaurus.com] концептуализирует «мрачное» будущее для организма России, которому будет нанесен серьезный ущерб, нарушающий экономическую стабильность страны, следствием которого станет потеря одного из главных экспортеров в газовой отрасли России.

Метафора «ДНК» является также частотной во фрейме «Тело (организм) человека» при формировании образа будущего России:

(29) «Sociologically, although the GDP is now falling because of the effects of sanctions – this will have very little affect on the feelings of the Russian people who are historically used to hardship and sacrifice. This is part of their **DNA**. Ideas are more

important to them than the materiality of the West» [Бойко, Солопова, 2021, с. 343]. (*С социологической точки зрения, хотя ВВП сейчас и падает из-за последствий санкций, это очень мало влияет на чувства российского народа, который исторически привык к трудностям и жертвам. Это часть его ДНК. Идеи для них важнее, чем материальность Запада*).

«В приведенном примере профилируется смысл о ничтожном влиянии и малом воздействии санкционной политики на жизнь россиян. Автор комментария характеризует русских как народ, привычный к трудностям, невзгодам и самопожертвованию, умеющий выживать в любых условиях, актуализируя и акцентируя эти черты русского характера с помощью метафорической единицы “ДНК” (DNA) и прогнозируя “светлое” будущее России, которую вряд ли сломит проводимая странами Запада санкционная политика» [Там же, с. 343].

(30) 美国不仅控制着国际金融的命脉，其与沙特的密切关系，同时又可以左右石油价格，俄罗斯作为能源型出口国家，经济命门全靠出口石油来支撑，美国只要联合沙特以及欧盟的配合操纵油价，俄罗斯的石油出口就会遭到重创。
(*США не только контролируют жизненную силу (важнейшие кровеносные сосуды – досл.) международных финансов, но и сохраняют тесные отношения с Саудовской Аравией. В то же время они могут влиять на цены на нефть. Как страна-экспортер, ориентированная на энергоносители, экономическая жизненная сила (врата жизни – досл.) России зависит от экспорта нефти. США нужно только наладить сотрудничество с Саудовской Аравией и Европейским Союзом для манипулирования ценами на нефть, и тогда российский экспорт нефти серьезно сократится*).

Международная арена концептуально предстает как человеческий организм, в котором США контролируют важнейшие кровеносные сосуды «кровообращение» (命脉), без которых невозможна жизнедеятельность. По мнению автора, государство обеспечивает стабильное функционирование мировой политики. России как стране-экспортеру необходимо поставлять нефть для стабильного функционирования российской экономики, это является ее жизненной

силой (命门) (в китайской медицине – «врата жизни», место между почками, являющееся важной составляющей человеческого организма [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info], его главная жила [百度知道– форум вопросов и ответов «Baidu Knows»]). США как главный участник международной политики намерены ослабить влияние России в нефтегазовой отрасли. Таким образом, метафоры продуцируют «мрачный» образ будущего России – дестабилизацию ее экономики.

Во фрейме «Тело (организм) человека» в обоих дискурсах доминируют негативно окрашенные метафоры, продуцирующие образ будущего России в темных тонах: ослабление экономического потенциала страны. Положительно нагруженные метафоры, зафиксированные в данном фрейме, профилируют образ «светлого» будущего России, в котором страна, ее народ смогут выдержать санкционное давление.

2.2.4 Фрейм «Органы управления психикой»

Наименее частотным и специфичным фреймом при формировании образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР является фрейм «Органы управления психикой» (3%), где активны следующие метафорические единицы: «本能» (инстинкт), «恐惧» (страх), «动怒» (разозлиться), «神经» (нервы) и др., представляющие слот «эмоциональное состояние»:

(31) 美国制裁俄罗斯，可以说俄罗斯倍受“蹂躏”，按俄国人的脾气早该动怒了！(Введение США санкций против России можно назвать «издевательством» (растоптать – досл.) над Россией, с ее нравом ей давно пора ввести более **серьезные контрмеры** (разозлиться – досл.)!).

Агрессивные действия США в отношении России преподносятся с помощью метафоры «растоптать» (蹂躏) из слота «ноги», в ответ на которые Россия должна ввести более серьезные контрсанкции. Метафора «разозлиться» (动怒) указывает на то, что, по мнению автора комментария, контрмеры, вводимые Россией, разнятся с ожидаемыми действиями с ее стороны: Россия должна приступить к более решительному отпору в ответ на западные санкции. Большинство метафорических

единиц фрейма имеют выраженную негативную окраску и формируют смыслы вероятного противостояния России с США.

Анализ данных показывает, что модель «Организм» в дискурсах США и КНР имеет три общих фрейма: «Физиологические органы и части тела», «Физиологические действия» и «Тело (организм) человека», специфичным фреймом для дискурса КНР является фрейм «Органы управления психикой». В самом частотном фрейме «Физиологические органы и части тела» в двух дискурсах зафиксированы идентичные слоты: «лицо и его “составляющие”», «ноги», «голова», «руки», «сердце» и «позвоночник, хребет». Для дискурса США в этом фрейме отличительными выступают слоты: «кровь» и «органы пищеварения: желудок и его метонимический заменитель живот (брюхо)». В дискурсе КНР специфичным слотом является слот «мускулы». Фрейм «Физиологические действия» распложен на втором месте по частотности в обоих дискурсах с общими слотами «рождение, смерть и смежные концепты» и «питание, пищеварение и смежные процессы», отличительным слотом в дискурсе США предстает слот «говорение». Во фрейме «Тело (организм) человека» в обоих дискурсах отсутствуют слоты в связи с тем, что политические объекты обозначаются как единый биологический организм, который нельзя разделить. Специфичный фрейм «Органы управления психикой» для дискурса КНР содержит один слот «эмоциональное состояние». Более четкая структурированность физиологической метафоры в дискурсе США может быть связана с тем, что в англоязычной картине мира страна, государственный аппарат, народ концептуализируются как части одной структуры – тела, в котором каждый орган выполняет определенную функцию, с которой он ассоциируется.

Физиологическая метафора способна продуцировать полярные образы: как отрицательные, так и положительные. В каждом фрейме зафиксированы метафоры с негативной оценочностью, репрезентирующие «мрачное» будущее России в условиях санкций США: прекращение взаимодействия России и США с негативными последствиями для России в политическом и экономическом плане, ослабление влияния страны на мировой арене и постоянный контроль США,

направленный на сдерживание ее развития. Немногочисленные положительно окрашенные метафоры активны при моделировании будущего России, обусловленного богатым природно-ресурсным потенциалом, способным обеспечить независимое и относительно «светлое» будущее без экономической поддержки недружественных стран. При репрезентации будущего российско-китайских отношений, взаимозависимости двух государств, которое может позволить избежать дестабилизации российской экономики; при моделировании образа русского народа, выносливого и готового к самопожертвованию ради светлого будущего, также используются метафоры, нагруженные положительно.

2.3 Зооморфная метафора

Зооморфная метафора в политическом дискурсе является наиболее частотным и эффективным средством при создании положительного или отрицательного образов политических агентов в сознании аудитории. Приписывая определенные качества политикам, формируя их желаемый образ, зооморфная метафора манипулирует аудиторией и воздействует на нее. В политическом дискурсе в большинстве случаев она создает негативные образы, зачастую применяется для обезличивания, дегуманизации необходимых объектов [Mujagic, Verberovic, 2019]. Более того, зооморфная метафора отражает сложные отношения и хитросплетения внутри и вне политической системы, создает убедительную аргументацию, стимулирует принять или отклонить ту или иную реалию, идеологию, описывает определенную часть национального сознания [Agafonova, Belozeroва, Larini, 2020].

Зооморфная метафорическая модель в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР состоит из одного фрейма «Состав царства животных», который содержит идентичные слоты: «собственно животные (млекопитающие)», «птицы» и «рыбы» (Рис. 4). В этом фрейме активны следующие метафорические единицы: «bear» (медведь), «lapdog» (болонка), «chicken» (курица), «duck» (утка), «shark» (акула), «whale» (кит), «fish» (рыба); «熊» (медведь), «狐» (лиса), «虎» (тигр), «狮» (лев), «猫» (кот), «马» (лошадь), «狗» (собака), «鼠» (мышь), «鸡» (курица), «鸟» (птица), «鱼» (рыба) и др.

Рис. 4. Фрейм «Состав царства животных» (дискурсы США и КНР)

Слот «собственно животные (млекопитающие)» в представленном фрейме при описании будущего России на мировой арене является доминантным в дискурсах США и КНР (74% и 81% соответственно):

(32) Russia becomes a stooge of China. This is the outcome of this war. Master Xi must be laughing at this extraordinary stroke of luck that allows him to buy the **Big Bear**. (Россия становится марионеткой Китая. Таков исход этой войны. Мастер Си, должно быть, смеется над этой необыкновенной удачей, которая позволит ему купить **Большого Медведя**).

Метафора «медведь» довольно частотна при репрезентации образа России в сложившейся ситуации и ее будущего на геополитической арене в дискурсах различных стран [Артемьева, 2021; Rynnöniemi, 2015; Lazari, Riabov, Zakowska, 2019]. Метафора «большой медведь» (Big Bear) концептуализирует Россию, ресурсы которой Китай собирается покупать по невыгодной для нее цене, что приведет к несамостоятельности России, подчиненности Китаю. Негативность контекста усиливается театральной метафорой «марионетка» (stooge), которая репрезентирует определяющую роль КНР в повестке российско-китайских отношений. Метафорический контекст прогнозирует вероятное осложнение российско-китайского взаимодействия, поддержку Китая, который, в первую очередь, руководствуется собственными геополитическими интересами, и, как следствие, вероятный регресс экономики России.

В дискурсе США преобладают негативно окрашенные метафорические единицы при описании будущего России в условиях санкций:

(33) By the time Putin finally gives up the ghost, Russia will be one step away from being king of the hill. The **bear** will devour much flesh... (*К тому времени, когда Путин, наконец, испустит дух, Россия будет в одном шаге от того, чтобы стать королем горы. Медведь сожрет много мяса...*).

В контексте с помощью монархической метафоры «king of the hill», означающей беспорного чемпиона, лидера в определенной области [theidioms.com], репрезентируется положительное будущее России, которая займет лидирующее положение на геополитической арене. Метафора «медведь» (bear), употребленная с лексемой «жадно есть» (devour), профилирует смысл дальнейшего расширения территории России, которое будет происходить стремительным образом. Метафоры прогнозируют положительное будущее России – рост ее территории и занятия ведущего положения на мировой арене.

Также медвежья метафора частотна при прогнозировании смыслов возможного вероятного ядерного столкновения России с Западом:

(34) My biggest fear is that they may decide to go out in a blaze of glory (they have a modern nuclear force) rather than be demoted to a has been country. A **wounded bear** is much more dangerous than a **healthy bear**. (*Я больше всего боюсь того, что они могут решить погибнуть в лучах славы (они владеют современным ядерным оружием), а не быть разжалованными в бывшую страну. Раненый медведь гораздо опаснее здорового медведя*).

Метафора неживой природы «яркий огонь» (blaze) используется вместе с лексемой «слава» (glory), репрезентируя использование Россией ядерного оружия против стран Запада в качестве реакции на антироссийские санкции. Метафорическое словосочетание «раненый медведь» (wounded bear) описывает настоящее состояние России – ослабленная экономика из-за проведения санкционной политики США в отношении России. Автор комментария выражает опасение, что Россия, как животное, которому нечего терять, может пойти на

крайние меры и применить ядерное оружие во избежание распада страны (a has been country).

Примечательно, что в интернет-дискурсе КНР при моделировании образа России и ее будущего востребованы словоупотребления с положительным прагматическим потенциалом «белый медведь»:

(35) «更让欧盟担心的是，制裁的枷锁会让俄罗斯这头“北极熊”愤而回击，造成更严重的后果» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 102]. (*ЕС еще больше беспокоится о том, что «кандалы» санкций могут рассердить «белого медведя» и заставить его дать отпор, что приведет к еще более серьезным последствиям*).

«Метафорическое словосочетание “белый медведь” (北极熊), с одной стороны, – популярный талисман зимней Олимпиады 2014 года в Сочи, китайцы называют его “мишка”. С другой – белый медведь символизирует Россию, и, соответственно, мощную силу, которой она обладает [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия “Байду байкэ”]. Употребление положительно окрашенных единиц обусловлено тем, что Китай принимает российскую сторону, поддерживает и понимает “пушистого медведя”. В метафорическом контексте транслируется смысл опасности от проводимой политики для Европы, а не для России: белый пушистый мишка может в одночасье превратиться в свирепого медведя (“санкции могут рассердить белого медведя” (枷锁会让…这头“北极熊”愤)), и ответить на санкции (“дать отпор” (回击)). Используя метафору, автор комментария указывает на то, что и в условиях санкций Россия может влиять на развитие ситуации в будущем» [Там же, с. 102].

«Медвежья» метафора может профилировать и смыслы «мрачного» будущего:

(36) ... 罪状多不容数。世界上的正义政府都不会选择视而不见，都要对俄熊流氓采取行动。(…слишком много преступлений, которые невозможно сосчитать. Справедливые правительства мира не станут закрывать на это глаза (смотреть, но не видеть – досл.) и примут меры против русских медведей-хулиганов).

Приведенный контекст построен на антитезе, в котором Россия предстает как государство-хулиган, а точнее – русский «медведь-хулиган» (俄熊流氓) (сферы-источники: «Мир животных» и «Преступность»). Лексема «хулиган» (流氓) описывает человека, который грубо нарушает общественный порядок [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия “Байду байкэ”]. По мнению автора комментария, медведь-хулиган совершил множество преступлений, за которые он должен понести справедливое наказание от Запада. Метафорическое словосочетание «смотреть, но не видеть» (视而不见) (сфера-источник «Физиологические органы и части тела»), употребленное с отрицанием «не мочь» (不会), профилирует смыслы о необходимости принятия безотлагательных мер ведущими государствами мира. Таким образом, метафоры продуцируют отрицательный образ будущего России, на действия которой будут введены ограничительные меры.

В дискурсе США в этом слоте встречаются положительно окрашенные образы при репрезентации будущего России:

(37) How likely is it that Russia will disintegrate? Not even close. **“It is easier for a camel to go through the eye of a needle”**. (*Насколько велика вероятность того, что Россия распадется? Она даже не близка к этому. «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко»*).

Автор комментария, применяя метафорическое выражение «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко» (It is easier for a camel to go through the eye of a needle), обозначающее невозможность выполнения какого-либо действия [TheFreeDictionary], показывает наличие ресурсов у России для того, чтобы остаться цельным государством и дать отпор любым ограничительным мерам Запада.

Метафорические единицы в следующем примере моделируют отрицательно нагруженные образы будущего России:

(38) «一山不容二虎，美国最怕自己世界霸主的利益被俄罗斯分享，所以必须要把俄罗斯往死里整，好自己独吞全球的利益蛋糕。 (*«На одной горе двум тиграм не жить»*), Соединенные Штаты больше всего боятся, что на их

интересы как мирового повелителя посягнет Россия, поэтому необходимо **очень сильно** проучить ее, чтобы забрать себе весь «торт» из глобальных интересов мира)» [Бойко, 2021, с. 118].

«Метафорический оборот “На одной горе двум тиграм не жить” (一山不容二虎), означает, что два сильных человека не могут находиться в одном месте [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info]. Метафора нацелена на описание России и Америки как двух серьезных соперников, равных по силе, как двух крупных игроков, которые не могут ужиться на геополитической арене. Метафорическое выражение, которое следует за этим оборотом, “очень сильно” (往死里), дословно означающее “до смерти”, отображает ту меру, на которую готовы пойти Соединенные Штаты, чтобы проучить своего соперника и начать владеть всеми финансовыми ресурсами, которые концептуализируются гастрономической метафорой “торт” (蛋糕). Метафоры прогнозируют возможную опасность для России со стороны безжалостного и сильного соперника – Соединенных Штатов» [Там же, с. 118].

Интересна другая метафора, активно используемая при моделировании будущего российско-американских отношений в китайском интернет-дискурсе:

(39) «觉得俄罗斯还强大, 又不好惹。有恐惧感, 想把他整成永远也强壮不起来的**病猫**才放心。(Думаете, что Россия все еще сильна, и с ней шутки плохи. Возникает чувство страха, и желание превратить её в «**больного кота**», который больше никогда не сможет оправиться, и только тогда все успокоятся)» [Бойко, 2021, с. 118].

«Метафора “кот” (猫) используется для репрезентации будущего России на мировой арене. “Кот” (猫) принадлежит к семейству кошачьих (домашних и диких); основные черты, типичные для животного в китайской культуре, – проворность и активность. Иероглиф “кот” (猫) в данном контексте употребляется с прилагательным “больной” (病), таким образом, метафорическое сочетание “больной кот” (病猫), с одной стороны, говорит о России как о “проворном” и “ловком” сопернике, с другой – о том, что он в будущем должен стать настолько

слабым, чтобы доминирующая страна – Соединенные Штаты – могла не беспокоиться и не чувствовать опасности со стороны ослабленного соперника. Таким образом, метафорические единицы репрезентируют “мрачное” будущее для России на мировой арене в контексте антироссийской санкционной политики, проводимой Соединенными Штатами» [Там же, с. 118].

В дискурсе США зафиксированы метафоры, продуцирующие негативный исход для России в украинском кризисе:

(40) Sooner or later, in the end, Russia will have to go home. ... The cost will be huge in dollars and blood. NATO will become more united, other countries will join NATO, and with increased military budgets (Poland is already — wisely — doubling theirs). I believe Ukraine will become Putin’s **White Whale**. *(В конце концов, рано или поздно России придется вернуться домой. ... Цена будет огромной: и в долларах, и в крови. НАТО станет более сплоченной, другие страны присоединятся к НАТО, их военный бюджет увеличится (Польша уже мудро удваивает свои). Я верю, что Украина станет «Белым китом» Путина).* Метафорическое словосочетание «Белый кит» (White Whale), обозначающее желание, достижение которого может полностью или частично разрушить человека [Urban Dictionary], репрезентирует возможный исход конфликта РФ и Украины, при котором огромные потери в военной и экономической сферах приведут к тому, что Россия займет самую слабую позицию в мировой политике. Негативная оценочность метафоры усиливается за счет ее контекстуального окружения, которое репрезентирует потенциальное расширение НАТО на восток и военное укрепление соседних с Россией стран.

К метафорам слота «собственно животные (млекопитающие)», моделирующим образ России в дискурсе КНР, относятся также следующие специфические образы:

(41) «有个很形象的比喻：中俄就像两只刺猬抱团。一方面面对西方的压力，两国不得不抱成一团来对抗。另一方面，双方由于地缘关系，互相都警惕和防范着对方。*(Есть очень образная метафора: Китай и Россия словно два ежа. С одной стороны, столкнувшись с давлением Запада, обе страны должны*

объединиться, чтобы противостоять ему. С другой – обе стороны настороженно относятся друг к другу и остерегаются друг друга из-за геополитических вопросов)» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 103].

«В приведенном контексте метафорическое словосочетание моделирует не только образ российско-китайских отношений в настоящем, но также несет прогностический смысл об их вероятном развитии. “Еж” (刺猬) – общий термин для класса млекопитающих, принадлежащих к подсемейству ежей. Еж охотится в ночное время суток, очень пуглив, во время опасности сворачивается в клубок и выставляет свои иглы наружу. Ежи-самцы агрессивны по отношению друг к другу, ревностно охраняют свои участки. В новых условиях могут жить в общем гнезде [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия “Байду байкэ”]. Так, метафорический оборот “Китай и Россия словно два ежа” (中俄就像两只刺猬抱团) репрезентирует Россию и Китай как ревностных защитников собственной территории, которые живут недалеко друг от друга, но достаточно обособленно. Прогностические смыслы связаны с тем, что при попытке Запада повлиять на политику России и Китая страны будут противостоять Западу вместе, но при сильном сближении могут начать “колоть” друг друга» [Там же, с. 103].

Слот «птицы» при моделировании будущего России в условиях санкций Запада в отношении нее находится на втором по частотности месте в дискурсах США и КНР (13% и 16% соответственно):

*Attacking isn't the same thing as winning. Putin isn't so dumb as to insist upon an offensive before his **ducks are in a row**. (Атаковать – не то же самое, что побеждать. Путин не настолько глуп, чтобы настаивать на наступлении до того, как он полностью **спланирует операцию** (утки встанут в ряд – досл.)).*

Метафорическое словосочетание «утки встанут в ряд» (ducks are in a row) означает быть полностью подготовленным и хорошо организованным [Cambridge Dictionary]. Таким образом, употребление метафоры способствует конструированию смыслов дальновидности российского президента при проведении специальной военной операции на Украине, его устремления добиться в будущем желаемого и необходимого для страны результата.

(42) «因为俄罗斯是世界第一大国，美帝只有震慑住俄罗斯才能达到“杀鸡骇猴”的战略目的，因此才纠结力量制裁俄罗斯。*(Поскольку Россия является крупнейшей в мире державой, американский империализм должен сдерживать ее только для того, чтобы достичь стратегической цели – “убить курицу, чтобы запугать обезьяну”, поэтому они и ввели силовые санкции против России)*» [Бойко, 2021, с. 118].

«Метафорическое выражение “убить курицу, чтобы запугать обезьяну” (杀鸡骇猴), означающее “наказывать одного в назидание другим”, следует за монархической метафорой “американский император” (美帝), которая описывает доминирование Америки на геополитической арене. Император стремится к полному подчинению своих подданных, а тех, кто обладает какой-либо силой или влиянием, необходимо заставить “дрожать от страха” (震慑) для достижения цели – их подчинения. В связи с этим США стремятся “наказать” Россию, чтобы другие страны и не подумали идти против воли “императора”. Метафорический контекст изображает Россию как серьезного соперника США, которого последние готовы наказывать с целью сдерживания развития страны и для демонстрации результатов, к которым может привести политика, разнящаяся с интересами США. Так, метафора, как бы “отталкиваясь” от российско-американских отношений в настоящем, прогнозирует их будущее развитие» [Там же, сс. 118–119].

Еще одним примером описания российско-американских отношений в слоте «птицы» является метафора «курицы»:

(43) «美帝就看透了欧洲这群“下蛋的鸡”，只有给一个充分理由，比如说附近有头喜欢吃炒鸡更喜欢吃煎蛋的熊，我可以带领大家组织一个“防熊捕猎队”哦，于是它们才会乖乖地把“鸡蛋”送上门来。*(С позиции американского империализма Европа – это группа “кур несушек”. Им достаточно лишь предоставить веский довод, например, что поблизости бродит медведь, который любит есть жареную курятину, а еще больше – яичницу, а я могу взять на себя руководство по организации «отряда охотников для защиты от медведя», и вот куры уже сами готовы послушно отдать свои “яйца”)*» [Бойко, 2021, с. 119].

Приведенный контекст «построен на развернутой зооморфной метафоре. Прежде всего, автор характеризует Соединенные Штаты как “императора”. Этот термин берет свое начало со времен холодной войны, когда отношения Америки и Китая были напряженными. Метафорическое словосочетание “несущая курица” (下蛋的鸡) [zhonga.ru] характеризует Европу как содружество государств, с которых можно получить выгоду, не затрачивая собственных сил и ресурсов. Далее метафорический контекст описывает доминирование Соединенных Штатов над “курицами” путем попытки запугать их приближением “медведя”, который с удовольствием съест и “жареную курятину”, и “жареные яйца”. Из вышеперечисленных примеров мы можем предположить, что под “медведем” (熊) автор подразумевает Россию, которая нападет на европейские страны с целью удовлетворения своих потребностей. Далее автор с помощью метафорического выражения “отряд охотников для защиты от медведя” (防熊捕猎队) концептуализирует страны НАТО, которые готовы под руководством Америки защитить Европу от нападения России. Так, Европа, чувствуя себя защищенной, сближается с Соединенными Штатами и готова поставлять им свои ресурсы по собственной воле. Метафорический контекст репрезентирует сложность взаимоотношения стран на мировой арене, где Соединенные Штаты пытаются контролировать Европу и из этих отношений извлекать выгоду без особых усилий, а Европа, в свою очередь, чувствуя агрессию России, соглашается с проводимой Америкой политикой. Таким образом, метафорический контекст прогнозирует ухудшение отношений России с Европой, что может привести к более слабой позиции России на международной арене» [Там же, с. 119].

Слот «рыбы» находится на третьем месте по шкале частотности в дискурсах США и КНР при описании будущего российско-американских отношений (13% и 3% соответственно):

(44) You know how teeth work in **sharks**? They replace bad or dead ones with the new ones, sharp, bodeful, fearsome. Same would happen if “Putin dropped dead”.
(Знаешь, как устроены **акулы челюсти**? Плохие или старые зубы заменяются на

новые, острые, зловещие, устрашающие. То же самое произошло бы, если бы “Путин упал замертво”).

Метафорически правительство России предстает как челюсти крупной хищной рыбы – акулы, а каждый чиновник – как длинный острый зуб. Метафора моделирует образ России-хищника, которая ведет обособленный образ жизни, находится в постоянном движении, непрерывно гоняется за добычей из-за неутолимого чувства голода. И даже смерть главы государства ничего не изменит, поскольку его тут же заменит столь же опасный президент: акулы часто теряют зубы из рабочего ряда, на место выбывшего из строя «ножа» выдвигается новый зуб из близлежащего ряда (по принципу конвейера). Метафора репрезентирует Россию как страну, которая, занимая сильную позицию на мировой арене, предпочитает вести относительно независимую политику, но которая постоянно будет стремиться к поиску новой «жертвы» для удовлетворения своих потребностей, моделируя образ опасной России, безжалостной к своим оппонентам в будущем.

В дискурсе КНР зооморфные метафоры прогнозируют смыслы «мрачного» будущего российско-американских отношений:

(45) «现在眼看着美国制裁自己，但是反击美国的手段却很少。除非鱼死网破和美国对着发射核弹，而真的到了那一天的时候也是这个世界灭亡的时候。*(Сейчас мы наблюдаем за тем, как США вводят санкции против самих себя, но есть средства противостоять им. Если борьба будет не на жизнь, а на смерть (либо рыба умрёт, либо сеть порвётся – досл.) и превратится в ядерную войну, то тогда погибнет весь мир)*» [Бойко, 2021, сс. 119–120].

«Метафорическое выражение “либо рыба умрёт, либо сеть порвётся” (鱼死网破) в значении смертельной схватки, борьбы не на жизнь, а на смерть прогнозирует возможный исход противостояния России и США, транслируя смыслы того, что проводимая санкционная политика против России может привести к плачевным результатам – к ядерной войне, в которой погибнет весь мир» [Там же, с. 120].

Анализ метафорической модели животного мира в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР показал, что в модели содержится единственный общий фрейм «Состав царства животных», в котором зафиксированы идентичные слоты «собственно животные (млекопитающие)», «птицы» и «рыбы». Во фрейме «Состав царства животных» преобладают негативно окрашенные метафоры. Метафоры с отрицательным прагматическим потенциалом реализуют смыслы осложнения российско-китайских и российско-американских отношений, расширения НАТО, усиления экономического кризиса в России, ослабления геополитического влияния страны и возможную ядерную войну. Положительно окрашенные метафоры, зафиксированные в слотах «птицы» и «собственно животные (млекопитающие)», связаны с будущим российско-китайских отношений, в которых Китай является надежным партнером России в условиях санкционной политики Запада, и с личностными качествами президента РФ.

Выводы по главе 2

В главе проведен анализ доминантных метафорических моделей в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР в русле методики метафорического моделирования.

С помощью метода сплошной выборки, с привлечением инструментов корпусной лингвистики и ручной обработки материала из равнообъемных выборок (1000 комментариев пользователей в каждом языке) отобраны 357 метафор (дискурс США) и 1078 метафор (дискурс КНР) на платформах Квора (Quora) и 知乎 (Zhihu) соответственно, созданы системы метафорических моделей, включающие девятнадцать общих моделей со сферой-мишенью «будущее России» и одну специфичную для каждого дискурса (педагогическая модель в американском дискурсе, метафора пути – в китайском дискурсе), произведена их количественная и качественная обработка.

Высокая плотность дискурса КНР обусловлена типологическими характеристиками китайского языка: слоговым типом и продуктивностью словосложения; максимальным показателем изоляции; образностью иероглифического письма, метафорическим осмыслением одного образа через другой в структуре фразеологизмов. Для политипологичного английского языка характерно наличие меньшего количества признаков, соотносимых с изоляцией, поэтому уровень метафоричности дискурса ниже.

Выявлено, что доминантными метафорическими моделями со сферой-мишенью «будущее России» в двух дискурсах выступают метафоры организма и животного мира.

Доминантность физиологической метафоры может объясняться тем, что тело, его органы, части, физиологические действия представляют наиболее продуктивную область переносных наименований. Это может быть обусловлено тем, что человек, познавая окружающую действительность, в том числе политическую, склонен моделировать ее по своему образу и подобию: все члены государственного аппарата, подобно органам и частям тела, играют определенную роль в организме, что позволяет оценить их жизненную необходимость и

значимость. Опираясь на настоящее состояние государственного организма, его «генетику» (историю), физиологическая метафора позволяет спрогнозировать вероятное развитие / гибель этого организма и отчасти дальнейшие действия.

Метафорическая модель организма в неинституциональных политических интернет-дискурсах США и КНР содержит три идентичных фрейма: «Физиологические органы и части тела», «Физиологические действия» и «Тело (организм) человека»; фрейм «Органы управления психикой» является специфичным для дискурса КНР. Слотовая наполненность фреймов преимущественно идентична, исключения составляют специфичные слоты этой модели в дискурсе США: «кровь» и «органы пищеварения: желудок и его метонимический заменитель живот (брюхо)», «говорение»; в то время как в дискурсе КНР таким слотом является слот «мускулы». Структурированность метафоры организма в дискурсе США может быть связана с тем, что в американском дискурсе государство воспринимается как единый организм, в котором каждому органу и части тела отведена определенная роль. Специфичный фрейм «Органы управления психикой» в дискурсе КНР наименее частотен, поскольку психическое состояние человека изменчиво и индивидуально, в связи с чем метафора не способна создавать яркие образы, понятные большому количеству адресатов сообщения.

Анализ данных свидетельствует о том, что физиологическая метафора продуцирует противоположные образы: как отрицательные, так и положительные, но с безусловным доминированием негативных образов будущего: ослабление России на международной арене и территориальная угроза. Немногочисленные положительно окрашенные метафоры зафиксированы во фреймах «Физиологические органы и части тела», «Физиологические действия», «Тело (организм) человека», профилирующие образы независимого государства и развитие российско-китайских отношений.

Метафорическая модель мира животных в двух дискурсах содержит единственный общий фрейм «Состав царства животных» с совпадающими слотами «собственно животные (млекопитающие)», «птицы» и «рыбы». Высокая

частотность зооморфной метафоры в концептуализации будущего России может быть связано с традицией зооморфной метафоризации стран, которая берет свое начало из библейских текстов. Более того, зооморфные метафоры обладают ярко выраженным отрицательным потенциалом, используются для обезличивания, дегуманизации политического противника, создавая негативный образ его вероятного будущего.

В зооморфной модели преобладают негативно окрашенные метафоры, отмеченные в каждом слоте, продуцирующие образы слабости российской экономики и ухудшения отношений с Америкой и Китаем, а также ядерной войны. Положительно окрашенные метафоры в слотах «птицы» и «собственно животные (млекопитающие)» связаны с вероятным усилением влияния России на геополитической арене и с развитием российско-китайских отношений.

ГЛАВА 3. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БУДУЩЕГО РОССИИ В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ США И КИТАЯ

3.1 Метафора неживой природы

В данной главе рассматриваются менее частотные метафорические модели, задействованные при описании будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая.

Метафорическая модель неживой природы по шкале частотности находится на третьем месте в дискурсе США и на шестом месте в дискурсе КНР. Общими фреймами выступают «Земля», «Вода», «Огонь», «Виды рельефа и полезные ископаемые» и «Климат» (Рис. 5):

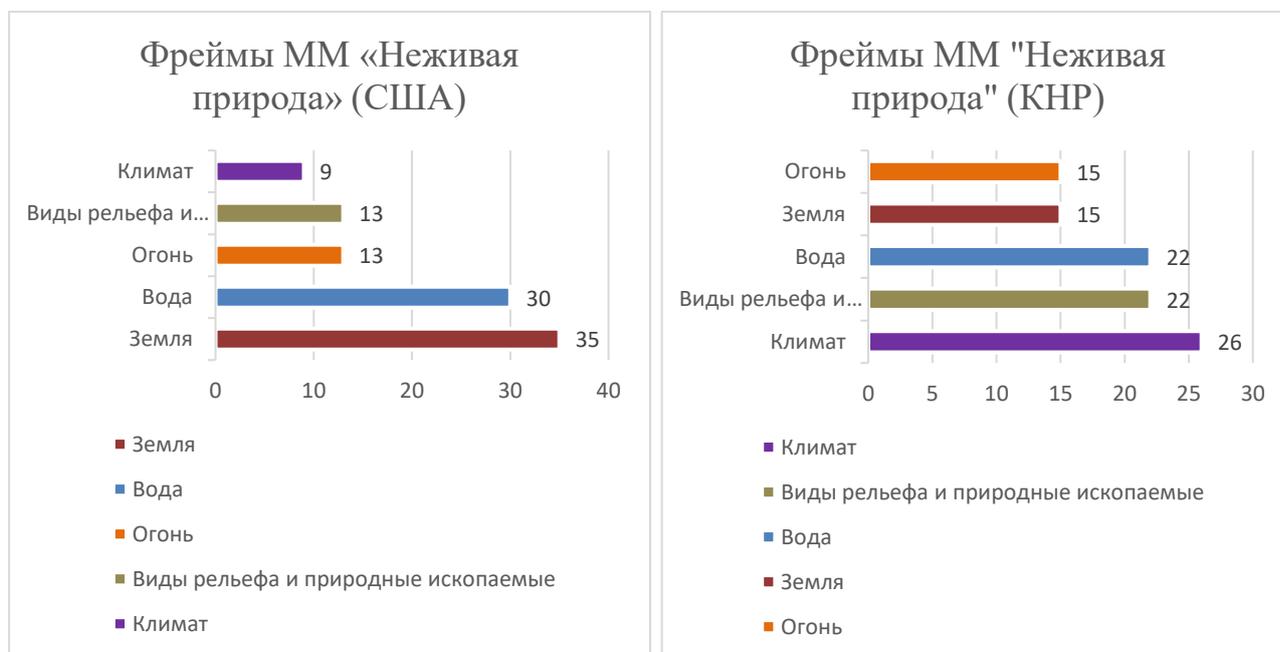

Рис. 5. Фреймы ММ «Неживая природа» (США и КНР)

Фрейм «Земля» менее частотной метафорической модели «Будущее России – это неживая природа» в дискурсе США находится на первом месте по частотности, занимая четвертое место в дискурсе КНР (35% и 15% соответственно), содержит следующие метафорические единицы: «earth» (земля), «ground» (земля), «wasteland» (пустошь), «abyss» (пропасть); «土» (земля), «蛮荒» (пустынный) и др. При репрезентации будущего России в условиях санкций США задействованы преимущественно негативно нагруженные метафоры:

(46) Sanctioning the Russian Central Bank will cut off his ability to pay for the war and foment domestic unrest. Combine that with disconnecting the country from Swift will plunge the Russians into an economic **abyss** they may not recover from. (*Введение санкций против российского Центрального банка лишит его возможности оплачивать расходы на войну и спровоцирует внутренние беспорядки. В сочетании с отключением страны от Swift это ввергнет россиян в экономическую «пропасть», из которой они, возможно, не выберутся*).

Метафорическая единица «пропасть» (abyss) проецирует образ экономически слабой России в будущем: резкий спад экономики из-за санкционной политики Запада в отношении страны, в результате чего Россия станет слаба и не сможет преодолеть кризис.

В китайском дискурсе в этом фрейме при репрезентации будущего России на мировой арене частотна метафора «грязь»:

(47) 巩固南奥塞梯收回克里米亚，这成为美帝及其走狗国家在国际上抹黑俄罗斯的宣传素材，但本大仙以为这完全是强盗逻辑，站不住脚。 (*Консолидация Южной Осетии и присоединение Крыма стали пропагандистским материалом для США и их лакеев, который они используют, чтобы вымазать грязью Россию на международном уровне, но я считаю, что этот совершенно разбойничий и несостоятельный план долго не продержится (не устоять на ногах – досл.)*).

Метафора «мазать грязью» (抹黑), используемая при описании информации, которую распространяют «американский император» (美帝) и его союзники («гончая собака» (走狗)) об усилении Южной Осетии и присоединении Крыма, моделирует отрицательное отношение автора к занимаемой позиции США и их сателлитов в отношении российской политики. Метафорическое словосочетание «не устоять на ногах» (站不住脚) продуцирует смысл возможного прекращения курса, направленного на дискредитирование России в мировой политике.

Фрейм «Вода» включает следующие метафоры: «water» (вода), «steam» (пар), «fog» (туман); «冰» (лед), «雪» (снег), «霜» (иней) и др. и находится на втором месте

по шкале частотности в дискурсе США, на третьем – в дискурсе КНР (30% и 22% соответственно):

(48) Putin will NOT go quietly in an **alcoholic fog** as so many past Russian leaders have done. He will more likely slip and fall from a fifth-story window or drink tea sweetened with polonium-210 or Novichok – favorite flavors of his FSB. (*Путин НЕ уйдет тихо в **запой** (алкогольный туман – досл.), как это делали многие российские лидеры прошлого. Он, скорее всего, поскользнется и упадет из окна пятого этажа или выпьет чай, подслащенный полонием-210 или Новичком – любимыми ароматизаторами его ФСБ).*

Метафорическое словосочетание «алкогольный туман» (alcoholic fog), описывающее тяжелое состояние алкоголизма, в контексте употребленное вместе с отрицательным глагольным сказуемым «не пойдет» (will NOT go), моделирует образ президента как человека, не подверженного алкогольной зависимости, которого только внешние факторы могут вынудить оставить пост президента. Но эти вредные и опасные «производственные» факторы, по мнению автора, вполне могут стать реальностью.

(49) «打破美俄关系的 “坚冰”，不是那么容易的事情，更不是一朝一夕、一蹴而就的事情。(Сломать “**прочный лед**” российско-американских отношений не так-то просто, и тем более не в одночасье)» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 100].

Иероглиф «лед» (冰), имеющий символическое значение холодности, неприязни, сомнений [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info], в данном контексте употребляется с прилагательным «прочный, крепкий» (坚), в связи с этим «метафорическое словосочетание “прочный лед” несет в себе смысл острой конфронтации между Россией и Америкой. Кризисы в отношениях США и России после присоединения последней Крыма часто сравнивают с холодной войной. Специалисты уточняют, что российско-американские отношения в контексте украинского кризиса достигли худшей точки за всю историю и что восстановление отношений и восполнение ущерба после проводимой санкционной политики

займет десятки лет [Войтоловский, 2014; Бубнова, 2015]. Во время украинского кризиса США и Евросоюз различными антироссийскими законопроектами и санкциями пытались “изолировать” Россию. Ограничительные меры коснулись целых отраслей российской экономики, поскольку Европа была главным торговым партнером России» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 100]. Так, вся сложность российско-американских отношений описывается метафорой, лингвистическим и экстралингвистическим контекстами.

Фрейм «Огонь», содержащий метафорические единицы «cinder» (зола), «ash» (пепел); «火» (огонь) и др. представлен на третьем месте по частотности в дискурсе США и на пятом месте – в дискурсе КНР (13% и 15% соответственно):

(50) What would be the consequences of Russia invading Ukraine? IF it happens (and it almost certainly won't), it will probably end up with the world being turned into a smoking **cinder**. *(Каковы будут последствия вторжения России на Украину? ЕСЛИ это произойдет (а это почти наверняка не произойдет), то, вероятно, закончится тем, что мир превратится в дымящийся пепел).*

Отвечая на вопрос, заданный в комментарии, автор использует метафорическую единицу «пепел» (cinder), тем самым продуцируя образ возможного результата противостояния России и Украины: ядерную войну, которая уничтожит весь мир. Метафора репрезентирует «мрачное» будущее не только для России, но и для всего мира.

В дискурсе КНР в рассматриваемом фрейме преобладают негативно окрашенные метафоры при описании российско-американских отношений:

(51) 一旦俄罗斯和美国发生直接冲突，那么卷入的国家太多了，其实美国对俄罗斯也是小心翼翼应付，唯恐踩线，到时候点火容易灭火难，俄罗斯同样不敢。*(Если будет открытый конфликт между Россией и США, то в него будет вовлечено слишком много стран. На самом деле США тоже осторожно относятся к России, чтобы не переступить черту (наступать на линию): огонь разжечь легко – погасить трудно, Россия тоже не посмеет переступить эту черту).*

В (51) примере спортивная метафора «наступать на линию» (踩线) формирует образ «красной линии» – некой договоренности между оппонентами: США и Россией, нарушение которой может привести к военному конфликту между странами. Метафорическое выражение «зажечь огонь легко, а погасить трудно» (点火容易灭火难), используемое после этой метафоры, концептуализирует ситуацию, при которой открытое столкновение США и России будет усугубляться, вовлекая все больше стран. Метафоры прогнозируют образ вероятного будущего военного противостояния России и США, которое может перерасти в мировую войну с тяжелыми последствиями.

Фрейм «Виды рельефа и полезные ископаемые» находится на четвертом месте по частотности в дискурсе США (13%) и на втором месте в дискурсе КНР (22%) с метафорическими единицами: «gold» (золото), «rock» (скала), «carbon» (углерод); «石头» (камень), «岩» (скала), «石» (утес) и др.:

(52) Hopefully Turncoat Trump had a poison hand in Putin's decisions as they'd be guaranteed as **gold** to fail. (Будем надеяться, что Трамп-перебежчик приложил «ядовитую руку» к решениям Путина, поскольку они гарантированно (как **золото**) потерпят неудачу).

Лексема «gold» (золото) обозначает один из наименее реакционноспособных химических элементов, и в стандартных условиях он является твердым. Метафорическая единица проецирует неизбежность поражения решений, принятых президентом России В. В. Путиным, поскольку в них был задействован американский президент Д. Трамп, что выражается метафорой «ядовитая рука» (poison hand), заимствованной из компьютерно-игрового дискурса и репрезентирующей смертельные и мучительные последствия для жертвы [Poison Hand|Baki Wiki|Fandom]. Таким образом, метафорический контекст профилирует образ «мрачного» будущего России: решения, принятые российским президентом В. В. Путиным, приведут Россию к неизбежному кризису.

(53) 现代战争打仗就是打的经济实力, 拼基本国力, 试想一下让我国的一个江苏省去对抗美国就是以卵击石, 自不量力。(Современная война – это схватка

экономических и национальных мощностей государств. Только представьте такое: позволить провинции Цзянсу нашей страны воевать против Соединенных Штатов – это все равно что пытаться разбить камень яйцом, не рассчитывая своих сил).

В примере (53) отсутствует эксплицитная репрезентация будущего России, образ будущего страны выводится из контекста, в котором «современная война» – это противостояние между Россией и США. Метафорическое выражение «пытаться разбить камень яйцом» (以卵击石), состоящее из 4 иероглифов: «посредством» (以), «яйцо» (卵), «ударять» (击), «камень» (石), означает «пытаться сделать невозможное, навлекать на себя беду, перегибая палку» [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info]. Метафора отображает конфронтацию между США и Россией. Поскольку «яйцо» (卵) – это Россия, согласно ее объему номинального ВВП, а «камень» (石) – это США, крупнейшее государство в мире по номинальному ВВП, то подразумевается, что Россия не может противостоять США, и если она продолжит участвовать в этом противостоянии, то потерпит неминуемое поражение. Примечательным сравнением является то, что экономика России эквивалентна экономике провинции Китая – Цзянсу, население которой составляет более 80 миллионов человек, а ВВП в 2020 году составил 10,27 триллионов юаней. С помощью этого сравнения китайцы пытаются представить, как трудно, должно быть, России противостоять США, потому что провинция Цзянсу составляет лишь небольшую часть ВВП Китая [百度知道– форум вопросов и ответов «Baidu Knows»].

Фрейм «Климат» является наименее частотным в дискурсе США, находится на пятом месте (9%) и выступает доминантным фреймом в дискурсе КНР (26%) со следующими метафорическими единицами: «sun» (солнце), «clouds» (облака), weather (погода); «严寒» (стужа), «转暖» (теплеть), «云» (облака), «晴天» (ясно), «风» (ветер) и др.:

(54) Putin is a liar who lies to his own country, his family, his friends, but worst of all: himself. However, the truth is much like **the sun**; **clouds** may hide it for a while, but

it will pierce through. (*Путин – лжец, который лжет своей собственной стране, своей семье, своим друзьям, но, что хуже всего, самому себе. Однако истина во многом подобна солнцу; облака могут на некоторое время скрыть его, но оно все равно пробьется сквозь них*).

Метафорическая единица «облака» (clouds) описывает настоящее России в отрицательном ключе, в котором страной управляет патологический лжец, искажающий факты, что необходимо для проведения его политики. Метафора «солнце» (the sun) профилирует образ будущего России: сейчас страна пребывает в хаосе, но правдивая информация о правлении президента станет известна народу.

В представленном фрейме в дискурсе КНР наиболее частотны негативно нагруженные метафоры при моделировании будущего российско-американских отношений:

(55) *可怜的政治素人特朗普，哪怕与政治强人普京相好，也不能让美俄关系转暖转好，相反变得更糟，这让特朗普情何以堪？(Бедный политический любитель Трамп, даже несмотря на то что он хорошо ладит с политически сильным Путиным, не может заставить отношения между США и Россией согреться (теплеть – досл.), наоборот, он изменит их в худшую сторону. Почему это смущает Трампа?)*.

Метафора «теплеть» (转暖) моделирует образ развития отношений между государствами. В иллюстративном контексте она употреблена с отрицанием (不能让), тем самым транслируются смыслы невозможности улучшения отношений между Россией и США, несмотря на желание американского президента поспособствовать их изменению в лучшую сторону. По мнению автора, ситуация между США и Россией ухудшится благодаря действиям бывшего президента США Д. Трампа.

Большинство (75%) метафорических единиц ММ «Неживая природа» во фреймах «Земля» (США), «Вода», «Огонь», «Виды рельефа и полезные ископаемые», «Климат» (КНР) нагружены отрицательным потенциалом. Метафоры прогнозируют образы экономически слабой России, которой в условиях

многочисленных антироссийских санкций будет непросто преодолеть кризис; возможного военного столкновения России с США, которое может привести к мировой войне; смертельной опасности для президента России. Положительно окрашенные метафоры (25%), зафиксированные во фрейме «Земля» (КНР), моделируют относительно «светлый» образ будущего России, которую США более не дискредитируют на мировой арене, позволяя тем самым стране вести независимую внешнюю политику. Частотное использование метафоры неживой природы при репрезентации будущего России связано с тем, что живая и неживая природа с давних времен служили своего рода моделью, опираясь на которую, человек представляет социальную реальность. Неживая природа стихийна, ее невозможно предсказать, поэтому этим преобладают метафоры, способные отражать динамизм и событийность политического мира и будущего страны в нем.

3.2 Театральная метафора

В системах метафор со сферой-мишенью «Будущее России» театральная модель находится на четвертом месте в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и на одиннадцатом месте – в дискурсе КНР. Метафорическая модель «Будущее России – это театр» состоит из двух совпадающих фреймов: «Люди театра» и «Элементы представления» (Рис. 6). В дискурсах модель представлена следующими метафорическими единицами: «performer» (исполнитель), «stooge» (марионетка), «puppet» (марионетка), «waltz» (вальс); «演戏» (пьеса), «大戏» (большой спектакль), «唱» (петь), «剧本» (сценарий), «演» (выступать) и др.

Рис. 6. Фреймы ММ «Театр» (США и КНР)

Фрейм «Люди театра» является доминантным при описании будущего России в дискурсе США и менее частотным в дискурсе КНР (93% и 40% соответственно). Преобладание метафорических единиц, относящихся к фрейму «Люди театра» в дискурсе США (93%), можно объяснить тем, что в эпоху однополярного доминирования Америка привыкла считать себя «актером первого плана», который играет главную роль в любых событиях, в том числе в международных; большая представленность единиц фрейма «Элементы представления» в дискурсе КНР (60%) предположительно связана с тем, что Китай, напротив, рассматривает геополитические события как представления и предпочитает быть зрителем.

(56) What would be the consequences if Russia actually invaded the Ukraine? Nothing. Russia would roll up the Ukraine like a cheap carpet & set up their own **puppet** regime. Kinda like last time. *(Каковы были бы последствия, если бы Россия действительно вторглась в Украину? Никакие. Россия свернула бы Украину как дешевый ковер и установила бы свой собственный **марионеточный** режим. Что-то вроде того, как было в прошлый раз).*

В иллюстративном примере с помощью метафоры «ковер» (carpet) из сферы-источника «Дом», употребленной с атрибутивом «дешевый» (cheap), автор комментария описывает исход российского вторжения на территорию Украины как незначительное событие для России, не требующее особых усилий. При этом метафорически отношения России и Украины предстают в виде театральной сцены, на которой Россия выступает кукловодом, а Украина – марионеткой. Театральная метафора «марионетка» (puppet), моделируя будущее Украины, репрезентирует безжалостность России к оккупированной ею территории с последующей установкой режима правления, необходимого для нее. Более того, автором проводится параллель, что Россия уже назначала президента, который действовал во благо страны-кукловода. Таким образом, метафоры транслируют образ «мрачного» будущего России, которая проводит жесткую политику по отношению к своим соседям для удовлетворения своих потребностей.

В дискурсе КНР в этом фрейме активны негативно окрашенные метафоры при описании будущего России на мировой арене:

(57) 俄罗斯其实已经成了美帝的“政治盟友”，没有俄罗斯的“大力配合”，美帝这场全球大戏还真演不下去了，那么美帝就不可能置俄罗斯于死地。

(Россия фактически стала “политическим союзником” (друзья, поклявшиеся в вечной дружбе – досл.) императора США, без “тесного сотрудничества” России с императором США эта глобальная драма действительно не продолжалась бы далее, поэтому император США не может предать Россию смерти).

В приведенном примере сложный образ будущего России репрезентируется комплексом метафор, входящих в различные сферы-источники. Автор концептуализирует Америку как «императора» (美帝 (сфера-источник «Монархия»)): она обладает сильной национальной властью и делает в мире все, что хочет, точно так же, как император [百度知道 – форум вопросов и ответов «Baidu Knows»]. Метафорическое словосочетание «политические друзья» (政治盟友), состоящее из двух единиц: метафоры «друзья» (盟友) из сферы-источника «Родство», означающая двух друзей, поклявшихся в вечной дружбе, и иероглифа «политика» (政治), употребленного в кавычках, следует за монархической метафорой «император» (美帝) и характеризует Россию и Америку как двух политических соперников, противостояние которых будет длиться вечно. Далее автор репрезентирует их взаимозависимость с помощью выражения «тесное сотрудничество» (大力配合), также взятого в кавычки и тем самым выражающего противоположное значение: отсутствие подобных отношений между Россией и США. Такое непримиримое соперничество необходимо для императора с целью продолжить «большую драму» (大戏) (сфера-источник «Театр»), постановку, в которой Америка играет ведущую роль, а Россия – роль подданного, без которого этот спектакль невозможен. Автор приходит к заключению, что Америка именно поэтому намерена сохранить России «жизнь» и не предавать ее «смерти» (死地). Метафорический контекст моделирует взаимозависимость России и Америки в

негативном ключе. С целью поддержания главенствующей роли в межнациональных отношениях США будут стремиться контролировать Россию, препятствуя ее развитию, но не пытаясь ее полностью ликвидировать.

Фрейм «Элементы представления» наименее активен при репрезентации будущего России в условиях санкционной политики США по отношению к России в американском дискурсе и наиболее частотен в китайском дискурсе (7% и 60% соответственно):

(58) What do you think of Trump saying on 2/22/22 that a Russian invasion of Ukraine wouldn't have happened if he was president, "I know Putin very well"? – I believe Trump would have Putin **waltz** right w/o a fight even though Ukraine is not his to give he would have done it anyway¹. *(Что вы думаете о словах Трампа 22/2/22 о том, что российского вторжения в Украину не произошло бы, если бы он был президентом: «Я очень хорошо знаю Путина»? – Я думаю, что Трамп позволил бы Путину «**станцевать вальс**» на Украине без боя, даже несмотря на то, что Украина не принадлежит ему, чтобы ей распоряжаться, он бы все равно так сделал).*

Метафора «вальсировать» (waltz), помимо вида танца, подразумевает «идти куда-либо быстро и уверенно» [Thesaurus.com]. В (62) метафора используется, чтобы подчеркнуть свободу действий, которую предоставил бы бывший президент США российскому президенту В. В. Путину в проведении специальной военной операции на Украине. Автор комментария делает акцент на подбострастном уважении, которое испытывает бывший американский президент к российскому, что прослеживается в контексте. Метафора профилирует альтернативный образ будущего России, которое могло бы быть «светлым»: оказание Америкой всяческого содействия РФ в проведении внешней политики.

(59) 俄军目前已经陷入持久战的泥潭，同时在经济上还遭受到欧美的集体毒打。按照欧美的这个**剧本演**下去，随着时间推移，俄罗斯的情况会越来越遭。*(Российская армия сейчас попала в трясины затяжной войны и в то же время*

¹ Дата указана как в оригинальном комментарии.

подверглась коллективному экономическому удару (жестко избить – досл.) со стороны Европы и Соединенных Штатов. По сценарию Европы и Соединенных Штатов ситуация в России со временем будет становиться все хуже и хуже (несчастный, неблагоприятный – досл.)).

Метафорическое словосочетание из сферы-источника «Криминал» «жестко избить» (毒打) определяет степень разрушения, которое нанесли российской экономике совместные санкции США и Европы. Политические действия Запада в отношении России предстают как некий сценарий или пьеса (театральная метафора «сценарий, пьеса» (剧本) употреблена вместе с метафорой «выступить на сцене» (演)), развязка заранее известна – огромные убытки для России «несчастный, неблагоприятный» (遭). Метафоры, описывая тяжелое состояние экономики России в условиях санкционной политики «коллективного Запада», продуцируют образ рецессии в экономике РФ.

В театральной метафорической модели в двух дискурсах во фреймах «Люди театра», «Элементы представления» преобладают негативно окрашенные метафоры (72%) при репрезентации будущего России в условиях антироссийских санкций. Метафоры продуцируют образ «мрачного» будущего России, которая покажет себя как ненадежного экономического партнера – будет использовать своих соседей для достижения собственных целей, однако не сможет преуспеть в выбранном ей направлении из-за вмешательства США; позиция России будет ослаблена на мировой арене, экономика пойдет на спад. Положительно окрашенные метафоры (28%), зафиксированные во фрейме «Элементы представления» в дискурсе США, профилируют образ вероятного будущего России, в котором США могли бы быть верным российским союзником в проведении страной внешнеполитических действий. Театральная метафора базируется на одном из ключевых понятий – «сцена» (площадка, на которой происходит представление). Моделируя образ будущего России, метафора репрезентирует политические события как представление, а сценой выступают страна, мировая арена и другое.

3.3 Игровая и спортивная метафора

Метафорическая модель «Будущее России – это игра и спорт» по шкале частотности в дискурсе США и в дискурсе КНР находится на пятом месте. Общий фрейм метафорической модели «Игра и спорт» – «Виды игры и спорта» – включает пять слотов: «игра вообще (без конкретизации) и ее участники», «бытовые игры», «командные спортивные игры»; специфичными слотами в дискурсе КНР являются слоты «другие виды спорта» и «соревнования в скорости передвижения» (Рис. 7). В этот фрейм включены следующие метафорические единицы: «play» (играть), «game» (игра), «sport» (спорт), «win» (побеждать), «lose» (проиграть), «card» (карта), «chess» (шахматы), «cricket» (крикет); «玩儿» (играть), «博弈» (игра), «对手» (соперник), «多米诺» (домино), «牌» (карты), «棋子» (шахматная фигура), «赢» (выиграть), «王牌» (козырь), «输» (проиграть) и др.

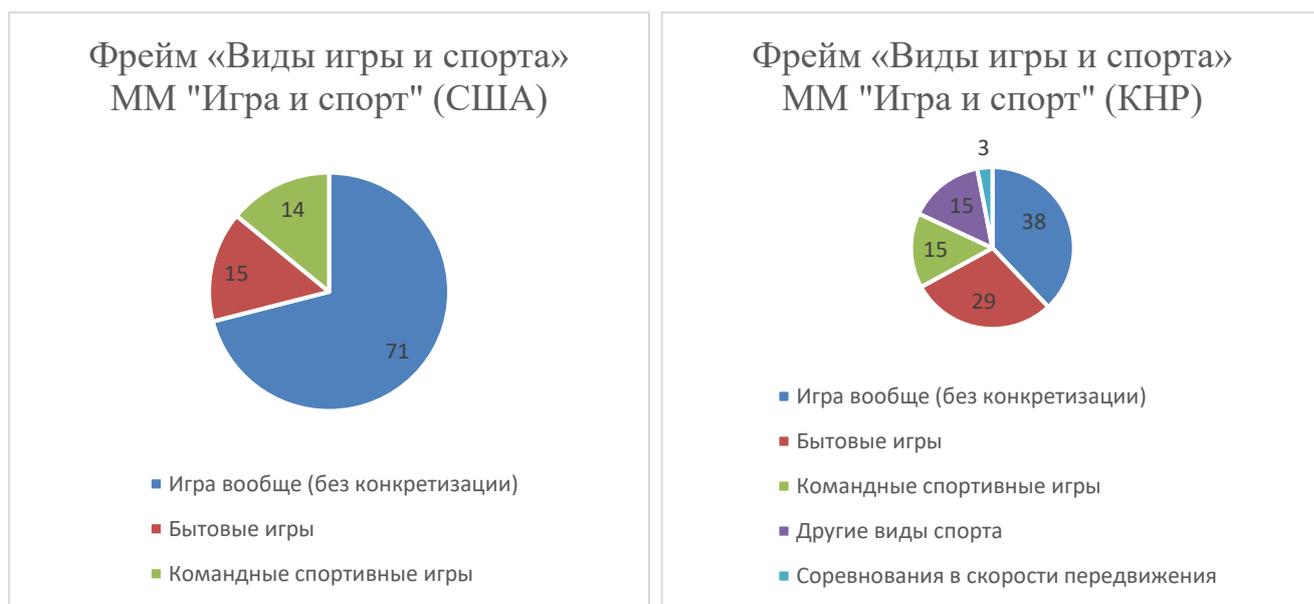

Рис. 7. Фрейм «Виды игры и спорта» ММ «Игра и спорт» (США и КНР)

Слот «игра вообще (без конкретизации) и ее участники» является ведущим в дискурсах США и КНР (71% и 38% соответственно):

(60) There will be a clear **loser** – Russia. Then a stronger and more cohesive NATO and EU. Ukraine will win even if it is a long insurgency. (*Явным проигравшим будет Россия. НАТО и ЕС станут более сильными и сплоченными. Украина победит, даже если это будет длительное сопротивление*).

Метафора игры и спорта «проигравший» (loser) описывает, по мнению автора, вероятный исход специальной военной операции РФ на Украине, в которой Россия не сможет добиться желаемого результата. Метафора моделирует «мрачное» будущее России, негативная оценочность усиливается за счет ее контекстуального окружения: расширение НАТО, которое может создать территориальную опасность для России.

В дискурсе КНР в этом слоте при моделировании будущего российско-американских отношений задействованы метафоры с негативным оценочным потенциалом:

(61) 猫捉老鼠是常态，老鼠戏猫更多是噱头。俄罗斯和美国，在军事上可以有一拼，因为最糟糕的结果是互相毁灭；但在经济上，不在同一个量级上。
*(Кошка ловит мышей, и это обычная ситуация, а вот если **мышки играют с кошкой**, то так становится смешнее. Россия и США могут быть равны в военном отношении, и наихудшим результатом может стать их взаимное уничтожение; но в экономическом плане – силы их не тождественны).*

В контексте игровая сфера-источник пересекается с зооморфной метафорой: «кошка» (猫) концептуализирует США, «мышь» (老鼠) отображает Россию, которая стремится позабавить кошку. Автор рассматривает игру мышки с кошкой как попытку России ослабить доминирование США в мире, что может привести к военному столкновению, способному разрушить обе страны. Метафорический контекст продуцирует «мрачный» образ будущего российско-американских отношений: военное столкновение стран, результатом которого будет поражение обеих сторон.

Слот «бытовые игры» находится на втором месте на шкале частотности в дискурсе США и КНР (15% и 29% соответственно):

(62) One day, all the lies of Putin will crumble on him like **a house of cards** and his reign will end abruptly. Like all of his predecessors and all who choose his ways in the future. *(Однажды вся ложь Путина рухнет на него, как **карточный домик**, и его царствование резко прекратится. Как и правление всех его предшественников и всех тех, кто выберет такой путь в будущем).*

Метафорическое выражение «карточный домик» (a house of cards) описывает правление действующего президента, которое, по мнению автора, построено на лжи и поэтому не сможет долго продлиться – рассыплется как карточный домик. Метафорический контекст, описывая настоящее, профилирует образ «мрачного» будущего для российского президента, чье правление может резко прекратиться и последователи которого не смогут продолжить выбранный им политический курс.

В дискурсе КНР метафоры продуцируют мрачные образы развития российско-американских отношений в будущем:

(63) 现实的情况是，俄罗斯对美国的制裁，手中根本没有什么牌可出，而美国却有许多可以致俄罗斯死地的杀手锏。*(Реальность такова, что у российских санкций против США нет хороших карт, тогда как у США много козырей, которые могут убить Россию).* Метафорическая единица «карта» (牌), употребленная с отрицанием «не иметь» (沒有), репрезентирует положение России, не обладающей ресурсами, на экспорт которых она может наложить запрет или ввести ограничительные меры. При этом США обладают возможностью не только лимитировать поставки, но и способностью разрушить российскую экономику («гибельное место» (死地) употреблено с «kozyрь» (杀手锏 (смертоносное оружие – досл.)). Метафоры продуцируют образ «мрачного» будущего России, транслируя смыслы уничтожения российской экономики в условиях санкций.

Слот «командные спортивные игры» занимает третье место по частотности в дискурсах США и КНР (14% и 15% соответственно):

(64) Crimea is small, easy, close to Russia, isolated from the West, and popular enough in both Crimea and Russia. It was a good **chess move**. If he takes eastern Ukraine, he has **no moves** left after that. He'd better save that in case he really needs it. *(Крым маленький, удобный, близок к России, изолирован от Запада и достаточно популярен как на самом полуострове, так и в стране в целом. Это был хороший шахматный ход. Если он (В.В. Путин) захватит восточную Украину, то у него не останется никаких ходов. Ему лучше приберечь это на случай, если она ему действительно понадобится).*

Автор комментария, описывая прошлые события, дает положительную оценку проводимой политике президента о присоединении Россией Крыма, используя метафору «шахматный ход» (chess move) с прилагательным «хороший» (good). Далее с помощью игровой метафоры «ход» (move (в карточной игре)), употребленной с отрицанием, профилируется потеря выигрышного положения в возможной операции по присоединению страной восточной Украины. Метафорический контекст репрезентирует негативное развитие событий для России, у которой не будет потенциала для достижения необходимого результата.

В дискурсе КНР частотны метафоры, прогнозирующие смыслы возможного экономического кризиса в России:

(65) 伊朗等国只是无关紧要的**弃子**、并不影响美帝获利，俄罗斯的地位显然不同，失去这个重要**棋子**怕要**满盘皆输**呢。*(Иран и другие страны – просто пешки, не имеющие значения, которые нисколько не влияют на прибыль императора США; позиция России, напротив, иная: потеряв эту важную пешку, можно проиграть всю партию).*

Пример (65) содержит метафоры из сферы-источника «Монархия» и «Игра и спорт». Метафора «пешка» (弃子) описывает партнера России как незначительного игрока на мировой арене, от которого «американскому императору» (美帝) нет никакой выгоды. Однако для России сотрудничество с Ираном имеет большое значение, так как последний является стратегически важным союзником, потеряв которого Россия проиграет партию «из-за неправильного хода проиграть партию»: (满盘皆输), то есть лишиться ключевого торгового партнера в нефтегазовой отрасли. Так, метафорический контекст прогнозирует образ возможного прекращения сотрудничества России с Ираном, которое принесет значительные потери экономическому сектору РФ.

Слот «другие виды спорта» является специфичным для дискурса КНР при репрезентации будущего России:

(66) 如果将美俄制裁比喻为一场**拳击比赛**的话，那么美国是一位重量级选手，而俄罗斯只是一个轻量级选手，二者的差距是明显的。*(Если американско-*

российские санкции сравнить с боксерским поединком, то Соединенные Штаты являются игроком в тяжелом весе, в то время как Россия выступает игроком только в легком весе, и разрыв между ними очевиден).

Метафорическое словосочетание «боксерский поединок» (拳击比赛), состоящее из иероглифов: «бокс» (拳击) и «поединок, соревнование» (比赛), профилирует образ противостояния между Россией и США, в котором страна занимает заведомо слабую позицию, поскольку выступает игроком в легком весе (轻量级), а США – игроком в тяжелом весе (重量级), поэтому «удар» США по «телу» России нанесет бóльший урон. Таким образом, опираясь на настоящее, метафора продуцирует образ «мрачного» будущего России: противостояние между Россией и США окончится выигрышем последних.

Вторым специфичным слотом в дискурсе КНР выступает слот «соревнования в скорости передвижения»:

(67) *现在的美国只能从贸易上，官方往来制裁俄罗斯，美国想弯道超车研制三级大推力火箭发动机和航天发动机，即使俄罗斯原地踏步，美国至少追赶20年。(В настоящее время Соединенные Штаты могут вводить санкции против России только с точки зрения торговли и официальных контактов. Соединенные Штаты хотят обогнать на повороте и разработать трехступенчатые ракетные двигатели большой тяги и космические двигатели. Даже если Россия будет стоять на месте, Соединенные Штаты будут догонять как минимум 20 лет).*

Метафорическое выражение «стоять на месте» (原地踏步) в контексте продуцирует образ развитой России в космической области, которую США различными способами («弯道超车» (обогнать на повороте) в значении воспользоваться сложной ситуацией для достижения целей) пытаются превзойти (догонять (追赶)). Однако, по мнению автора, отставание США очень велико, поэтому, чтобы им разработать космическую технику лучше, чем у России, им понадобится по меньшей мере 20 лет. Так, метафора продуцирует образ «светлого» будущего России: невозможность США ввести санкции по отношению к России в

космической отрасли вследствие того, что оборудование последней многократно превосходит американское снаряжение.

Проведенный анализ показал, что при моделировании образа будущего России в рамках метафорической модели «Игра и спорт» в дискурсах США и Китая наиболее активны негативно нагруженные метафоры (76%). Метафорические единицы преимущественно направлены на конструирование «мрачного» образа страны на геополитической арене, транслируя смыслы прекращения взаимодействия России с ее партнерами, что может привести к экономическому кризису, из которого стране будет тяжело выйти; отсутствия возможностей вести выбранный политический курс; территориальной опасности из-за расширения и усиления НАТО; вероятного противостояния России и Америки, результатом которого может быть не только уничтожение двух государств, но и всего мира. Положительно окрашенные единицы (24%), профилирующие образ развитой России в космической отрасли, зафиксированы в специфическом слоте в дискурсе КНР «соревнования в скорости передвижения». Спортивно-игровая метафора более структурирована при репрезентации образа будущего России в дискурсе КНР потому, что политическое и экономическое противостояние между Россией и США предстает как спортивное или игровое состязание, в котором Китай выступает сторонним наблюдателем, оценивая возможности игроков на победу.

3.4 Милитарная метафора

Метафорическая модель «Будущее России – это война» по шкале частотности в дискурсе США находится на шестом месте, в дискурсе КНР – на третьем. Большая частотность единиц модели в дискурсе КНР может быть связана с тем, что в китайском национальном сознании сформировалось особое отношение к войне ввиду многочисленных войн не только с другими государствами, но и политических переворотов внутри страны и войн между династиями, происходивших в прошлом. В данной метафорической модели зафиксированы общие фреймы: «Военные действия и вооружение», «Война и ее разновидности» и «Ранение, выздоровление или смерть». Специфичным фреймом для дискурса США является фрейм «Воинские символы и атрибуты», для дискурса КНР – фрейм

«Организация военной службы» (Рис. 8). В эту модель включены следующие метафорические единицы: «war» (война), «undermine» (подрывать), «war toy» (военная игрушка), «march» (маршировать); «战争» (война), «打击» (удар), «挑战» (провоцировать войну), «敌» (враг), «挡箭牌» (щит), «核弹» (ядерная бомба), «剑» (меч), «杀» (убить), «争斗» (борьба) и др.

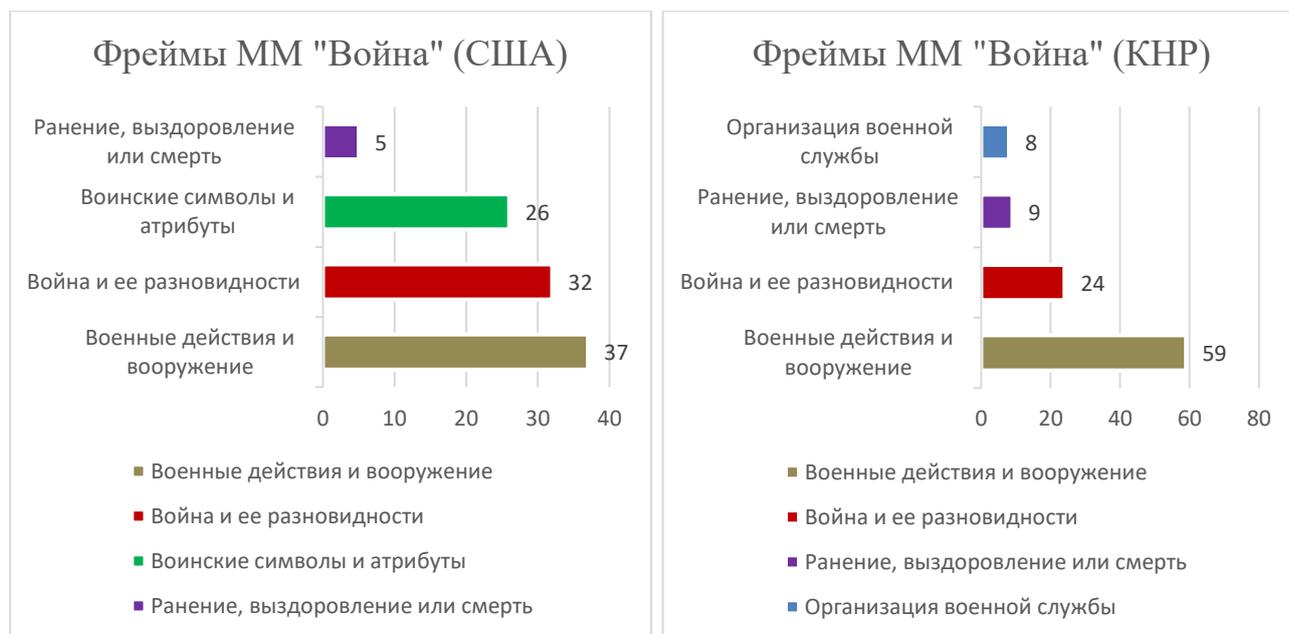

Рис. 8. Фреймы ММ «Война» (США и КНР)

Фрейм «Военные действия и вооружение» находится на первом месте по шкале частотности в дискурсах США и КНР (57% и 59% соответственно):

(68) People are working hard to **undermine** Russia but they are resilient now. Their act is very survivable and getting better. They no longer exist on lies. It's the US that is now brittle and being throttled to death. (*Люди упорно трудятся, чтобы **подорвать** Россию, но она сейчас стабильна. Русские живут и развиваются. Они перестали жить во лжи. А США сейчас «хрупки» и близки к смертельному «удушению»*).

В иллюстративном примере (68) задействованы метафоры из сфер-источников «Война» и «Физиология». Милитарная метафора «подорвать» (undermine) репрезентирует намерение США и Европы привести Россию к экономическому кризису, последствия которого будут разрушительны для страны. Автор комментария уверен, что Россия сможет выдержать натиск Запада и пойти по пути развития, тогда как экономика США находится под угрозой депрессии

(физиологическое словосочетание «задушить до смерти» (throttle to death)). Отталкиваясь от настоящего, метафоры прогнозируют относительно «светлое» будущее России в условиях санкций США: страна сможет выдержать натиск Запада и продолжит развиваться, проводя эффективную политику.

В рамках фрейма достаточно частотны положительно нагруженные единицы при моделировании будущего России в условиях антироссийской санкционной политики:

(69) Now if Germany would **torpedo** the sanctions, Russia would be hit much less hard, so its position would not be that affected. (*Теперь, если бы Германия «торпедировала» санкции, Россия пострадала бы гораздо меньше, и на ее позицию на мировой арене это сильно не повлияло бы*).

В приведенном примере метафора «торпедировать» (torpedo), указывает на то, что при возможном введении многочисленных санкций со стороны Германии в отношении России, экономика последней сильно не пострадает, и ее позиция на мировой арене останется прежней. Таким образом, будущее России описывается в светлых тонах, она сможет преодолеть последствия санкционных мер.

В дискурсе КНР метафора войны при репрезентации будущего России является одной из наиболее частотных. Во фрейме «Военные действия и вооружение» доминируют негативно окрашенные метафоры:

(70) 俄俄美的对抗没有妥协的可能，俄罗斯经济在美国严厉的制裁下，会遭到打击，但俄罗斯也同时敲响了去美元霸权的丧钟，美元霸权再也回避不了进入历史衰落期的事实。(В противостоянии между Россией и Соединенными Штатами нет возможности прийти к компромиссу, и российская экономика **пострадает** (получить удар – досл.) от жестких санкций Соединенных Штатов. Но Россия также протрубила похоронный марш по долларовой гегемонии, и нельзя игнорировать факт того, что долларовая гегемония вступила в период исторического упадка).

Милитарная метафора «получить удар» (遭到打击) моделирует вероятный экономический ущерб, который понесет Россия в условиях санкций США. Однако,

несмотря на отсутствие эффективных российских мер в отношении Соединенных Штатов, последние, усиливая антироссийские санкции, запустили процесс саморазрушения глобальной гегемонии доллара («погребальный звон» (丧钟)), что в дальнейшем приведет к дестабилизации их экономики. Таким образом, метафоры продуцируют образ экономической взаимозависимости двух государств на геополитической арене, в которой Америка, нанося серьезный ущерб экономике России, ослабляет и собственную экономику.

При репрезентации экономического взаимовлияния двух стран – России и Америки – в условиях санкций в рамках рассматриваемого фрейма частотна (11%) метафора меча «剑»:

(71) 俄罗斯根本无力反制美国的制裁。可用的手段仅限外交、军事，对美国无大伤害。但是，无论是不是对等的制裁，都是一柄双刃剑，不会使任何一方完胜。*(Россия просто не в состоянии противостоять санкциям США. Доступные средства ограничены дипломатией и военными делами, и большого вреда Соединенным Штатам это не нанесет. Однако независимо от того, являются ли санкции равными или нет, они представляют собой палку о двух концах (обоюдоострый меч – досл.) и не приведут к победе ни одной из сторон).*

Метафора «обоюдоострый меч» (双刃剑) используется для описания ситуации, в которой есть плюсы и минусы [百度知道– форум вопросов и ответов «Baidu Knows»]. В приведенном контексте метафора, репрезентируя санкции США и контрсанкции России, профилирует образ проигрыша обеих сторон – ущерба, который понесут страны в этом конфликте.

Фрейм «Война и ее разновидности» находится в двух дискурсах на втором месте по частотности: в американском дискурсе частотность использования метафор фрейма составляет 32%, в китайском дискурсе равняется 24%:

(72) In the distant future, Russia and the United Nations are at war, they decided that **guns** aren't as useful anymore, but they decided **nukes** aren't as conventional, they came up with a new program, to make **mechs**, these **Iron Giants** would be made to fight either side until one falls or wins. *(В далеком будущем Россия и Организация*

*Объединенных Наций находятся в состоянии войны, они решили, что от **оружия** нет пользы, а **ядерное оружие** не такое уж обычное, они разработали новую программу и изобрели машины (**мехи**), эти **Железные Гиганты** будут созданы, чтобы сражаться с любым противником, пока он не падет или не победит).*

Контекст построен на развернутой военной метафоре. Также в приведенном примере присутствует транспозиция временных форм глагола, грамматическая метафора: о будущем в настоящем – «In the distant future, Russia and the United Nations are at war»; о будущем в прошлом: «they decided that guns aren't... they decided nukes aren't... they came up with». Данная метафора профилирует образ неизбежной войны между Россией и странами ООН, в которой будет применяться не обычное оружие и даже не ядерное, а созданные машины-роботы – «мехи, сокращение от «mechanism» (механизм)» (mechs), они же «Железные Гиганты» (Iron Giants). Мехи представляют собой «человекоподобные транспортные средства, пилотируемые человеком, находящимся внутри, часто изображаемые в средствах массовой информации как боевая машина» [BattleMech|MechWiki|Fandom]. Метафоры продуцируют «мрачное» будущее России – войну с ООН, в которой будет применено оружие гораздо опаснее ядерного.

Следующий пример также связан с описанием будущего России на мировой арене:

(73) We don't have to go to war with Russia to **hammer** it. It's in over its head, and Putin's foreign adventures are actively hurting its chances of really integrating with the world economy. (*Нам не нужно вступать в войну с Россией, чтобы **уничтожить** (наносить удары молотком – досл.) ее. У нее проблем выше головы, и зарубежные авантюры Путина активно подрывают (ранить – досл.) ее шансы на реальную интеграцию в мировую экономику).*

Метафора «наносить удары» (hammer) продуцирует намерение стран Запада привести Россию к упадку. Физиологическая метафора «выше головы» (over its head) характеризует настоящее, которое, по мнению автора, содержит невозможность достижения результатов, поставленных президентом РФ В.В.

Путиным. Метафора «ранить» (hurt) (сфера-источник «Физиология») представляет последствия этих политических действий, которые не позволят России вступить в коллаборацию с другими странами на мировой экономической арене. Тем самым метафоры продуцируют образ «мрачного» будущего России, экономика которой будет находиться под контролем стран Запада, имеющих цель ее уничтожить.

В дискурсе КНР доминируют положительно окрашенные метафоры при моделировании образа России в условиях санкционной политики:

(74) 美国想要通过制裁手段去削弱俄的国力，这步棋是否行得通，我认为是一定有成效，但并不意味俄罗斯这个**战斗民族**会向美低头。*(Соединенные Штаты хотят ослабить национальную мощь России с помощью санкций. Сработает ли этот шахматный ход, я думаю, он будет эффективным, но это не означает, что Россия, этот **боевой народ**, склонится (склонить голову – досл.) перед Соединенными Штатами).*

Метафорическое выражение «боевой народ» (战斗民族) моделирует образ России как свободной и воинственной нации, которая не будет проявлять снисхождение к своему противнику [百度知道– форум вопросов и ответов «Baidu Knows»]. С помощью метафоры «шахматный ход» (步棋) (сфера-источник «Игра и спорт») автор описывает санкции США, в успехе которых он выражает сомнение, поскольку Россия умеет постоять за себя, ее народ не намерен подчиняться и не признает себя побежденным (метафора «склонить голову» (低头)). Таким образом, метафоры профилируют образ сильной России, которая сможет выдержать натиск санкций со стороны Запада.

При описании будущего России на мировой арене в условиях антироссийских санкций США используется метафора «боевой народ» (战斗民族) (3%):

(75) 美国亦自知制裁难以奏效，只是虚张声势，无非是在其西方盟友面前表明姿态，作秀而已。而作为俄罗斯方面来说，就是虱多不痒，**战斗民族**从来就不吃这一套，你制裁你的，我干我的，美国人要跟我对着干，那我就一路奉陪到底了。*(Соединенные Штаты знают, что санкции не сработают. Это просто блеф.*

*Это не более чем шоу перед своими западными союзниками. Что касается России, то нет смысла беспокоиться об одной проблеме, когда так много других («вшей слишком много, чтобы чесаться» – досл.). **Боевая нация** никогда не велась на подобную уловку (не ели – досл.). Ты вводи санкции против кого тебе нужно, а я буду делать то, что мне нужно. Если американцы захотят воевать против меня, я буду **сражаться с ними до конца**).*

Метафора «блефовать» (虚张声势) (сфера-источник «Игра и спорт») и метафорическое словосочетание «представление, шоу» (作秀) (сфера-источник «Театр») репрезентируют санкционную политику США как ограничительные действия, которые не смогут причинить большого вреда российской экономике. Зооморфная метафора «вшей слишком много, чтобы чесаться» («虱多不痒») описывает санкции США как одну из многочисленных проблем России, к которым страна привыкла и которые значительно не повлияют на ее экономическую ситуацию. Милитарная метафора «боевой народ» (战斗民族), концептуализирующая Россию, используется с физиологической метафорой «есть» (吃), создавая образ сильной и умной страны, которая не станет «подыгрывать» в «шоу», устроенном США для своих сателлитов, а будет отстаивать свою позицию в этом политическом противостоянии – «сражаться до конца» (奉陪到底). Таким образом, метафоры моделируют «светлое» будущее России в контексте проводимой США санкционной политики, которая сможет выдержать натиск санкций и в случае столкновения интересов двух стран будет отстаивать свою точку зрения.

Фрейм «Ранение, выздоровление или смерть» находится на четвертом месте в американском дискурсе (5%) при репрезентации будущего России и на третьем месте в китайском дискурсе (9%):

(76) Considering that **ethnic cleansing**, on an unprecedented scale, would quickly follow a Russian victory, surrender would be suicide. (*Учитывая, что за победой России тут же последует этническая чистка беспрецедентного масштаба, капитуляция была бы самоубийством*).

Физиологическая метафора «самоубийство» (suicide) формирует образ безжалостной к побежденным странам России, негативность метафоры преумножается за счет военной метафоры «этническая чистка» (ethnic cleansing), в котором профилируется изгнание этнических групп с соответствующей территории. Таким образом, метафорически Россия предстает как безжалостная страна, которая намерена проводить жестокую политику в отношении своих соседей.

В этом фрейме для дискурса КНР также типичны негативно окрашенные метафоры при описании будущего России в условиях антироссийских санкций США:

(77) 美国没有百分之百的把握，在自己不受到伤害的情况下来肢解俄罗斯；俄罗斯同样也没有把握自己能打败美国！（Соединенные Штаты на 100% не уверены, что они смогут «расчлени́ть» Россию без вреда для себя; Россия также не уверена, что она сможет «победить» Соединенные Штаты!).

Метафора «четвертовать, расчленять» (肢解) профилирует образ цели, которую США планируют достичь, проводя санкционную политику: распад России. Метафорическая единица «наносить поражение, разбивать» (打败) используется автором для передачи сомнения в способности России под гнетом санкций нанести урон экономическому положению США. Так, метафоры продуцируют «мрачное» будущее России в условиях санкций США – намерение Америки, несмотря на свои потери, привести страну к ее распаду, и отсутствие возможности для России добиться успеха в этом противостоянии с США.

(78) 美国制裁俄罗斯对美国经济产生的损失和影响太小，可以忽略不计，这是美国敢对俄罗斯痛下杀手，无所顾忌的原因。（Потери и последствия санкций США в отношении России для их экономики слишком малы и незначительны. Именно по этой причине они готовы нанести России смертельный удар (безжалостно убить – досл.), не испытывая при этом никаких угрызений совести).

Метафорическое словосочетание «безжалостно убить» (痛下杀手), состоящее из компонентов «больно» (痛), «глагольный суффикс» (下) и «убийца» (

杀手), реализует прогностический смысл о возможном жестоком плане, к которому готовы прибегнуть Соединенные Штаты, чтобы разрушить экономику России. Метафора прогнозирует «мрачное» будущее России в условиях санкционной политики США против нее – намерение Америки нанести удар сокрушительной силы по российской экономике.

Специфичным фреймом в дискурсе США при моделировании будущего России является фрейм «Воинские символы и атрибуты» (5%):

(79) If Russia feels strong and the West looks weak, then Russian **boots** are going to keep on marching. (*Если Россия чувствует себя сильной, а Запад выглядит слабым, то русские «сапоги» продолжат маршировать*).

В приведенном контексте метафора «сапоги» (boots) проецирует образ сильной в военном плане России, которая продолжит проводить политику, необходимую стране.

Специфичным фреймом этой модели в дискурсе КНР при описании будущего России является фрейм «Организация военной службы» (слот «воинские подразделения») (8%):

(80) 美国本想借着制裁来压制俄罗斯，没想到俄罗斯却想在美元地位上进行反攻，即便不成功，也能影响美元的国际货币地位，可能将让美国陷入赔了夫人又折兵的局面，把自己陷入一个更加不利的地位。(*Соединенные Штаты хотели использовать санкции для подавления России, но неожиданно Россия захотела контратаковать статус доллара США. Даже если бы это было безуспешно, то могло бы повлиять на статус доллара США как международной валюты, что может поставить США в ситуацию, когда они понесут двойной ущерб (потеряют свою жену и свои войска – досл.), и окажутся в еще более неблагоприятном положении*).

Метафорическое выражение «терять свою жену и свои войска» (赔了夫人又折兵) означает стремление воспользоваться удобным случаем, но при этом не достичь желаемого и понести потери [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]. Так, метафора, описывая потери, которые понесут США в

результате контрдействий России в ответ на санкции, моделирует «светлое» будущее для страны, поскольку она сможет противостоять натиску санкций.

В метафорической модели «Будущее России – это война» в обоих дискурсах преобладают негативно окрашенные метафоры (67%), зафиксированные во фреймах «Военные действия и вооружение» (КНР), «Война и ее разновидности» (США), «Ранение, выздоровление или смерть» (США, КНР). Метафоры профилируют образ экономической взаимозависимости России и США на мировой арене, при этом нанесение ущерба одной из сторон повлечет за собой причинение вреда обеим. Метафоры с негативным оценочным потенциалом продуцируют образы военного столкновения стран ООН и России, распада РФ, жестокого отношения страны к соседним государствам. Более того, отрицательно нагруженные метафоры транслируют намерение стран Запада привести Россию к экономической депрессии, к занятию страной слабой позиции относительно стран Запада. Положительно окрашенные метафоры (33%) отмечены во фреймах «Военные действия и вооружение» (США), «Война и ее разновидности» (КНР). Примечательно, что в специфичных фреймах «Воинские символы и атрибуты», «Организация военной службы» положительно нагруженные метафоры зафиксированы в каждом дискурсе. Метафоры профилируют образ сильной России, способной выстоять натиск санкций, преодолеть их последствия и продолжить свое развитие как в экономическом плане, так и в военном, возможность занять необходимое ей положение на геополитической арене.

Милитарная метафора частотна при моделировании будущего России в дискурсах США и КНР (5,3 % и 10,4% соответственно). Это может объясняться несколькими причинами. Во-первых, военные конфликты происходили в обеих странах, в связи с этим военный опыт накладывает отпечаток на множество сфер жизни общества каждой страны, поэтому санкции США в отношении России рассматриваются как элемент войны. Во-вторых, в последнее время особую популярность приобретают многопользовательские онлайн-боевые видеоигры (о чем свидетельствует пример (77)), специфика которых связана со сражением: игрок в бою, защищая свою базу, сражается с игроком из противоположной команды, при

этом каждый герой обладает уникальными способностями. Так, Россия и США как два героя, имеющие свои сильные стороны «сражаются» друг с другом.

3.5 Криминальная метафора

Метафорическая модель «Будущее России – это преступность» находится на седьмом месте по шкале частотности в американском дискурсе и в китайском дискурсе (5% и 6,3% соответственно). В структуре модели представлены общие фреймы: «Преступники и их специализация», «Преступные сообщества и их структура». Специфичным фреймом для дискурса США выступает фрейм «Жертвы преступников и иные не относящиеся к преступному сообществу граждане». Специфичными для дискурса КНР являются фреймы «Быт “братвы” и ее профессиональная деятельность» и «Полиция и охрана» (Рис. 9). К этой модели относятся следующие метафорические единицы: «mafia» (мафия), «murder» (убить), «rob» (ограбить), «band» (банда), «thug» (головорез), «victim» (жертва), «thieve» (вор); «肢解» (четвертовать), «斩» (обезглавливать), «杀绝» (истребить), «杀» (убить), «一帮» (шайка), «老大» (главарь банды), «流氓» (хулиган), «强盗» (грабитель) и др.

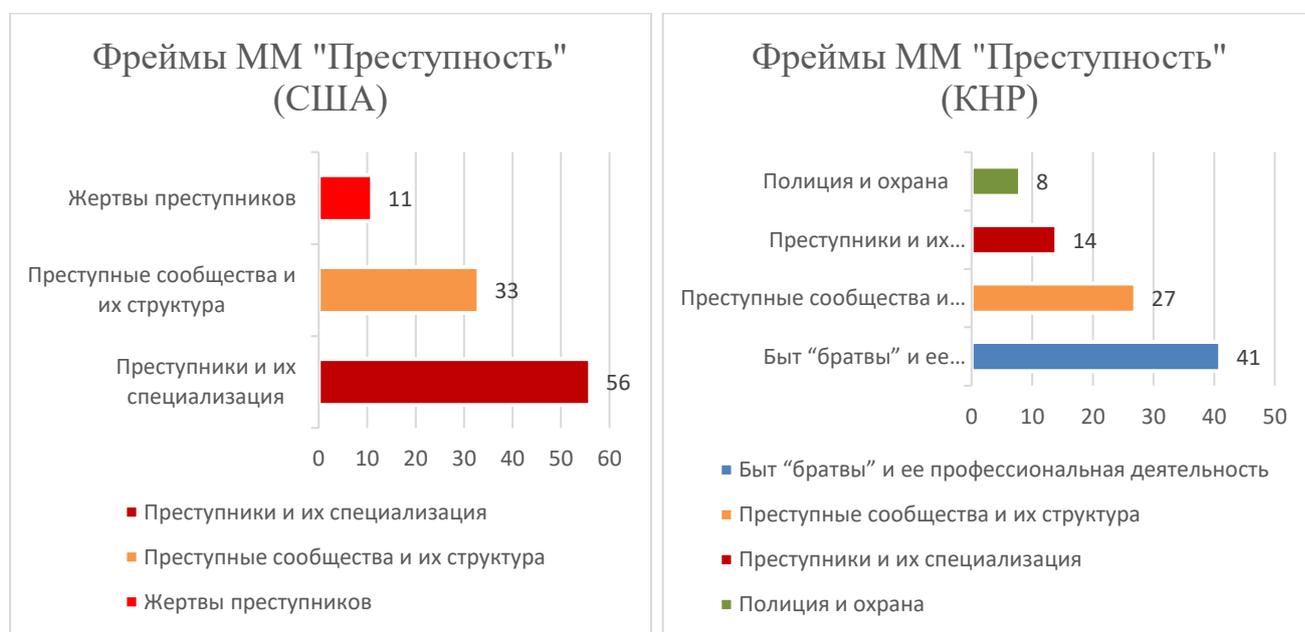

Рис. 9. Фреймы ММ «Преступность» (США и КНР)

Фрейм «Преступники и их специализация» является самым частотным в дискурсе США при моделировании будущего России (56%):

(81) Russia is in fact losing its unilateral war against Ukrainia, and on the side showing an amazing military and logistics incompetence, so Putin will “do” nothing, he will be “**done to**”, probably poisoned, or getting a bullet in the head from an allegedly suicide, in any case he will disappear, followed by his fellow Moscow **thieves** and **thugs**. Let’s hope they will be substituted by people and not another pack of Russian animals. *(Россия фактически проигрывает свою одностороннюю войну против Украины, и со своей стороны демонстрирует удивительную военную и логистическую некомпетентность, поэтому Путин ничего не “сделает”, с ним “покончат”, вероятно, отравят или он получит пулю в голову от якобы самоубийцы, в любом случае он исчезнет, а за ним последуют его собратья: московские **воры** и **головорезы**. Будем надеяться, что их заменят люди, а не очередная стая русских животных).*

Криминальная метафора «будет покончено» (will be done to) профилирует образ вероятной смертельной опасности для российского президента, судьбу которого разделят его последователи: «воры» (thieves) и «головорезы» (thugs). Негативная оценочность метафоры усиливается с помощью последующего метафорического словосочетания «стая русских животных» (pack of Russian animals) (сфера-источник «Мир животных»), которое также применяется для репрезентации правительства страны. Таким образом, метафоры, изображая образ криминального российского правительства, поступки и политика которого напоминают повадки стаи животных, профилируют будущую опасность для российского президента, оппоненты которого попытаются его ликвидировать.

В этом фрейме доминируют метафоры с негативным оценочным потенциалом при моделировании будущего России на мировой арене:

(82) Russia will never be held in esteem ever again. Whatever the outcome they will remain a pariah nation – uncivilized **thugs**. *(Россия никогда больше не будет пользоваться уважением. Каким бы ни был исход, русские останутся нацией-изгоем – нецивилизованными **головорезами**).*

Социальная метафора «изгой» (pariah) продуцирует образ как настоящего правительства России, так и его будущего. Метафорически Россия предстает в виде

страны, которую отвергнет мировое общество, исключит из своего круга, так как образ страны описывается с помощью криминальной метафоры «головорезы» (thugs), репрезентирующей страну как банду убийц и хулиганов. Метафоры моделируют «мрачное» будущее России: она находится в полной изоляции, поскольку другие страны, опасаясь ее, избегают с ней каких-либо отношений.

В дискурсе США частотны негативно нагруженные метафоры, моделирующие будущее России на мировой арене в условиях санкционной политики США:

(83) The invasion of Ukraine only makes sense if Russians deserve to subjugate their neighbors again, because from Ukraine Russians can reach Romania, Slovakia, Hungary and Poland, some of the nations Putin is willing to **murder** entire Ukrainian families for. (*Вторжение в Украину имеет смысл только в том случае, если русские заслуживают того, чтобы снова поработить своих соседей, потому что из Украины русские могут добраться до Румынии, Словакии, Венгрии и Польши, тех стран, ради которых Путин готов убивать целые украинские семьи*).

Метафора «подчинять, поработать» (subjugate) моделирует образ монархического строя в России и желание «царя» покорить своих соседей с целью их присоединения к своей империи. Криминальная метафора «убивать» (murder) репрезентирует политические намерения российского президента – истребить мирное население Украины, чтобы добиться объединения стран-соседей. Метафоры профилируют образ жестокой России, готовой убивать все и всех на своем пути, чтобы вернуть былую славу и власть.

В дискурсе КНР фрейм «Преступники и их специализация» (14%) менее частотен при отображении будущего России в российско-американских отношениях:

(84) 像俄罗斯这种流氓，坏事做尽，在俄罗斯周边的国家，没有一个没有被俄罗斯侵略过的，俄罗斯这种流氓就要狠狠的制裁。（*Такие негодяи, как Россия, совершали всевозможные дурные дела. В странах вокруг России нет никого, кто не подвергся бы ее вторжению. Россия, этот негодяй, будет сурово наказан (ввести санкции – досл.)*).

В иллюстрируемом контексте метафора «негодяй, хулиган» (流氓) рисует образ России как страны-захватчика, которая не раз нападала на другие страны, в связи с этим, по мнению автора, заслуживает справедливого наказания – введения санкций (制裁). Метафоры моделируют «мрачное» будущее России, в отношении которой должны быть введены ограничительные меры как наказание за политические действия.

Метафора «грабитель» (强盗) также частотна при концептуализации будущего России в условиях санкционной политики США:

(85) 克里米亚是典型例子。那是武力抢夺一个主权国家的土地。谁没有正确的认识, 谁不愿意这种事发生在自己身上, 为了消除强盗行径, 都会秉持正义参与制裁。*(Крым – типичный пример того, как захватить силой землю суверенной страны. Тот, у кого нет правильного понимания, и кто не хочет, чтобы это произошло с ним самим (на своем теле – досл.), будет отстаивать справедливость и участвовать в санкциях, чтобы воспрепятствовать действию грабителей).*

В данном примере криминальная метафора «грабитель» (强盗) концептуализирует Россию, которая захватывает земли силой, что, по мнению автора, является неприемлемым и несправедливым. Автор призывает несогласных с действиями страны-разбойника поддержать санкции, используя физиологическую метафору «тело» (身).

Фрейм «Преступные сообщества и их структура» находится на втором месте по шкале частотности в дискурсах США и КНР (33% и 27% соответственно) при репрезентации будущего России на мировой арене:

(86) Today, President Vladimir Putin, leader of the Russian Federation is making an all out attempt to reunite the Soviet “**band**”. *(Сегодня президент Владимир Путин, лидер Российской Федерации, предпринимает все возможные попытки, чтобы воссоединить советскую “банду”).*

В (86) образ СССР осмысляется автором сквозь призму криминальной метафоры «банда, шайка» (band), воссоединение которой является целью

российского президента В.В. Путина. Таким образом, Россию ожидает «мрачное» будущее: страна состоит из республик-разбойников.

В дискурсе КНР превалируют негативно окрашенные метафоры, в которых происходит смещение акцентов и образов: США предстают в роли преступника, а Россия – в качестве жертвы:

(87) **流氓**美国制裁的国家又何止俄罗斯一个，只要一有实力能危险到美国霸权的国家都会难逃此厄运。*(Россия – не единственная страна, подвергшаяся санкциям со стороны Соединенных Штатов-хулиганов. До тех пор, пока у нее есть силы, чтобы угрожать американской гегемонии, она будет обречена (не избежать злого рока – досл.)).*

Криминальная метафора «хулиган, негодяй» (流氓) концептуализирует США, которые вводят санкции на свое усмотрение, ведут политику, разнящуюся с интересами многих государств. Метафора в контекстуальном окружении профилирует опасность для России со стороны США-хулиганов, которые ее опасаются и по причине этого стремятся к ее ликвидации.

Фрейм «Жертвы преступников и иные не относящиеся к преступному сообществу граждане» (11%) является специфичным фреймом американского дискурса при репрезентации будущего России в условиях антироссийских санкций:

(88) Although Russia makes a lot of money of oil and gas, it makes pretty much nothing else. It is so corrupt that money goes to the people after the politicians get their cut. They can sort of do this when the price of oil is high, but when it is low, and keeps going lower, they can no longer support this corruption. Thieves won't stop stealing just because their **victims** are broke. They will start blaming each other. Putin has to show he's a tough guy to keep the other thieves in line. *(Хотя Россия зарабатывает много денег на нефти и газе, больше она практически ничем не зарабатывает. Она настолько коррумпирована, что деньги достаются людям после того, как политики получают свой откат. Они могут делать это, когда цена на нефть высока, но когда она низкая и продолжает снижаться, они больше не могут поддерживать эту коррумпированную схему. Воры не перестанут воровать*

только потому, что их жертвы разорены. Они начнут обвинять друг друга. Путин должен показать, что он крутой парень, чтобы держать других ворах в узде).

В приведенном контексте представлена развернутая криминальная метафора: правительство РФ моделируется как преступный коррумпированный мир, в котором президент предстает вором в законе, а политики являются ворами (thieves), на постоянной основе получающими откаты (get their cut), жертвами (victims) – жители страны. Негативность контекста усиливается описанием будущего страны, в котором криминальное правительство будет продолжать грабить обнищавшее население. Метафоры моделируют образ будущего России в темных тонах: разорение населения политиками под руководством российского президента, несмотря на тяжелую ситуацию в стране.

Фрейм «Быт “братвы” и ее профессиональная деятельность» является наиболее частотным и специфичным фреймом для дискурса КНР при моделировании будущего России (41%):

(89) 美国要保证在欧洲的霸权和全球霸权的绝对安全，这是美国的国家战略，俄美是全面的博弈和对抗，俄罗斯在和美国的地缘政治博弈对抗中是处于被动防守态势，俄罗斯在欧洲没有朋友，现在的欧洲已经完全是美国的势力范围了，欧洲国家要和美国一起再次肢解俄罗斯。(Соединенные Штаты должны обеспечить абсолютную безопасность своей гегемонии в Европе и во всем мире – это их национальная стратегия. Отношения России и США – это и игра, и противостояние. Россия находится в пассивной оборонительной позиции в этой геополитической игре. У России нет друзей в Европе. Сейчас Европа полностью находится в сфере влияния Соединенных Штатов. Европейские страны вместе с США должны снова «расчлениить» Россию).

В данном примере противостояние России и Соединенных Штатов описывается игровой метафорой – «игра» (博弈). Их отношения представляются игрой на геополитической арене («геополитическая игра» (地缘政治博弈)), в которой Россия занимает слабую позицию; тем не менее США рассматривают ее

как сильного противника, который считается большой угрозой, и поэтому им необходимо объединиться с Европой и победить соперника, а именно привести его к распаду – «расчленил» (肢解) его. Автор комментария проводит параллель между прекращением существования СССР и вероятным распадом России; примечательно, что автор и в первом случае причиной прекращения существования Советского Союза считает политику стран Запада в отношении государства. Метафоры моделируют «мрачное» будущее России, в котором присутствует постоянное соперничество со странами Запада, стремящимися ослабить ее и, в конечном итоге, привести к разрушению.

Наименее частотным и специфичным фреймом в дискурсе КНР при репрезентации будущего России является фрейм «Полиция и охрана» (8%):

(90) 俄罗斯在美国刚刚宣布对俄制裁时，曾声称将对美国实施猛烈的经济报复。*(Когда Соединенные Штаты только объявили о санкциях против России, она заявила, что предпримет жесткие ответные экономические меры (экономическое возмездие – досл.) против Соединенных Штатов).*

В приведенном контексте метафорическое словосочетание «экономическое возмездие» (经济报复), состоящее из двух лексем: «экономика» (经济) и «возмездие» (报复), используемое с прилагательным «сильный, ожесточённый» (猛烈), характеризует санкции США как некое зло, преступление, которое должно быть сурово наказано. При этом Россия предстает Немезидой, которая свершит это правосудие. Метафоры профилируют образ сильной России, которая сможет ввести ответные меры в отношении США, способные нести разрушительный характер для экономики Соединенных Штатов.

В рамках криминальной метафорики доминируют негативно окрашенные единицы, зафиксированные во фреймах: «Преступники и их специализация», «Преступные сообщества и их структура», «Жертвы преступников и иные не относящиеся к преступному сообществу граждане», «Быт “братвы” и ее профессиональная деятельность», при описании будущего России на мировой арене моделируют образ «бандитской» России, стремящейся к объединению стран

бывшего СССР и полному подчинению своих соседей. Вследствие этого страны Запада, вероятнее всего, предпримут попытку ликвидировать «главаря банды», будут пытаться ограничить ее влияние с целью ухудшения экономического положения страны для того, чтобы привести Россию к распаду. Более того, продуцируются смыслы «уничтожения» страны «изнутри»: государство будет стремиться к собственному обогащению за счет населения, что может привести к серьезному экономическому кризису. Положительно нагруженные метафоры, используемые во фрейме «Полиция и охрана», продуцируют образ сильной России, которая будет способна противостоять санкциям стран Запада и воздействовать на их политику.

Криминальная метафора активно используется в дискурсе США при моделировании будущего России и несет негативную оценку действительности, создавая образ преступного сообщества, в котором всем «заправляет» коррумпированный президент, заботящийся только о собственном обогащении, игнорирующий потребности своего народа. В дискурсе КНР происходит полярное смещение акцентов: в российско-американских отношениях Россия предстает в виде жертвы, а США – в качестве преступника. Это может быть связано с тем, что Россия для Китая является ближайшим соседом и союзником, важным геополитическим партнером, поставщиком военных технологий и сырьевых ресурсов, поэтому Китай поддерживает страну в этом противостоянии, репрезентируя США как бандита, а Россию – как жертву его насилия.

3.6 Монархическая метафора

Метафорическая модель «Будущее России – это монархия» находится на восьмом месте на шкале частотности в дискурсах США и КНР при концептуализации будущего России (5% и 4,3% соответственно). В модели выделен общий фрейм: «Титул монарха». Специфичными фреймами в дискурсе США выступают «Низшее сословие» и «Церемония и атрибуты монарха» (Рис. 10). В эту модель включены следующие метафорические единицы: «despot» (деспот), «Tzar, Czar» (царь), «slave» (раб), «king» (король), «empire» (империя), «emperor»

(император); «大帝» (великий государь), «美帝» (американский император), «附庸» (вассал), «沙皇» (царь), «王» (король), «朝野» (императорский двор и народ) и др.

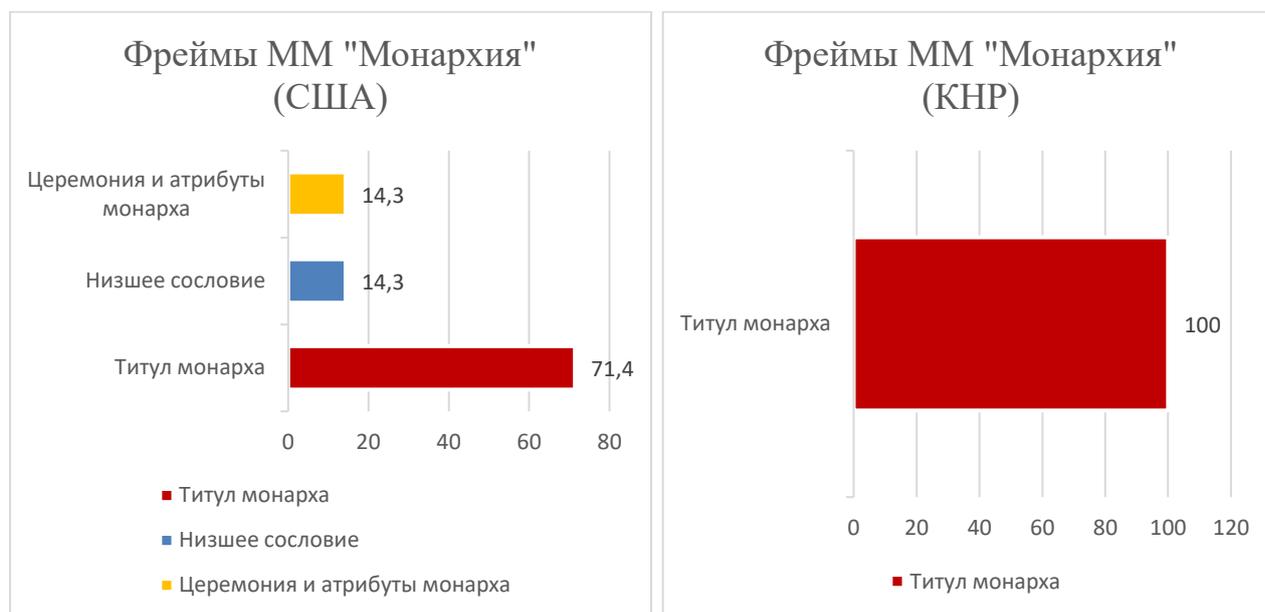

Рис. 10. Фреймы ММ «Монархия» (США и КНР)

Фрейм «Титул монарха» является доминантным в дискурсе США (71,4%) и единственным – в дискурсе Китая:

(91) Vladimir Putin seeks to become **Tsar Vladimir I, Tsar of ALL THE RUSSIAS**. What are “all the Russias?” The Russian Federation (Great Russia), Ukraine (Little Russia) and Belarus (White Russia). Putin wants to be the successor to the Romanov Dynasty. His ultimate goal is to reincorporate both Ukraine and Belarus back into **the Russian Empire**. (*Владимир Путин стремится стать **царем Владимиром I, царем ВСЕЯ РУСИ**. Что такое “вся Русь”? Российская Федерация (Великая Россия), Украина (Малороссия) и Беларусь (Белая Русь). Путин хочет быть преемником династии Романовых. Его конечная цель – вернуть Украину и Белоруссию в состав **Российской империи**.*)

В примере (91) метафора «Российская империя» (the Russian Empire) концептуализирует Россию, а метафора «царь» (Tsar) профилирует образ российского президента В. В. Путина, который, по мнению автора, стремится стать царем Владимиром I (Tsar Vladimir I), царем ВСЕЯ РУСИ (Tsar of ALL THE RUSSIAS), при этом автор использует графическое выделение, акцентируя, что вся Русь состоит из нескольких стран, а именно России, Украины, Беларуси, которые

президент стремится объединить для создания новой Российской империи. Таким образом, монархическая метафора моделирует «мрачное» будущее России во главе с правителем, имеющим имперские амбиции, агрессивные намерения и неправильное политическое поведение которого могут неоднозначно повлиять на страну.

Метафора «царь» довольно частотна (34%) в дискурсе США при репрезентации будущего России:

(92) Considering Resource prices aren't really dropping below budget levels, Russia will continue to exist for decades, replacing one token **Tzar-President** with another. (*Учитывая, что цены на ресурсы на самом деле не опускаются ниже уровня бюджета, Россия будет продолжать существовать десятилетиями, заменяя одного символического Царя-Президента другим*).

Метафора «царь» (Tzar), употребленная вместе с лексемой «президент» (President), репрезентирует будущее России в темных тонах: в государстве, в котором господствует наследственный порядок замещения верховной власти, во главе стоит правитель, наделенный неограниченной властью.

В дискурсе КНР фрейм «Титул монарха» является частотным и единственным при моделировании будущего России в условиях украинского кризиса:

(93) «俄罗斯要是想沦为二流强国也就罢了，如果想再次崛起，不一定要达到苏联的状态，如果达到沙皇俄国的状态，吞并克里米亚以及乌克兰都是必须的，而克里米亚的优先级远高于乌克兰。*(Если Россия хочет стать второсортной державой, то дело уже сделано. Если она хочет снова подняться, необязательно до статуса Советского Союза, но хотя бы до статуса царской России, ей необходимо присоединение Крыма и Украины, при этом, Крым – в большем приоритете)*» [Солопова, Будаев, Бойко, 2020, с. 103].

При репрезентации будущего России в этом фрейме наиболее частотны монархические метафоры с положительным прагматическим потенциалом:

(94) «短期看俄国要想重回沙俄时代成为列强之一就必须整合白俄罗斯和乌克兰。(В краткосрочной перспективе Россия должна будет интегрировать Беларусь и Украину, чтобы вернуть статус царской России как одна из великих держав)» [Там же, с. 103].

«Монархические метафоры моделируют вероятные действия России и пути ее развития, которые соответствуют намеченной цели – вернуть статус сверхдержавы, что авторы комментариев связывают с имперскими амбициями государства. Территория Российской империи была огромна, она включала ряд самостоятельных ныне стран. Тем не менее, поскольку официально Китай является страной победившего социализма, которой правит коммунистическая партия, достижение статуса Советского Союза, как одна из альтернатив развития России, в глазах китайцев является приоритетной, но недостижимой целью в современных условиях. В лучшем случае она сможет вернуть себе положение, равноценное тому, которое занимала Российская империя на геополитической арене, но это на шкале приоритетов – лишь второе место» [Там же].

Фрейм «Низшее сословие» (14,3%) является специфичным фреймом дискурса США при описании будущего России во время антироссийской санкционной политики:

(95) Why won't Western sanctions make Putin change his strategy? Because he's a petty dictator who would rather see his **peasants** starve than give in to the country he hates most, the US. That's the bottom line. (Почему западные санкции не заставят Путина изменить свою стратегию? Потому что он мелкий диктатор, который предпочел бы видеть, как его **крестьяне** голодают, чем «сдаться» стране, которую он ненавидит больше всего – США. Вот в чем суть).

Метафора «крестьяне» (peasants) репрезентирует народ России как представителей низшего сословия, которыми управляет помещик-президент, а само государство – как Российское царство. Метафорически президент России предстает как жесткий правитель, который не заботится о благосостоянии своего народа, а намерен проводить политику, которая ведет к разрушению экономики

страны. Метафоры репрезентируют будущее России в темных тонах, в котором граждане страны страдают от голода и президента, который не желает искать компромисса с оппонентом в период антироссийских санкций в тяжелое для страны время.

В специфичном для дискурса США фрейме «Церемония и атрибуты монарха» (14,3%) также преобладают негативно нагруженные метафоры, профилирующие мрачные образы будущего:

(96) So at the end of the day, even if Uncle Vladimir would be gone tomorrow, the guy, that will follow him on the (basically) **throne**, is likely to be as bad, or even worse. *(Так что, в конце концов, даже если Дядя Владимир завтра уйдет, парень, который унаследует (по сути) **трон**, скорее всего, будет таким же плохим или даже хуже).*

Метафора «трон» (throne), концептуализирующая пост президента РФ, описывает настоящее России, которой правит царь (метафора «Дядя» (Uncle) из сферы-источника «Родства»), и будущее, в котором по закону престолонаследия верховная власть гарантированно перейдет к ставленнику / преемнику нынешнего царя. Метафоры моделируют «мрачное» будущее России, у которой не будет право голоса на выбор президента, поскольку коррумпированное государство самостоятельно «назначит» президента, который продолжит выбранный этим государством путь.

В монархической метафоре в дискурсах США и КНР доминируют негативно окрашенные метафоры, отмеченные во фреймах «Титул монарха», «Низшее сословие» и «Церемония и атрибуты монарха» и профилирующие образ «мрачного» будущего России, в которой страна будет находиться под управлением коррумпированного правительства с имперскими амбициями, самостоятельно назначающего необходимого ему преемника власти. Более того, Россией будет править президент, который не будет заботиться о благосостоянии своего народа и не будет стремиться к обеспечению улучшения жизни населения. Большая структурированность монархической метафоры в дискурсе США при моделировании будущего России связана с тем, что у населения США укоренился

стереотип о России (имперской, советской и постсоветской) как о стране, в которой вся исполнительная, законодательная, судебная и военная власть сосредоточены в руках одного человека.

3.7 Доместическая метафора

Метафора дома при описании будущего России находится на девятом месте по шкале частотности в американском дискурсе и на десятом месте в китайском дискурсе (4,8% и 1,3% соответственно). В структуре модели зафиксирован общий для обоих дискурсов фрейм «Дом и домашняя утварь», а специфичным фреймом для дискурса США выступает фрейм «Соседство» (Рис. 11). В этой модели типичны следующие метафорические единицы: «door» (дверь), «corner» (угол), «shoes» (обувь), «mattress» (матрац); «碗» (чашка), «门» (дверь), «门口» (вход), «门道» (ворота), «后花园» (сад за домом) и др.

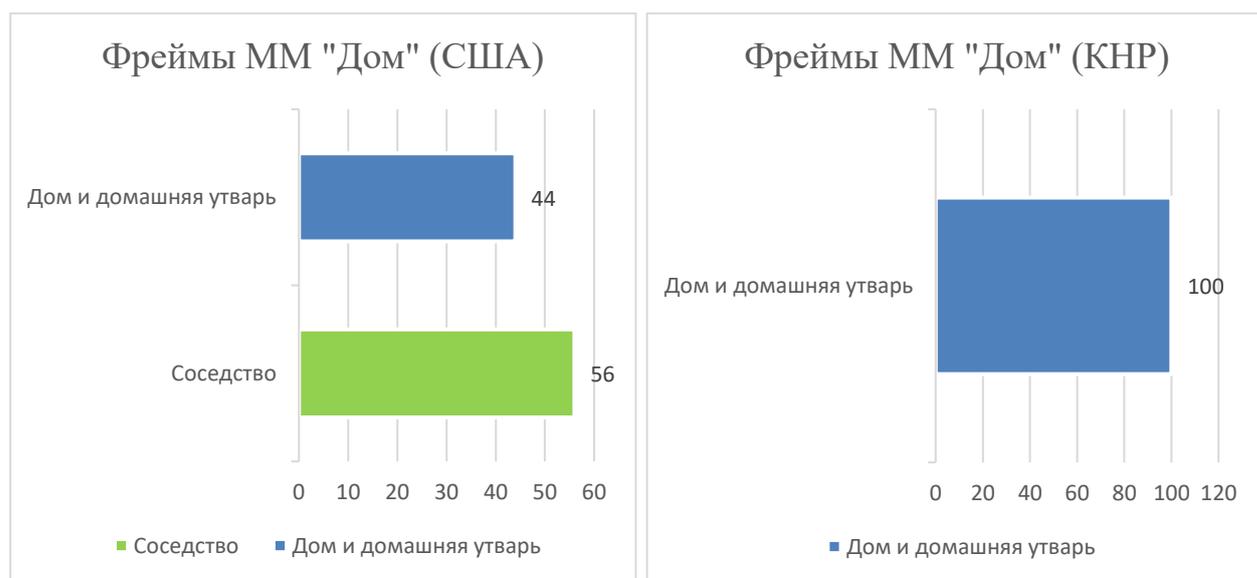

Рис. 11. Фреймы ММ «Дом» (США и КНР)

Фрейм «Дом и домашняя утварь» является единственным фреймом, выделенным в дискурсе КНР (100%), и наименее частотным в дискурсе США (44%) при моделировании будущего России в условиях антироссийских санкций:

(97) Putin has backed himself into a **corner**, it's up to the west to find some way of letting him get out of that **corner**. (*Путин загнал себя в угол, и Запад должен найти какой-то способ позволить ему выбраться из этого угла*).

Первое использование метафоры «corner» (угол) описывает настоящее положение России на политической арене, которая, по мнению автора, оказалась в безвыходном положении, проводя неверную, с точки зрения Запада, политику; повторное употребление метафоры также нацелено на моделирование образа беспомощной России, которая нуждается в поддержке стран Запада, чтобы стабилизировать экономическое положение. Таким образом, метафоры продуцируют «мрачный» образ России, которая неспособна проводить эффективную политику и нуждается в контроле со стороны западных стран.

В дискурсе КНР в этом фрейме также частотны метафоры, профилирующие образы вмешательства Америки и стран Европы в политику России:

(98) 在一个美国盟友多，今天拉这个对付俄罗斯，明天去俄罗斯家门口闹剧，让俄罗斯没办法好好发展。(У США много союзников. Сегодня они используют это против России, а завтра они пойдут к «порогу» России, чтобы устроить фарс, из-за которого Россия не сможет нормально развиваться).

Метафора «вход в дом» (家门口) в ее контекстуальном окружении представляет Россию как дом, на безопасность которого стремятся посягнуть США со своими союзниками, нарушая покой в доме-государстве и вторгаясь в его жизнь. Метафоры профилируют образ будущего России в темных тонах, поскольку США и страны Европы намерены повлиять на экономическое положение страны, чтобы воспрепятствовать ее развитию.

Фрейм «Соседство» является специфичным и доминантным в дискурсе США (56%):

(99) I don't think he'll fire nukes. He may have to commit a good chunk of the Russian military but they'll win eventually. I'm no expert on nuclear fallout but I'd imagine he doesn't want to detonate one **next door**. (Я не думаю, что он использует ядерное оружие. Возможно, ему придется задействовать значительную часть российских военных, но в конце концов они победят. Я не эксперт по радиоактивным осадкам, но я бы предположил, что он не захочет взрывать что-то **по соседству**).

Метафорическое словосочетание «соседний дом/квартира» (next door) концептуализирует Украину как территориально близкого соседа России, политические действия которой могут повлиять на украинский политический курс. Метафора в контекстуальном окружении профилирует образ победы российской стороны в военном столкновении России и Украины, при этом она репрезентирует политическую взаимозависимость двух стран: России и Украины. Поэтому российская сторона будет проводить политику, опираясь на безопасность двух сторон.

Метафорическая модель «Будущее России – это дом» содержит большинство негативно окрашенных метафор, зафиксированных во фрейме «Дом и домашняя утварь», моделирующих образ слабой России, которой необходима помощь Соединенных Штатов для проведения эффективной политики. Более того, метафоры продуцируют образ вероятной опасности для России со стороны стран Запада – их намерение воспрепятствовать процветанию страны и усилению ее положения на геополитической арене. Положительно окрашенные метафоры, зафиксированные в специфичном фрейме «Соседство» (США), репрезентируют образ победы России в российско-украинском военном столкновении. Доместическая метафора, используемая при моделировании будущего России, описывает весь мир как основной элемент инфраструктуры – улицу, а каждую страну на мировой арене как отдельное сооружение – дом. Все страны на этой улице живут по соседству, и поэтому взаимозависимы: действия одного дома могут повлиять на жизнь людей соседних домов.

3.8 Религиозная метафора

Религиозная метафора при описании будущего России располагается на десятом месте по шкале частотности в дискурсе США (4,2%) и на шестнадцатом месте в дискурсе КНР (0,7%). В модели зафиксирован единственный фрейм «Демонология, ангелология и шаманизм», общий для обоих дискурсов, со следующими метафорическими единицами: «saint» (святой), «demon» (демон); «魔鬼» (демон), «妖» (нечистая сила), «巫» (шаман) и др.

В дискурсе США частотны метафоры, репрезентирующие Россию как отступника:

(100) Russia will turn out non tamable **demon** like China has become today. (*Россия превратится в не поддающегося укрощению демона, каким сегодня стал Китай*).

Метафора «демон» (demon) транслирует образ будущей опасности со стороны России в отношении стран Запада. В религии, фольклоре и мифологии демон – это сверхъестественное существо со злыми намерениями или падший ангел, не следующий за Богом [New World Encyclopedia]. Метафорически США предстают как Бог, а Россия и Китай – как сверхъестественные создания, имеющие намерения, разнящиеся с единственным Божественным Существом – Соединенными Штатами. Метафорический контекст отображает Россию в относительно светлом ключе как сверхдержаву, которая решила проводить политику, отличную от интересов США, направленную на усиление ее положения на мировой арене, на достижение влияния, которым обладает на данный момент Китай.

В дискурсе КНР в метафорической модели религии отмечены исключительно негативно окрашенные метафоры, описывающие будущее России:

(101) 无疑这些反制手段对美国及其盟友还是造成了一定影响的, 不过如果要将其与以美国为首的西方国家对俄罗斯的制裁效果相比就是小巫见大巫了—甚至可以大体上忽略不计, 这也是人们往往记住了西方国家对俄罗斯的制裁而忽略俄罗斯的反制原因所在。 (*Нет сомнений в том, что эти контрмеры оказали определенное влияние на Соединенные Штаты и их союзников, но если их сравнить с последствиями западных санкций для России, то это такие пустяки (маленький шаман встретил большого шамана – досл.), что их можно даже не учитывать. Вот почему все часто вспоминают о санкциях западных стран против России и игнорируют контрмеры России*).

Метафорическое словосочетание «маленький шаман встретил большого шамана» (小巫见大巫), означающее превосходство навыков одного специалиста

над навыками другого, что вынуждает слабого специалиста оставить какие-либо попытки добиться успеха в этой области [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»], профилирует смыслы экономически слабой России, неспособной ввести значимые ответные меры на санкции стран Запада.

В метафорической модели «Будущее России – это религия» во фрейме «Демонология, ангелология и шаманизм» зафиксированы разнозаряженные метафорические единицы. Метафоры с относительно положительным прагматическим потенциалом (США) профилируют образ сильной России, которая стремится приобрести независимое от США положение на мировой арене, что вызывает тревогу у авторов комментариев, поскольку США более не смогут контролировать Россию как прежде. Метафоры с негативной оценочностью (КНР) продуцируют образ слабой страны, которая не будет иметь потенциала для введения контрмер, способных нанести какой-либо ущерб американской экономике. Религиозная метафора используется для описания противостояния между Россией и Америкой, сводя ее к базовым этическим понятиям добра и зла, тем самым упрощая всю сложность их отношений для выявления зачинщика разразившегося конфликта и будущего России в этой ситуации.

3.9 Морбиальная метафора

Морбиальная метафора при моделировании образов будущего России в дискурсе США находится на одиннадцатом месте (3,9%), а в дискурсе КНР – на девятом (2,2%). Структура модели включает три общих фрейма: «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства», «Причины и возбудители болезней» и «Диагноз» (Рис. 12), представленные метафорическими единицами «rain» (боль), «painful» (болезненный), «pill» (пилюля), «idiot» (идиот), «cancer» (рак); «病» (болезнь), «脑残» (умственно отсталый), «痛苦» (болезненный), «疯狂» (безумие), «疼» (боль), «痒» (зуд), «感冒» (простудиться), «健康» (здоровье) и др.

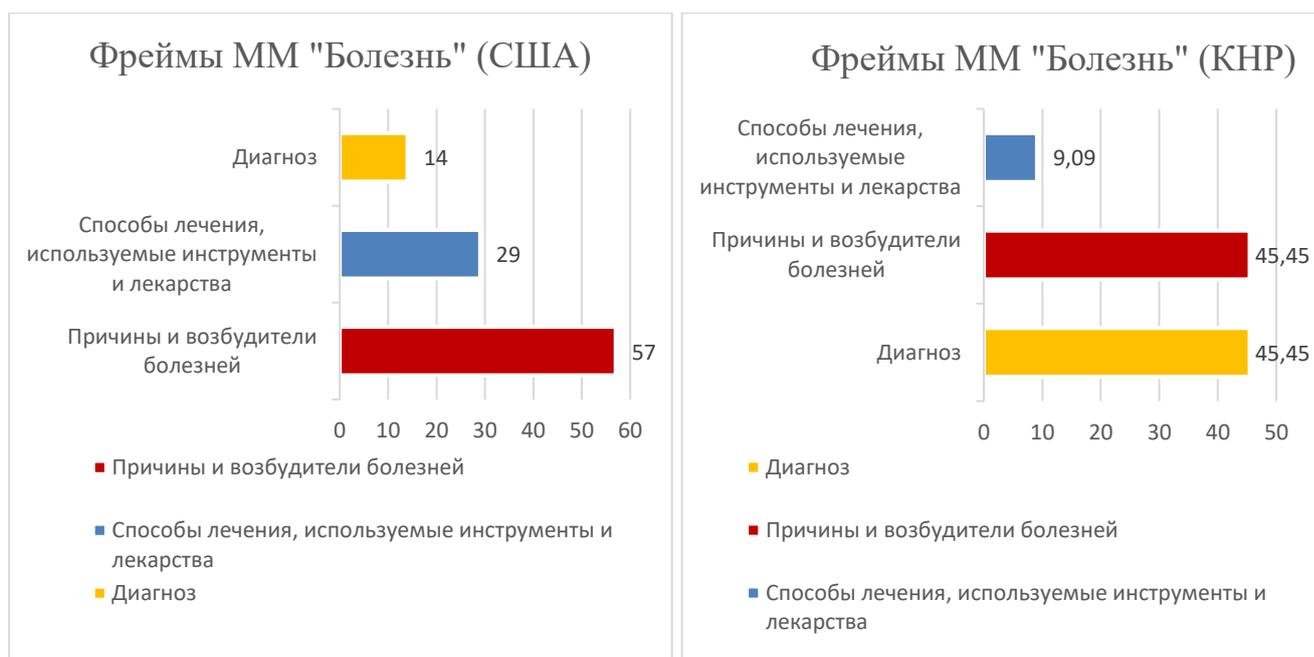

Рис. 12. Фреймы ММ «Болезнь» (США и КНР)

Фрейм «Причины и возбудители болезней» является наиболее частотным в дискурсе США и находится на втором месте по шкале частотности в дискурсе КНР при репрезентации образа будущего России (57% и 45,45% соответственно):

(102) If changes come earlier than predicted and Russian economy doesn't have time to adjust, it will be very **painful** for Russians. (*Если изменения произойдут раньше, чем прогнозировалось, и российская экономика не успеет адаптироваться, то это будет очень болезненно для россиян*).

Метафора «болезненный» (painful) прогнозирует перемены в уровне жизни населения России, которые могут оказаться резкими и в значительной степени повлиять на жизнь россиян и ухудшить ее. Так, метафора профилирует смыслы «мрачного» будущего России: экономика страны столкнется с кризисом, и последствия этого упадка негативно отразятся на ее жителях.

В дискурсе КНР активно употребляются метафоры с негативным потенциалом:

(103) 这是因为美国的经济体量比俄罗斯大的多的多, 美国制裁俄罗斯, 俄罗斯就会明显的能感觉到难受, 但要是俄罗斯制裁美国, 美国就感觉不疼不痒的, 因为对美国来说, 俄罗斯的那点市场份额, 小到可以忽略不计。 (*Это происходит потому, что экономика Соединенных Штатов намного сильнее*

*российской. Если Соединенные Штаты введут санкции против России, то Россия, очевидно, почувствует себя некомфортно; но, если Россия введет санкции против Соединенных Штатов, Соединенные Штаты **ничего не почувствуют** (не болит и не чешется – досл.), потому что в Соединенных Штатах доля российского рынка ничтожно мала).*

Метафорическое словосочетание «не болит и не чешется» (不疼不痒), обозначая отсутствие дискомфорта, причиненным чем-либо / кем-либо [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»], указывает на отсутствие ресурсов и возможностей у России для введения ответных контрмер. Тем самым профилируется образ беспомощной России в будущем, занимающей слабую позицию на мировой арене.

Фрейм «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства» при актуализации образа будущего России занимает второе место по шкале частотности в дискурсе США и последнее место – в дискурсе КНР (29% и 9,09% соответственно).

В американском дискурсе, отвечая на вопрос «What do you think of Trump saying on 2/22/22 that a Russian invasion of Ukraine wouldn't have happened if he was president, "I know Putin very well"?» (Что вы думаете о том, что Трамп сказал 22/2/22, что российского вторжения в Украину не произошло бы, если бы он был президентом: «Я очень хорошо знаю Путина?»), автор комментария использует следующую метафору:

(104) There was no point in Putin making moves while Trump was doing it for him. That's why Russia is acting now. It is because Putin wrongly assessed that NATO was too divided after Trump's reign to put up a unified front, and he was hoping Trump's **poison pill** would continue to weaken it while Biden was in office. (Путину не было никакого смысла предпринимать какие-либо шаги, пока Трамп делал это за него. Вот почему Россия действует сейчас. Это потому, что Путин ошибочно счел, что блок НАТО слишком разделен после правления Трампа, чтобы выступить единым фронтом, и он надеялся, что «ядовитая пилюля» Трампа продолжит ослаблять его, пока Байден находится у власти).

Метафорическое словосочетание «ядовитая пилюля» (poison pill) обозначает стратегию защиты в финансовой сфере, распространенной в корпоративном мире для предотвращения враждебного поглощения. Стратегия состоит в том, что целевая компания, чтобы избежать враждебного поглощения или замедлить его, делает себя непривлекательной и достаточно дорогостоящей для приобретающей компании [efinancemanagement.com]. Метафорическое выражение продуцирует образ ослабленной после правления Д. Трампа НАТО, которая в будущем помогала бы России своим невмешательством в проведение выбранного курса, поскольку была бы занята восстановлением ущерба, нанесенного правлением бывшего американского президента; выражение, взятое в кавычки, репрезентирует обратный смысл словосочетания – усиление НАТО во время правления президента Дж. Байдена. Таким образом, метафора профилирует образ будущего России в темных тонах: вероятное расширение НАТО и вмешательство в политическую жизнь России, что представляет угрозу национальной безопасности последней.

В китайском дискурсе также частотны метафоры, моделирующие «мрачное» будущее России:

(105) 俄罗斯唯一的办法就是逐渐平衡并缓和与欧盟的关系，恢复经济，再慢慢与美国修好，最后才能**健康**发展。(Единственный способ для России – постепенно сбалансировать и наладить свои отношения с Европейским Союзом, восстановить свою экономику, а затем медленно улучшить свои отношения с Соединенными Штатами, чтобы в конце концов она могла развиваться **здоровым образом**).

Метафора «здоровье» (健康) концептуализирует Россию как единый организм, которому необходимо выполнить ряд рекомендаций, таких, как улучшение отношений со странами Запада, стабилизация экономики, чтобы обеспечить устойчивое развитие страны. Метафорическая единица репрезентирует «мрачное» будущее России – развитие страны в условиях, определенных США и странами Европы.

Фрейм «Диагноз» является наименее частотным в дискурсе США при описании будущего России (14%) и ведущим фреймом в дискурсе КНР (45,45%):

(106) We now realize that no sanctions, however harsh, will deter a dictator obsessed with making the USSR – er, Russia – great again, by subjugating every single country that had been a puppet state under Josef Stalin and his successors, and by actively trying to degrade every democracy in the West, lest Russia’s people realize what a **cancer** is in the Kremlin and mount a Ukraine-style Orange Revolution in Russia. *(Теперь мы понимаем, что никакие санкции, какими бы жесткими они ни были, не остановят диктатора, одержимого идеей сделать СССР — э-э, Россию – снова великой, подчинив себе каждую страну, которая была марионеточным государством при Иосифе Сталине и его преемниках, и активно пытаюсь опозорить каждое демократическое государство на Западе, если только народ России не поймет, что за «раковая опухоль» находится в Кремле, и не устроит в России Оранжевую революцию, как на Украине).*

В иллюстративном контексте (106) задействованы метафоры из различных сфер-источников: «Монархия», «Театр» и «Болезнь». Монархическая метафора «диктатор» (dictator) концептуализирует президента РФ как политического лидера, обладающего абсолютной властью и жаждущего возродить СССР. С помощью театральной метафоры «марионетка» (puppet), описывающей политическую структуру входивших в состав СССР государств, автор комментария вызывает отрицательные ассоциации, связанные с советской эпохой, репрезентируя государственный аппарат как театр марионеток, в котором кукловодами были государственные секретари Советского Союза. Морбиальная метафора «рак, раковая опухоль» (cancer) умножает негативную оценочность предыдущих метафор, репрезентируя настоящий государственный аппарат России как опухоль, от которой нужно избавляться хирургическим путем – устроив Оранжевую революцию. В метафорическом контексте преобладают негативно окрашенные метафоры, моделируя «мрачное» будущее России: правительственный аппарат во главе с единовластным правителем, который будет проводить политику, направленную на контролирование сознания общества и на усиление положения страны на геополитической арене.

В дискурсе КНР во фрейме «Диагноз» многочисленные метафоры используются для создания образа угрозы для России на мировой арене:

(107) 打小国家美俄都会毫不犹豫，大国家他们都相当的慎重，因为一旦受损其它国家很可能就会趁他病要他命的，因为一家独大对任何一个国家来说都是一个威胁，包括盟友。*(Соединенные Штаты и Россия без колебаний будут бороться против малых стран, но они будут очень осторожны с большими странами, потому что, как только они пострадают, другие страны могут воспользоваться их слабостью (болезнью – досл.), чтобы уничтожить их (получить жизнь – досл.), потому что доминирующая страна представляет угрозу для любой страны, включая ее друзей).*

В приведенном примере США и Россия имплицитно предстают как два государства с имперскими амбициями, которые проводят внешнюю политику по расширению территории. Милитарная метафора «понести потерю, получить повреждение» (受损) изображает опасность, которую оба государства пытаются избежать, чтобы не проиграть это сражение. Морбиальная метафора «болезнь» (病) описывает первый этап этого проигрыша, когда страна, не рассчитав свои силы, несет экономические потери и приближается к кризису. С помощью физиологической метафоры «жизнь» (命) концептуализируется свободное существование страны: потерявшая свободу, она будет захвачена более сильным государством. Метафора родства «друзья, поклявшиеся в вечной дружбе» (盟友) отображает постоянную опасность со стороны собственных союзников. Метафоры профилируют образы опасности для России и США, двух крупных государств, которые, проводя свою политику, должны опасаться друг друга и крупных союзников.

В метафорической модели «Будущее России – это болезнь» доминируют отрицательно окрашенные метафоры, отмеченные во фреймах «Причины и возбудители болезней», «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства» и «Диагноз». Единицы модели продуцируют образ «мрачного» будущего России: экономический кризис, который негативно скажется на жизни

населения; нехватка ресурсов, чтобы ввести ответные меры на санкции стран Запада, которые будут представлять угрозу национальной безопасности РФ и ее интересам; вероятное развитие страны под контролем стран Запада. Более того, метафоры с негативным оценочным потенциалом профилируют образы монархического строя правительства России, контролирующего сознание своих граждан и стремящегося с помощью любых средств достигать поставленных целей. Морбиальная метафора концептуализирует кризис российско-американских отношений как некую болезнь: узнав диагноз, необходимо следовать предписаниям доктора, и тогда появится возможность предотвратить и излечить этот «недуг», вслед за чем начнется нормализация и развитие отношений между Россией и Америкой.

3.10 Метафора родства

В метафорической модели «Будущее России – это родство», которая находится по шкале частотности на двенадцатом месте в дискурсе США (2,8%) и на четвертом месте в дискурсе КНР (9,6%), выделен единственный общий фрейм «Кровное родство», в котором частотны метафорические единицы «friends» (друзья), «father» (отец), «son» (сын), «kids» (дети), «child» (ребенок); «近亲» (близкая родня), «亲戚» (родственники), «远房» (дальняя родня), «舅舅» (дядя со стороны матери), «哥» (старший брат), «弟» (младший брат), «盟友» (друзья, поклявшиеся в вечной дружбе) и др.

В американском дискурсе в модели родства частотны метафоры, концептуализирующие Россию и Украину как мужа и жену:

(108) The relationship between Ukraine and Russia is equivalent to a husband and wife. After the divorce, the ex-husband (Russia) treated his ex-wife (Ukraine) quite well. Not only did he leave his pre-nuptial property (including Crimea, land, military industry, and nuclear weapons) to his ex-wife, even his two children (Donetsk, Luhansk) are being raised by his ex-wife. What ex-husband didn't expect was that the ex-wife saw the village bully (the United States) in the village who often brought a group of younger brothers (NATO) to the market and admired him. After all, the village bully and the younger brother are both rich with high noses and blue eyes. Ex-wife fell in love with him.

Unexpectedly, the village bully and her ex-husband do not like each other, but dare not fight because the ex-husband warns him not to touch his ex-wife (not allowing NATO to expand eastward). However, the ex-wife doesn't seem to give up and wants to mix with the village bully, so she often asks the village bully when she can play with the younger brothers (join NATO)? The village bully always answers that we can play together soon. *(Отношения между Украиной и Россией приравниваются к отношениям мужа и жены. После развода бывший муж (Россия) довольно хорошо относился к своей бывшей жене (Украина). Мало того, что он оставил свою добрачную собственность (включая Крым, землю, военную промышленность и ядерное оружие) своей бывшей жене, даже двое его детей (Донецк, Луганск) воспитываются его бывшей женой. Чего бывший муж не ожидал, так это того, что бывшая жена увидит деревенского хулигана (Соединенные Штаты), который часто приводит шайку младших братьев (НАТО) на рынок, и станет восхищаться им. В конце концов, деревенский хулиган и его младший брат оба богаты, горды (с высокими носами – досл.) и с голубыми глазами. Бывшая жена влюбилась в него. Неожиданно деревенский хулиган и ее бывший муж не понравились друг другу, но не осмеливаются драться, потому что бывший муж предупреждает хулигана не трогать его бывшую жену (не позволяя НАТО расширяться на восток). Однако бывшая жена, похоже, не сдаётся и хочет пообщаться с деревенским хулиганом, поэтому она часто спрашивает деревенского хулигана, когда она сможет поиграть с его младшими братьями (вступить в НАТО)? Деревенский хулиган всегда отвечает, что скоро мы сможем играть все вместе).*

Пример построен на развернутой метафоре родства. Метафорически Россия предстает как бывший муж (ex-husband), а Украина как его бывшая жена (his ex-wife), которая хочет завести отношения с дерзким (метафорическое словосочетание «гордые, дерзкие» с высокими носами – досл. (with high noses)) деревенским хулиганом (village bully) (США) и начать общаться с его младшими братьями (younger brothers), под последним подразумевается вступление Украины в НАТО. Несмотря на все предостережения со стороны России в отношении этого вступления, метафоры прогнозируют смыслы присоединения Украины к членам

НАТО, тем самым рисуя будущее России в темных тонах: расширение НАТО на восток.

В данном фрейме в дискурсе КНР частотны метафоры с положительным прагматическим потенциалом (45%):

(109) 只要中俄联合制裁美国他就会老实，因为他远离欧，亚，非大陆那些跟班分子也会老实。*(Нужно только, чтобы Китай и Россия совместно санкционировали США, тогда Америка сразу станет покладистой, потому что она находится далеко от Европы, Азии, Африки, потом и ее бастарды (потомство по внебрачной линии – досл.) станут покладистыми).*

Метафора «бастарды» (分子) изображает страны Европы как байстрюков, которые ищут покровительства у властного отца (США), часто унижаясь перед ним. Автор находит решение, что противопоставить этому союзу: создание коалиции между Китаем и Россией, которая сможет уменьшить влияние Соединенных Штатов и их союзников на мировой арене. Метафора в контекстуальном окружении профилирует образ будущего России в светлых тонах – возможность российско-китайскому союзу занять лидирующую позицию на геополитической арене.

В метафоре родства зафиксированы положительно окрашенные и отрицательно окрашенные метафоры в единственном фрейме «Кровное родство». Отрицательно нагруженные метафоры (58%) профилируют смыслы территориальной опасности для России со стороны НАТО. Положительно нагруженные метафоры (42%) моделируют приобретение союзника и возможность России с помощью Китая получить доминирующее положение на мировой арене. Метафора родства востребована при репрезентации будущего России для концептуализации отношений между странами НАТО, Европы, России и Китая как близких родственников и друзей, а сложившихся конфликтов – как внутрисемейных, в которых России будет оказана помощь со стороны ее закадычного друга – Китая.

3.11 Гастрономическая метафора

В гастрономической метафоре, занимающей на шкале частотности тринадцатое место в дискурсе США (2%) и двенадцатое место в дискурсе КНР (0,9%), зафиксирован общий фрейм «Пицца» с метафорическими единицами «pie» (пирог), «recipe» (рецепт), «fry» (жарить), «banana» (банан), «menu» (меню), roll (рулет); «食物» (пища), «肉» (мясо), «吃» (есть), «咬» (кусать), «肥肉» (сало) и др.

Метафора в дискурсе США моделирует образ будущего России в условиях украинского кризиса в темных тонах:

(110) Fun fact – Routine is a Québécois dish of fresh cut fries topped with cheese curds and hot brown gravy. Restaurants have taken this off their menu. Maybe discerning Russians with a **taste** for freedom will **take Putin off their menu**. (*Забавный факт: Routine – это квебекское блюдо из свежего картофеля фри, посыпанного творожным сыром и политого горячей мясной подливой. Рестораны убрали его из своего меню. Может быть, проницательные россияне со **вкусом** к свободе тоже **уберут Путина из своего меню***).

В данном примере название блюда *Routine* концептуализирует президента РФ В. В. Путина. Метафорический контекст профилирует смысл возможной опасности для президента РФ – потерю своей правящей позиции из-за проведения политики, не угодной россиянам, которым необходима большая свобода действий, что выражается гастрономической метафорой «вкус» (taste), употребленное вместе с лексемой «свобода» (freedom). Метафоры прогнозируют вероятную угрозу для правительства России, а именно его свержение.

В дискурсе КНР во фрейме «Пицца» превалируют метафоры, профилирующие образы «мрачного» будущего России:

(111) 美俄两国的生死较量，最后都会以俄罗斯惨败而告终。弱肉强食的动物法则，有时也适用人类社会的。(Битва не на жизнь, а на смерть между Соединенными Штатами и Россией закончится сокрушительным поражением России. **Животный закон** (мясо слабого – пища сильного – досл.) джунглей иногда применим и к человеческому обществу).

Метафорическое словосочетание «мясо слабого – пища сильного» (弱肉强食) (в значении сильный поедает слабого) репрезентирует Россию как слабого противника («слабое мясо» (弱肉)) в противостоянии России и США, где последние занимают выигрышную позицию («пища, добыча сильного» (强食)). Метафоры продуцируют образы будущего России в темных тонах: в российско-американском столкновении она неминуемо потерпит глобальное поражение, поскольку ее соперник многократно превосходит ее в мощности.

Также частотны метафоры, моделирующие увеличение территории России в негативном ключе:

(112) 翻开历史，俄罗斯并不是连续不断的侵占别国土地，有时间隔几十年，甚至上百年，但随时准备着，机会来了一咬一个准，肯定能要下一块大肥肉！
(Если обратиться к истории, то Россия не постоянно посягала на другие земли, иногда с интервалом в десятилетия или даже сотни лет, но она всегда к этому готова. Когда представится возможность **откусить**, она обязательно **отхватит большой кусок сала!**).

В (112) примере Россия метафорически предстает как ненасытный и жадный человек, который ищет любой подходящий случай, чтобы «откусить» (咬) себе самый лакомый кусочек от сала («一块大肥肉» (большой кусок сала)), примечательно, что в китайском языке «жирное мясо» (肥肉) обозначает хорошую, сытную пищу, деликатесы [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info]. Россия предстает как безжалостная страна, готовая отобрать чужие земли у стран в тяжелое для них время.

Таким образом, гастрономическая метафора содержит исключительно негативно окрашенные метафоры в общем фрейме «Пища» при репрезентации будущего России в период антироссийских санкций США. Метафоры профилируют «мрачный» образ будущего страны: свержение российского президента, сокрушительный проигрыш страны в российско-американском конфликте. Более того, Россия предстает как страна, которую все должны опасаться из-за ее «аппетита» – намерения присоединить себе новые территории

других стран. Гастрономические метафоры обладают ярко выраженной экспрессивностью и негативной оценочностью. Метафоры реализуют значения, связанные с «аппетитом» каждой страны на мировой арене, и моделируют вероятное будущее России: ее чрезмерный аппетит, жажду поглощать новые территории – желание страны увеличить свою территорию; уничтожение страны путем поедания себе подобных – Америка, стремящаяся разрушить Россию; вкусовые предпочтения населения страны – ожидание от «разборчивых» россиян сменить президента РФ.

3.12 Историческая метафора

Историческая метафорическая модель располагается на шкале частотности на четырнадцатом месте в дискурсе США и на восемнадцатом в дискурсе КНР при репрезентации будущего России (1,7% и 0,4% соответственно). В модели выделен фрейм «История государства» со следующими метафорическими единицами: «National Socialism» (национал-социализм), «nazi» (нацист), «genocide» (геноцид), «Gulag» (ГУЛАГ); «希特勒» (Гитлер), «苏联» (СССР), «毛子» (волосатый (мужик)) и др.

В дискурсе США преобладают метафоры с негативным оценочным потенциалом при моделировании будущего России:

(113) Russia IS a huge prison already. It'll probably become now a **Gulag** :P . They've been thrown into a sort of “world Apartheid” by most civilized countries. *(Россия и так уже превратилась в огромную тюрьму. Вероятно, теперь она станет Гулагом :P . Большинство цивилизованных стран считают Россию своего рода государством «мировой Апартеид»).*

Автор комментария использует графическое выделение «быть, являться» (IS) для описания государственного устройства в России, акцентируя внимание на том, что страна уже стала огромной тюрьмой (a huge prison), в которой жители страны находятся в заключении и лишены целого ряда личных свобод. Историческая метафора «ГУЛАГ» (Gulag), профилирующая образ преобразования этой тюрьмы в исправительно-трудовые учреждения, в котором все жители являются осужденными, употребляется вместе с эмодзи «:P» (эмотикон с высунутым языком,

придает сообщению игривость, баловство), с помощью которых автор комментария добавляет игривый тон своему сообщению про заключенных россиян. Историческая метафора «мировой Апартеид» (world Apartheid) репрезентирует настоящее России, «в которой официально принята политика расовой дискриминации, политического и социального угнетения расовых и национальных групп» [Большая российская энциклопедия] определенного населения. Таким образом, метафоры моделируют «мрачное» будущее России: все жители являются пленниками лагеря, трудящимися на каторжных работах за продовольственный паек, некоторые расы подвержены дискриминации, эксплуатации и угнетению.

В китайском дискурсе также частотны негативно окрашенные метафоры:

(114) 毕竟美国还没有动武，没有像希特勒那样大举入侵，所以俄罗斯只能忍受。(Ведь США еще не применяли силу, не вторгались в Россию так агрессивно, как Гитлер, поэтому ей остается только терпеть).

В иллюстрируемом контексте введение санкций США в отношении России сравнивается с крупнейшим вооружённым столкновением в истории человечества – Второй мировой войной. В этом конфликте США концептуализируются А. Гитлером, они предстают как основоположники санкционной политики, которая наносит серьезный ущерб российской экономике, по масштабам сопоставимой с последствиями вторжения А. Гитлера в Россию. Поскольку США не наносят колоссального физического вреда России, она не может активизироваться как в годы начала войны, поэтому, по мнению автора, она должна смириться со сложившимися обстоятельствами и бездействовать. Метафоры профилируют образ России в темных тонах: санкционное давление со стороны США и отсутствие контрмер со стороны российского правительства.

В исторической метафоре доминируют метафоры, которые профилируют образы «мрачного» будущего России, отмеченные в общем фрейме «История государства», описывая Россию как ГУЛАГ с угнетением и эксплуатацией определенных рас, находящейся под гнетом санкций. Историческая метафора нагружена исключительно негативным прагматическим потенциалом при репрезентации будущего России в условиях санкционной политики США. При

помощи этой метафоры авторы комментариев создают яркие образы и проводят параллели между сегодняшними событиями и событиями XX века, прогнозируя тем самым смыслы мрачного будущего России.

3.13 Космическая метафора

Космическая метафора, находящаяся на пятнадцатом месте на шкале частотности в американском дискурсе (1,7%) и на тринадцатом месте в китайском дискурсе (0,9%) при репрезентации будущего России, содержит в двух дискурсах разные фреймы. В английском дискурсе специфичным является фрейм «Космогония», в китайском дискурсе – фрейм «планеты Солнечной системы». В модели отмечены следующие метафорические единицы: «chaos» (хаос), «collapse» (крушение); «航天» (космонавтика), «宇航员» (космонавт), «卫星» (спутник), «火星» (Марс) и др.

В дискурсе США во фрейме «Космогония» частотны положительно окрашенные метафоры (33%), репрезентирующие состояние российского государственного аппарата в период санкционной политики:

(115) Sure, there is economic hardship in Russia but not to the extent which will force it into a spiral of **chaos**. Russians are more united than ever, after the embargoes Putin became much more popular and I do not see any reason why this trend should reverse in the near future. *(Конечно, в России есть экономические трудности, но не до такой степени, чтобы загнать ее в водоворот хаоса. Россияне более сплочены, чем когда-либо, после эмбарго Путин стал гораздо популярнее, и я не вижу никаких причин, почему эта тенденция должна измениться в ближайшее время).*

«Хаос» (Chaos) – это беспорядок бесформенной материи и бесконечного пространства, предположительно существовавший до упорядоченной вселенной [Thesaurus.com]. Метафора хаоса моделирует экономическую депрессию, которая постепенно (по спирали «a spiral of chaos») переходит в экономический коллапс. В контексте метафора «водоворот хаоса» (a spiral of chaos) профилирует отсутствие экономического коллапса для России, в связи с усилением экономики России в правление В. В. Путина. Так, метафорический контекст репрезентирует «светлое»

будущее России – образ сильной России, которая способна преодолеть последствия санкционного давления на страну.

Метафора «хаос» также частотна при моделировании образа будущего России на мировой арене:

(116) Putin had no favorite in 2016 and has no favorite in 2020. Putin wants to see **chaos**, divisiveness in the US. The US is in **chaos** and bringing down the rest of the western world in their collapse, leaving only China for Putin to get rid of. (*У Путина не было фаворита в 2016 году и не будет фаворита в 2020 году. Путин хочет видеть хаос, раскол в США. США находятся в хаосе и втягивают остальной западный мир в свой коллапс, оставляя Путину только Китай, от которого он должен избавиться*).

Метафора «хаос» (chaos), обозначая крайний беспорядок, продуцирует образ распада США, краха их экономической и политической системы, которая повлечет за собой ухудшение экономического состояния всех стран Европы. По мнению автора, именно к такому сценарию движется президент В.В. Путин, который в дальнейшем будет стремиться к приобретению лидирующего положения на геополитической арене, избавляясь при этом от своих союзников («Китай» (China)), ослабляя их и доводя до экономического коллапса. Метафоры рисуют будущее России в темных тонах как безжалостного оппонента и предателя-союзника.

В китайском дискурсе во фрейме «планеты Солнечной системы» также частотны отрицательно окрашенные метафоры при описании будущего российско-американских отношений:

(117) 俄美的军事冲突如果不加管控，就是**火星撞地球**的战争，结果只有一个互相摧毁，俄罗斯如果想对美国的经济制裁进行反制，只能以其人之道还治其人之身，美国既然对俄罗斯实施经济制裁，那俄罗斯也可以拿起经济武器反击美国的制裁。*(Если не контролировать военный конфликт России и США, тогда «Марс врежется в Землю», в результате – только уничтожение друг друга. Если Россия хочет противостоять экономическим санкциям США, то она может «отплатить им той же монетой» (поступай с человеком так, как он поступает*

с тобой – досл.), так как США ввели экономические санкции против России, то она также может подобрать экономическое оружие против санкций США).

Космическая метафора «Марс врежется в Землю» (火星撞地球), обозначая уничтожение обеих сторон, репрезентирует вероятный исход противостояния России и Америки, которые после прямого столкновения останутся ни с чем. Милитарная метафора «оружие» (武器) продуцирует смысл способности России найти экономическое средство, чтобы ввести ощутимые для США контрмеры в ответ на их санкции. Метафоры профилируют образ будущего России в мрачных тонах, поскольку противостояние двух стран России и США может привести к открытому конфликту, в котором пострадают обе стороны.

В рамках космической метафоры в дискурсах США и КНР зафиксированы негативно окрашенные метафоры в специфичных фреймах «Космогония» (США), «планеты Солнечной системы» (КНР), репрезентируя Россию как ненадежного союзника и яростного оппонента. Более того, продуцируется вероятное военное столкновение России и Америки, которое приведет к взаимному уничтожению. Положительно окрашенные метафоры, немногочисленные в этой модели и отмеченные во фрейме «Космогония» (США), моделируют образ экономически сильной России, которая будет способна выдержать натиск санкций. В осмыслении будущего России востребованы для создания эмоционально-экспрессивных образов термины космического пространства. Российско-американский конфликт репрезентируется космическими понятиями – хаосом и крупнейшей катастрофой, опираясь на состояние которых профилируются образы возможного исхода для России в условиях санкционной политики.

3.14 Механистическая метафора

В метафорической модели «Будущее России – это механизм», находящейся по шкале частотности при репрезентации будущего России в условиях санкций США на шестнадцатом месте в американском дискурсе (1,1%) и в китайском дискурсе – на девятнадцатом (0,2%), отсутствуют фреймы из-за малочисленности метафор. В модели выделены следующие единицы: «locomotive» (локомотив),

«steam» (пар), «bus» (автобус), «machinery» (механическое оборудование); «机器» (механизм), «硬伤» (механическое повреждение), «火车» (поезд), «舟» (лодка) и др.

В дискурсе КНР частотны метафоры локомотива при моделировании будущего России и ее экономического положения в период антироссийских санкций:

(118) Russia will be unable to maintain its military spending, which is the **locomotive** of its foreign policy and that is when its troubles will begin. (*Россия не сможет нести свои военные расходы, которые являются локомотивом ее внешней политики, и именно тогда и начнутся ее проблемы*).

Метафора «локомотив» (locomotive) концептуализирует военную сферу РФ, которая «тягает несамоходные вагоны», в данном случае – поддерживает безопасность и стабильное функционирование внешней политики. Метафоры профилируют образ нестабильности экономического положения России в результате санкционного давления со стороны США, что также повлечет за собой проблемы на международной арене.

В китайском дискурсе в данной модели также доминируют нагруженные окрашенные метафоры:

(119) 但俄罗斯正是由于对战争的侧重，才让其经济结构严重失衡，而重要的权力机构和利益集团，大都掌握在普京**政治机器**的“近亲”手里，这样的权力分配，必然会产生新的寡头，官商勾结就成了俄罗斯政经肌体上难以治愈的硬伤！(*Так как Россия ориентирована на военное направление, ее экономическая структура серьезно разбалансирована, а важные органы власти и группы интересов, в основном, находятся в руках путинской **политической машины** «близких родственников». Такое распределение власти неизбежно приведет к появлению новых олигархов, а сговор между чиновниками и бизнесменами стал тяжелой раной на политическом и экономическом теле России, которую трудно вылечить!*).

Метафора механизма «политическая машина» (政治机器) концептуализирует государственный аппарат России, которым управляют

«близкие родственники» (近亲). Данная метафора родства, взятая в кавычки, моделирует значение, отличное от первоначального, она репрезентирует приближенных президента РФ, его друзей и коллег, которые придерживаются тех же политических взглядов, что и президент. Финансовая метафора «олигарх» (寡头) профилирует образы обогащения чиновников государства за счет приближенности к президенту и опустошению государственной казны. С помощью физиологической метафоры «тело» (肌体) отображается корпус политического механизма, на котором «болезненно» сказывается правление президента и правительственных органов (метафора механизма «механическое повреждение» (硬伤)), последствия которого непросто исправить (морбиальная метафора «вылечить» (治愈)). Таким образом, метафора в контекстуальном окружении продуцирует образ «мрачного» будущего России, внутренняя политика которой будет ухудшаться из-за коррумпированных чиновников.

В дискурсах США и КНР отрицательно нагруженные метафоры преобладают над положительно окрашенными при моделировании образа будущего России. Метафоры репрезентируют «мрачное» будущее России: экономическая обстановка страны будет не стабильна на мировой арене ввиду антироссийских санкций США, более того, ее внутренняя политика будет ухудшаться из-за коррупции. Механистическая метафора, где в роли сфер-источников метафорической экспансии выступают понятия из области производства, строительства, концептуализирует правительство и разнообразные аспекты его деятельности как машину, которая управляется единственным водителем, но может быть подвергнута во время ее передвижения каким-либо природным катаклизмам. Таким образом, метафора механизма профилирует образы вероятного столкновения политической машины России с непредвиденными препятствиями.

3.15 Фитоморфная метафора

Фитоморфная метафора в дискурсах США и КНР на шкале частотности находится на семнадцатом месте при репрезентации будущего России в период санкционной политики (0,8% и 0,6% соответственно). В метафорической модели

выделен общий и единственный фрейм «Состав царства растений» в обоих дискурсах. В модели отмечены следующие метафорические единицы: «sunflower» (подсолнух), «fertilise» (удобрять), «anthill» (муравейник), «soil» (почва); «森林» (лес), «青黄» (молодые всходы и спелые хлеба), «昌» (цветущий) и др.

В дискурсе США доминируют негативно окрашенные метафоры при описании будущего России:

(120) Scrap metal sales will help fund the rebuilding of Ukraine. The russian bodies will **fertilise the sunflowers**. Putin kicked the wrong **anthill**. (*Продажа металлолома поможет финансировать восстановление Украины. Тела погибших русских будут удобрять подсолнухи. Путин пнул не по тому муравейнику*).

Фитоморфные метафоры «удобрять» (fertilise) и «подсолнухи» (sunflowers) профилируют смыслы неудачного окончания специальной операции России на Украине, после окончания которой тела погибших солдат не будут доставлены на родину, а останутся в безымянных могилах на украинской земле. Автор комментария с помощью метафоры «муравейник» (anthill) концептуализирует сплоченный союз стран Запада, в котором страны поддерживают друг друга и взаимно помогают. Метафоры продуцируют образ «мрачной» России, которая не сможет достичь успеха в специальной операции, потеряет много бойцов и спровоцирует множество союзников Украины на введение ограничительных мер в отношении российской стороны.

В дискурсе КНР частотны метафоры, которые также описывают слабое экономическое положение России на мировой арене:

(121) 美国可以随意制裁俄罗斯，因为美国有经济实力，俄罗斯没有资本制裁美国是因为俄罗斯你的经济实力确实不敢恭维，本身俄罗斯和美国的经济参与度就不高，靠石油天然气及卖点武器过日子，石油天然气又和美国没有来往，其他行业也处于和青黄不接维状态。(Соединенные Штаты могут ввести санкции в отношении России по своему желанию, потому что Соединенные Штаты обладают экономической мощью, а у России нет капитала, чтобы вводить санкции против них. Причина в том, что экономическая мощь России на самом

деле довольно невелика (не сметь петь хвалу – досл.), само по себе экономическое взаимодействие России и Соединенных Штатов непродуктивно. РФ живет за счет продажи нефти, газа и оружия, но эти отрасли не касаются США. Другие предприятия страны также находятся **в ужасном состоянии** (зелёное (новый урожай) и жёлтое (старые хлеба) не сходятся – досл.).

Метафорическое словосочетание «зелёное (новый урожай) и жёлтое (старые хлеба) не сходятся» (青黄不接), означающее неправильное распределение ресурсов – старая пища уже съедена, а новая еще не созрела [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]. Метафора репрезентирует смыслы отставания российских технологий от мировых, в то время как другие страны совершили огромный скачок в техническом развитии, Россия в некоторых областях остановилась в своем развитии (театральная метафора «не сметь петь хвалу» (不敢恭维)) и имеет немногочисленное количество товаров, которые она могла бы экспортировать в другие страны, например, в США. Так, опираясь на настоящее, метафорический контекст профилирует образ слабой России, отстающей от развитых стран и неспособной ввести контрсанкции в отношении США.

В рамках фитоморфной метафоры в дискурсах США и КНР выделен общий фрейм «Состав царства растений». Политическая и экономическая ситуации России моделируются в фитоморфных метафорах исключительно в негативном ключе. Опираясь на естественные законы природы, метафора продуцирует смыслы вероятного будущего России: страна проводит политику, ведущую к ослаблению ее экономического потенциала и политического влияния, к отставанию России в некоторых отраслях от мировых технологий.

3.16 Финансовая метафора

Финансовая метафора располагается на восемнадцатом месте при описании будущего России в период антироссийских санкций в дискурсе США (0,8%) и на четырнадцатом месте – в дискурсе КНР (1,1%). В модели фреймы не выделены в связи с малочисленностью метафор.

В дискурсе США преобладают метафоры, изображающие государственный аппарат коррумпированным:

(122) It's not a superpower, and it's not developing towards becoming a superpower, due to the current administration of that country relying largely on extractive industries for its **wealth**, and pouring that **wealth** into the pockets of Putin and his cronies and into a military buildup instead of creating a stable social and physical infrastructure that could support development of businesses other than resource extraction. *(Это не сверхдержава, и она не стремится к тому, чтобы стать сверхдержавой, из-за того, что нынешняя администрация этой страны в значительной степени полагается на добывающую промышленность для собственного **обогащения** и вкладывает это **богатство** в карманы Путина и его приспешников (близких друзей – досл.), а также в наращивание военной мощи вместо создания стабильной социальной и физической инфраструктуры, которая сможет способствовать развитию других видов бизнеса, помимо добычи ресурсов).*

Метафорическая единица «богатство» (wealth) описывает заработок чиновников, полученный путем изъятия денег из государственного бюджета, который должен был быть направлен на развитие отстающих областей. Второе использование этой метафоры нацелено на отображение коррумпированности президента и его приближенных, которые также присваивают себе (метафора «карманы» (pockets)) не заработанные ими деньги. Так, метафоры моделируют будущее России в темных тонах, поскольку государство страны во главе с президентом, по мнению автора, нацелено на личный заработок, а не на процветание и усиление страны.

В дискурсе КНР частотны финансовые метафоры, как и в гастрономической метафоре, концептуализирующие США как богача, а Россию – как бедняка:

(123) 这要说起来就像穷人和富人之比。富人财大气粗，要什么有什么，穷人可给富人用的东西很少，根本就不在一个等量级上。只有穷人求富人的，反过来，富人很少用穷人的时候，富人要用穷人的东西，好像还是一种施舍一样，穷人还得感激涕零。*(Это похоже на соотношение **бедных** и **богатых**. **Богатые***

состоятельны и могущественны (богатый говорит громче, чем другие – досл.), и у них есть все, что они хотят. У бедных очень мало интересных вещей для богатых, они совсем не подходят им по уровню. Только бедные могут попросить что-нибудь у богатых. С другой стороны, богатые очень редко пользуются услугами бедных, им иногда приходится пользоваться вещами бедных, как будто это своего рода благотворительность, и бедные должны быть благодарны (растрогаться до слёз – досл.).

В данном контексте образы России как бедняка, а США – как богача эксплицитно не представлены, но в контексте мы понимаем, что речь идет о продаже и покупке товаров Россией у США. Метафорически Россия предстает как бедное государство (бедняк (穷人)), которому необходимы товары или услуги США (богач (富人)), в то время как для них закуп каких-либо вещей у России является редким событием и по большей части предстает как оказание услуги и поддержание российской экономики («растрогаться до слёз» (感激涕零)), чем действительная потребность в этом товаре. Метафорический контекст и метафоры продуцируют образы отстающей во многих областях России, экспорт товаров которой не будет пользоваться спросом, что может привести к ослаблению ее экономического положения на мировой арене и большей зависимости от стран Запада.

Метафоры в финансовой метафорической модели обладают негативным прагматическим потенциалом, репрезентируя Россию в будущем как коррумпированное слабое государство, зависимое от экономического взаимодействия с США. С точки зрения состоятельности субъектов экономической деятельности, США и Россия предстают как богатые и бедные, а будучи бедной, Россия будет стремиться разбогатеть.

3.17 Сексуальная метафора

Сексуальная метафора находится на девятнадцатом месте по частотности при моделировании будущего России в условиях санкционной политики в дискурсе США (0,3%) и на пятнадцатом месте в дискурсе КНР (0,7%). Модели свойственны следующие метафорические единицы, зафиксированные в единственном и общем

фрейме «Сексуальные извращения»: «pervert» (извращенец), «raping» (изнасилование), «hooker» (проститутка); «手淫» (мастурбация), «跪舔» (оральный секс), «强奸» (насиловать) и др.

Пользователь, прочитав следующий контекст: «Can Russia have a bright future?». (*Может ли у России быть светлое будущее?*), дает следующий комментарий, используя сексуальную метафору:

(124) It could be, but the criminal oligarchy that owns the Russian economy & legislature is unlikely to do anything other than what it is doing now – absolutely **raping** the Russian public-at-large. (*Оно могло бы быть, но криминальная олигархия, которая владеет российской экономикой и законодательной властью, вряд ли будет делать что-либо, кроме того, что она делает сейчас – абсолютно **насилует** российскую общественность в целом*).

В комментарии и контексте с помощью сексуальной метафорической единицы «насиловать» (rape) описывается беспрецедентное, по мнению автора, «выкачивание» денег, ресурсов у населения во главе с преступным несменяемым правительством (метафоры «криминальный» (criminal) из сферы-источника «Преступность» и «олигархия» (oligarchy) из сферы-источника «Монархия»), тем самым лишая Россию возможности на светлое будущее – развиваться и повышать уровень жизни населения.

В китайском дискурсе превалируют положительно окрашенные метафоры при репрезентации российско-китайских отношений:

(125) 对以混淆核心利益与边缘利益而著称，对外交关系的理解为跪舔/被跪舔/互相跪舔/翻脸的东亚各国外交而言，中俄关系可谓一股清流。*(Для восточноазиатской дипломатии, которая, как известно, путает основные интересы с маргинальными и понимает дипломатические отношения как коленопреклоненные/облизываемые/ взаимное облизывание/ с постоянными спорами, китайско-российские взаимоотношение можно назвать полностью благородными (чистый поток – досл.)).*

Сексуальные метафоры «стоя на коленях лизать» (跪舔), «подвергнуться облизыванию» (被跪舔), «взаимное облизывание» (互相跪舔) репрезентируют характерные черты дипломатии в восточноазиатских странах, которые готовы пойти на все для достижения необходимого им результата. В то же время метафора неживой природы «чистый поток» (清流) моделирует образ честных российско-китайских отношений, построенных на взаимном доверии, которые и в будущем продолжат существовать.

Метафоры с отрицательным прагматическим потенциалом доминируют во фрейме «Сексуальные извращения» в дискурсе США. Сексуальные метафоры моделируют будущее России в темных тонах – преступное правительство, заботящееся о собственном обогащении в ущерб благосостоянию населения. Метафоры этого фрейма в дискурсе КНР продуцируют образ относительно «светлого» будущего России, в котором российско-китайские отношения процветают. Сексуальная метафора реализует значения, связанные с политическими явлениями как в положительном, так и в отрицательном свете. Метафора репрезентирует политические события, происходящие между Россией, Америкой и Китаем, в аморальном ключе. Авторы прибегают к сексуальной метафоре, чтобы сделать сообщение броским, передать пренебрежительное отношение к описываемому явлению и вызвать чувство брезгливости у читателя.

3.18 Педагогическая метафора

Педагогическая метафора является специфичной метафорой дискурса США, наименее частотной при репрезентации будущего России в условиях антироссийской санкционной политики и находится на двадцатом месте по шкале частотности (0,56%). Фреймы в данной модели отсутствуют. В метафоре выделены следующие метафорические единицы: «class» (урок), «teach» (обучать), «method» (метод), «school» (школа), «desk» (парта) и др.

(126) Well, the perfect **class** is one where all the kids are well-behaved and have decent values at home, but it never looks like that. There is always a problem child who needs special care and **teaching methods**. In the case of Russia, unfortunately, the only **teaching method** I know is a sharp beating on the *ss for offenses and isolation from

other children. As you can see ineffective. Why ineffective? Because it works temporarily, the kid sits at the **school desk** for 15 minutes and pretends to be normal, but he does not understand what is happening in the lesson. He **fails the exams** over and over and feels undervalued. He immediately forgets about the **discipline**, starts fidgeting, looks around what he can do here to remind the **class** of his presence and bam! He sticks a compass needle into the hand of a colleague sitting at the same **school desk**. A friend will not be able to write now. Good! He will also **fail the exam!** (*Идеальный класс – это тот, где все дети хорошо себя ведут, воспитаны на определенных ценностях, но так никогда не бывает. Всегда есть проблемный ребенок, который нуждается в особом подходе и методах обучения. В случае с Россией, к сожалению, единственный известный мне метод обучения – это хорошая порка по з*днице за проступки, а затем – изоляция от других детей. Как видите, это неэффективно. Почему неэффективно? Потому что это работает только временно, малыш сидит за **школьной партией** в течение 15 минут и притворяется нормальным, но он не понимает, что происходит на уроке. Он снова и снова **проваливает экзамены** и чувствует себя недооцененным. Он сразу же забывает о **дисциплине**, начинает ерзать, оглядывается по сторонам, что бы он мог здесь сделать, чтобы напомнить классу о своем присутствии, и бац! Он втыкает стрелку компаса в руку одноклассника, сидящего за той же **школьной партией**. Друг теперь не сможет писать. Хорошо! Он тоже **провалит экзамен!**).*

Пример построен на развернутой метафоре. Все страны концептуализируются как «дети» (kids) из одного класса в школе, в котором Россия выступает непослушным «проблемным ребенком» (problem child), а метафорическое словосочетание «хорошая порка по з*днице» (a sharp beating on the *ss) репрезентирует введение странами Запада санкций в отношении России как резкий удар по экономике страны. Автор с помощью метафорических единиц из сферы-источника «Болезнь» «притворяться нормальным» (pretends to be normal) описывает отставание России в развитии по сравнению с другими «учениками». Метафора «колоть стрелкой компаса» (sticks a compass needle) репрезентирует специальную российскую операцию на Украине (2022 год). Последующая

метафора («друг» (friend)) концептуализирует Украину, которая после проведения Россией специальной военной операции будет отставать от стран, лидирующих в экономическом плане («провалить экзамен» (fail the exam)). Таким образом, метафоры изображают будущее России в темных тонах: экономическое отставание России и относительно изолированное существование на международной арене. Педагогическая метафора концептуализирует международные отношения как взаимодействие между одноклассниками. Каждая страна метафорически предстает ребенком в этом классе. Экономическое развитие реализуется при помощи успеваемости каждого ребенка по школьной программе. Отталкиваясь от «успеваемости» ученика и его отношений со сверстниками и взрослыми, метафора профилирует образы будущего России в темных тонах.

3.19 Метафора пути

Метафора пути является специфичной метафорической моделью в дискурсе КНР, наименее частотной при репрезентации будущего России в условиях санкционной политики США в отношении страны, и находится на двадцатом месте на шкале частотности (0,2%). Фреймы за малочисленностью метафор не были выделены. В модели зафиксированы следующие метафорические единицы: «道路» (дорога), «通道» (проход), «障碍物» (препятствие) и др.

(127) 俄罗斯正走在解体的道路上。当然普京不信，俄罗斯人不信，黄鹅不信，甚至乌克兰以及支持乌克兰的国家和人民都不相信。毕竟好端端的第一核大国怎么会解体呢？*(Россия находится на пути к распаду. Конечно, Путин в это не верит, русские в это не верят, желтые гуси в это не верят, и даже Украина, страны и люди, поддерживающие Украину, в это не верят. В конце концов, как может распасться первая ядерная держава в мире?)*.

Метафора «путь» (道路) описывает неизбежное, по мнению автора, будущее России в темных тонах, а именно дезинтеграцию страны. Мрачность ситуации репрезентируется еще и тем, что никто не может этого предвидеть – ни Россия со своими союзниками, ни Украина и ее сторонники. Метафорически одни из союзников России, монголоиды, предстают «желтыми гусями» (黄鹅) из-за

желтого цвета кожи, по мнению пользователей платформы 知乎 (Zhihu). Метафорическое словосочетание создает уничижительный образ союзников России: «желтые гуси» распространяют дезинформацию, затем опровергают ее. Метафора пути рисует «мрачное» будущее страны: страна движется по пути к распаду, и никто не сможет этого предотвратить этого по причине того, что ни страна, ни ее сторонники не предпримут надлежащих действий вовремя.

В целом в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР при моделировании будущего России зафиксированы преимущественно негативно окрашенные метафоры: 254 метафоры с отрицательным потенциалом (71%), 103 с положительным (29%) в дискурсе США; в дискурсе КНР обнаружено 736 (68%) метафор с отрицательной оценкой и 342 положительно окрашенных метафор (32%).

Анализ показал, что фреймо-слотовая структура моделей при репрезентации будущего России в дискурсе США более структурирована, чем в дискурсе КНР. Это может быть связано с тем, что США являются страной-санкционером, реализующей ограничительные политические и экономические меры, введенные в отношении страны-оппонента – России, поэтому количественная наполненность фреймов и слотов в метафорических моделях в американском дискурсе превышает количество фреймов и слотов в метафоре в китайском дискурсе.

Преобладание отрицательно нагруженных метафор над положительно нагруженными может объясняться следующим: во-первых, «все отрицательное различается языком гораздо тоньше и детальнее, чем положительное» [Мельчук, 2012 с. 24]. Более того, человек воспринимает положительное как норму и острее, полнее реагирует на нарушение этой нормы [Крысин, 2004]. Во-вторых, преобладание отрицательно нагруженных метафор связано с тем, что метафорический образ будущего другого государства напрямую зависит от экстралингвистических факторов: собственных геополитических устремлений государств, отношений противостояния или партнерства, существующих на данный момент, что в частности объясняет наличие таких метафор в дискурсе страны-инициатора санкций.

Отмечено, что и для неинституционального политического интернет-дискурса КНР, дружественной для России страны, характерно доминирование негативно окрашенных единиц: китайцы обычно солидаризуются с Россией, так как она является важным военно-политическим и торговым партнером Китая на новейшем историческом этапе. Однако в тех случаях, когда российская позиция слишком противоречива и поддержка может нанести Китаю прямой внешнеполитический ущерб, он воздерживается, особенно если речь идет о территориальных вопросах: присоединение Крыма (2014), послужившее поводом для введения санкций, спецоперация России на Украине (2022), вызвавшая новый виток санкций и дополнительных ограничительных мер.

Выводы по главе 3

В неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР было выявлено семнадцать общих менее частотных метафорических моделей со сферой-мишенью «Будущее России» и две специфичных модели: педагогическая метафора (США) и метафора пути (КНР). Высокие показатели метафоричности дискурсов (структурированность метафорических систем, интенсивность использования метафорических единиц) свидетельствуют о том, что в современных условиях будущее России находится в фокусе внимания населения обеих стран: США и Китая.

В десяти метафорических моделях обнаружены метафоры с отрицательным и с положительным прагматическим потенциалом: метафора неживой природы, театральная метафора, милитарная метафора (специфичные фреймы: «Воинские символы и атрибуты» (США) и «Организация военной службы» (КНР)), криминальная метафора (специфичный фрейм в дискурсе США «Жертвы преступников и иные не относящиеся к преступному сообществу граждане» и два специфичных фрейма «Быт “братвы” и ее профессиональная деятельность» и «Полиция и охрана» в дискурсе КНР), монархическая метафора (два специфичных фрейма «Низшее сословие» и «Церемония и атрибуты монарха» (США)), домашняя метафора (специфичный фрейм «Соседство» (США)), религиозная метафора, метафора родства, космическая метафора (фрейм «Космогония» (США), фрейм «планеты Солнечной системы» (КНР)), сексуальная метафора. Структурированность моделей в американском дискурсе объясняется тем, что инициаторам введения санкций в отношении России стало руководство США, в связи с этим образ будущего страны привлекает большее внимание в американском дискурсе, чем в китайском.

Положительно окрашенные метафоры профилируют образ «светлого» будущего России: усиление экономического и геополитического положения страны и улучшение, развитие отношений с Америкой и Китаем. Наличие положительно нагруженных метафор может быть объяснено экстралингвистическими факторами: тем, что государство на сегодняшний день

обладает средствами и природными ресурсами, территориальным преимуществом, достаточным влиянием, а значит, и возможностями, чтобы преодолеть санкционное влияние стран Запада и занять лидерскую позицию на мировой арене.

Исключительно негативно нагруженные метафоры были зафиксированы в реализации девяти метафорических моделей: игровая и спортивная метафора (с специфичным слотом в дискурсе КНР «соревнования в скорости передвижения»), морбиальная, гастрономическая, историческая, механистическая, фитоморфная, финансовая, педагогическая метафора и метафора пути. Структурированность спортивной и игровой метафоры в дискурсе КНР объясняется тем, что российско-американское противостояние предстает как своего рода игра или спортивное состязание, в котором Китай является зрителем и строит предположения о шансах игроков на победу.

Отрицательно нагруженная метафорика всех моделей репрезентирует образ «мрачного» будущего России: ослабление экономического потенциала страны во главе с коррумпированным правительством, территориальная угроза, ухудшение жизни населения. Более того, продуцируются образы опасности для всего мира ввиду моделируемого открытого столкновения России и США, которое может привести к мировой войне и гибели всего мира.

Доминирование отрицательно нагруженных метафор над положительно окрашенными может объясняться лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Лингвистическое обоснование строится на том, что отрицательное различается языком в значительной степени тоньше и детальнее, чем положительное, поэтому метафоры с негативной оценочностью обладают бóльшим прагматическим потенциалом и возможностью к развертыванию в тексте. С точки зрения экстралингвистических факторов, преобладание отрицательно окрашенных метафор при репрезентации будущего России может быть объяснено следующим: любое государство ставит превыше всего собственные интересы на геополитической арене, с той страной, с кем эти устремления не совпадают, возникает конфликт, порождающий многочисленные дискуссии и прогнозы, направленные на «очернение» оппонента и моделирование «проигрыша» этой

стороны в сложившемся конфликте, что также объясняет частотность таких метафор в дискурсе США как страны-инициатора санкций. Доминирование негативно окрашенных единиц в дискурсе КНР связано с неоднозначным отношением Китая к России. С одной стороны, он является одним из важнейших военно-политических и торговых партнеров России, с другой стороны, открытая поддержка Китаем РФ и ее политики может повлечь за собой прямой внешнеполитический ущерб для КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе проведено исследование метафорического моделирования образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая в контексте антироссийской санкционной политики.

Логика изложения теоретического материала выстроена таким образом, чтобы раскрыть понятие термина «неинституциональный политический интернет-дискурс», что подразумевает рассмотрение понятия «дискурс» в целом, его институциональности и неинституциональности, основных особенностей политического дискурса, его типов (институционального и неинституционального политического дискурса), понятия интернет-дискурса, его признаков, жанров неинституционального политического интернет-дискурса.

Принципиально новым является предложенное в работе толкование неинституционального политического интернет-дискурса, под которым понимается гибридный формат медийного и политического дискурсов, происходящий между коммуникантами в электронно-опосредованной среде, предусматривающий их статусное равенство и транслирующий аксиологические установки агентов электронно-опосредованной коммуникации. Он сжато и выборочно интерпретирует дискурс политиков, порождает новые смыслы и оценки.

В исследовании рассмотрено понятие дискурсивной метафоры, которая выступает одним из основных языковых средств политического воздействия, используется в политическом дискурсе для формирования желаемой, необходимой адресанту действительности и для моделирования будущего, представляя его в светлых или темных тонах.

Сопоставительный анализ систем метафорических моделей в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР проведен в русле методики метафорического моделирования, дополненной типологическим описанием языков, взаимосвязью типа языка и плотностью метафоричности политического дискурса на этом языке. С помощью метода сплошной выборки, и с привлечением инструментов корпусной лингвистики и ручной обработки

материала из равнообъемных выборок, составляющих 1000 комментариев пользователей в каждом языке, отобраны 357 метафор (дискурс США) и 1078 метафор (дискурс КНР) на платформах вопросов и ответов Квора (Quora) и 知乎 (Zhihu), создана система метафорических моделей, включающая двадцать одну метафорическую модель, проведена их качественная и количественная обработка.

В ходе исследования установлены типологические особенности, обуславливающие высокую метафорическую плотность дискурса КНР: словосложение как самый продуктивный способ словообразования; максимальный показатель изоляции и наименьший показатель синтетизма языка; образность иероглифического письма; метафорическое осмысление одного образа через другой при формировании фразеологизмов. Английский язык политипологичен, для него свойственно наличие меньшего количества признаков, соотносимых с изоляцией, вследствие чего уровень метафоричности текстов ниже.

Анализ метафорических моделей со сферой-мишенью «будущее России» позволил установить, что доминантными являются метафоры организма и животного мира. Полученные в ходе анализа данные позволили установить частотные фреймы, слоты, прагматический потенциал метафор, моделирующих «светлое» и «мрачное» будущее России, выявить факторы, которые влияют на активное употребление метафор доминантных сфер-источников в дискурсах США и Китая.

Доминантность физиологической метафоры может быть связана с тем, что неотъемлемыми содержательными компонентами метафор сферы-источника «организм и его составляющие» являются развитие и изменение. Отталкиваясь от состояния государственного организма в настоящем, физиологическая метафора позволяет «спрогнозировать» его будущее: изменение в строении и функционировании государственного организма, приводящие к развитию и созреванию или, напротив, к гибели. Метафорическая модель организма в неинституциональных политических интернет-дискурсах США и КНР содержит одинаковый фреймо-слотовый состав за исключением специфичного и наименее частотного фрейма («Органы управления психикой») в дискурсе КНР. Большая

структурированность метафоры организма в дискурсе США может быть связана с тем, что в американской культуре государство воспринимается как единый организм, в котором каждому органу и части тела отведена определенная роль. Специфичность фрейма «Органы управления психикой» модели в дискурсе КНР объясняется тем, что метафора репрезентирует образы эмоционального состояния субъекта, его отношение к окружающей действительности и к себе в определенный момент времени. Такое психическое состояние может не совпадать или быть не типичным для большого количества получателей сообщения.

Фреймо-слотовый состав зооморфной метафоры в двух дискурсах идентичен. Высокая частотность зооморфной метафоры при репрезентации будущего России связана с древнейшей традицией зооморфной метафоризации стран. Зооморфные метафоры нагружены, как правило, отрицательным потенциалом: обезличивая политического противника, метафора продуцирует негативный образ его вероятного будущего.

В исследовании выявлено семнадцать общих менее частотных метафорических моделей со сферой-мишенью «Будущее России» и две специфичных модели для каждого дискурса: педагогическая метафора (США) и метафора пути (КНР). Фреймо-слотовое наполнение семнадцати менее частотных метафор почти полностью совпадает, за исключением специфичных фреймов и слотов, зафиксированных в метафорических моделях: военная метафора, криминальная метафора, монархическая метафора, домашняя метафора, игровая и спортивная метафора. Выявлено, что количество специфичных фреймов / слотов в метафорах дискурса США превышает структурированность метафор в дискурсе КНР. Это может быть объяснено тем, что США стали непосредственным инициатором введения санкций в отношении России, что влечет за собой повышенный интерес у населения страны в обсуждении сложившегося конфликта между странами и его «преломление» в метафорах.

Прагматический потенциал всех метафор совпадает: преобладают негативно окрашенные метафоры, профилирующие образы «мрачного» будущего России: ослабление страны на международной арене, территориальная угроза и гибель

всего мира, причиной которой может стать открытое столкновение между Россией и США. Метафоры с положительным прагматическим потенциалом профилируют образ «светлого» будущего России: экономически сильная Россия, способная противостоять натиску санкций и продолжить свое развитие; улучшение российско-американских и российско-китайских отношений. Наличие в дискурсах положительно окрашенных метафор обусловлено экстралингвистическими факторами: тем, что государство на сегодняшний день обладает богатыми природными ресурсами, территориальным преимуществом, влиянием, а значит, и возможностями, чтобы преодолеть санкционное влияние стран Запада и занять ведущую позицию на геополитической арене.

Преобладание в двух дискурсах отрицательно нагруженных метафор при репрезентации будущего России связано с тем, что метафоры с негативной оценочностью обладают бóльшим прагматическим потенциалом, нежели метафоры с положительной оценочностью. Кроме того, метафорический образ будущего России зависит от ее отношений с государствами на данный момент на мировой арене: отрицательно окрашенные метафоры актуализируются в связи с противостоянием между страной и США и нейтралитетом Китая в помощи России, когда вопрос касается геополитических разногласий.

Перспективы исследования состоят в дальнейшем изучении и описании метафорического образа будущего России в других видах дискурса на материале иных языков и хронологических срезов, в сопоставительном внутридискурсивном исследовании образа будущего России на материале институционального и неинституционального дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ань, Цзыцзе. Раскрывая тайну китайских иероглифов / Ц. Ань. – Гонконг : Сянган Жуйфу. – 1990. – 1134 с. – Текст : непосредственный (安子介. 解开汉字之谜. 香港: 香港瑞福有限公司).
2. Апресян, Ю. Д. О регулярной многозначности / Ю. Д. Апресян. – Текст : электронный // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1971. – Вып. 6. – С. 509–523. – URL : <http://www.philology.ru/linguistics1/apresyan-71.htm?ysclid=lf5i3jyqnt228402259> (дата обращения: 25.12.2022).
3. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян. – Текст : электронный // Вопросы языкознания. – 1986. – № 28. – С. 5–33. – URL : https://www.researchgate.net/publication/323553081_The_Grammatical_Category_of_Tense_as_a_Means_of_Expressing_Temporal_Deixis_in_the_Belarusian_and_the_English_Languages_The_Comparative_and_Typological_Aspect (дата обращения: 13.12.2022).
4. Аракин, В. Д. Сравнительная типология русского и английского языков: учеб. пособие / В. Д. Аракин. – Москва : Физматлит 3-е изд.: – 2005. – 232 с. – Текст : непосредственный.
5. Аржанова, И. А. Функции антропоморфной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе / И. А. Аржанова. – Текст : электронный // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2019. – С. 161–164. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-antropomorfnoy-metafory-v-angloyazychnom-ekonomicheskom-diskurse/viewer> (дата обращения: 25.11.2022).
6. Аристотель. Сочинения : 4 т. Т. 4 / Аристотель. – Москва : Мысль. – 1983. – 830 с. – Текст : непосредственный.
7. Артемьева, К. В. «Медведизация» России в информационном дискурсе (на материалах интернет-СМИ) / К. В. Артемьева. – Текст : электронный // RATIO ET NATURA. – 2021. – № 1(3). – С. 1–2. – URL : <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2021-05/medvedizaciya-rossii-v-informacionnom-diskurse.pdf> (дата обращения: 18.02.2022).

8. Архипкин, Д. В. Политический дискурс как объект лингвистического исследования / Д. В. Архипкин. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы филологической науки XXI века, сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых: в 2 частях. – 2013. – Т.1. – С. 15–18.

9. Арутюнова, Н. Д. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., иен., польск. яз. / Н. Д. Арутюнова. - Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – Москва : Прогресс. – 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

10. Бабитова, Л. В. Языковые средства репрезентации американского политического блог-дискурса : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. диссертации канд. филол. наук / Бабитова Лариса Вячеславовна. – Пятигорск : ФГБОУ ВО Пятигорский государственный университет. – 2017. – 28 с. – Текст : непосредственный.

11. Бабкина, В. А. Медвежья метафора в дискурсе немецких СМИ / В. А. Бабкина. – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 11 (77). – С. 60–62. – URL : https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2017_11-3_14.pdf (дата обращения: 09.08.2022)

12. Багичева, Н. В. Образы матери-родины и большой семьи в метафорическом онтогенезе / Н. В. Багичева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. – 2016. – №2 (56). – С. 102–111.

13. Баженова, Е. А. Блог как Интернет-жанр / Е. А. Баженова, И. А. Иванова. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Пермь. – 2012. – № 4 (20). – С. 125–131.

14. Базылев, В. Н. Предвосхищение и язык / В. Н. Базылев. – Текст : непосредственный // Предвосхищение и язык: материалы Всерос. науч. конф. – Москва : СГУ. – 2012 – С. 9–50.

15. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – Москва : ИРЯ. – 1991. – 193 с. – Текст : непосредственный.
16. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – Москва : Помовский и партнеры. – 1994. – 330 с. – Текст : непосредственный.
17. Баранов, А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом / А. Н. Баранов. – Текст : непосредственный // Москва : Человек. – 1997. – № 6. – С. 108–118.
18. Баранов, А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга / А. Н. Баранов. – Текст : непосредственный // Москва : Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – 2003. – С. 105–167.
19. Баранов, А. Н. Когнитивная теория метафоры почти двадцать пять лет спустя // Дж. Лакофф, М. Джонсон – Текст : непосредственный // Метафоры, которыми мы живем : под ред. и с пред. А. Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС. – 2004. – С. 7–21.
20. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин. – Текст : непосредственный // Литературно-критические статьи. – Москва : Худ. лит. – 1986. – С. 428–472.
21. Бенвенист, Э. О субъективности в языке / Э. О. Бенвенист. – Текст : текст непосредственный // Общая лингвистика. Гл. XXIII / Э. О. Бенвенист. – Москва : Прогресс. – 1974. – С. 292–300.
22. Блинова, О. А. Мультиmodalность в сетевом политическом дискурсе: интернет-мемы о независимости Шотландии / О. А. Блинова. – Текст : электронный // Научный диалог. – Екатеринбург. – 2019. – № 10. – С. 79–93. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnost-v-setevom-politicheskom-diskurse-internet-memu-o-nezavisimosti-shotlandii/viewer> (дата обращения : 10.11.2022).
23. Бойко, А. В. Санкционный дискурс как формат политического дискурса / А. В. Бойко. – Текст : непосредственный // Studium Juvenis Межвузовский

сборник трудов молодых ученых. – Челябинск : Библиотека А. Миллера. – 2020 – № 12. – С. 10–14.

24. Бойко, А. В. Моделирование будущего России сквозь призму физиологической метафоры (на материале американского социального сервиса Quora) / А. В. Бойко, О. А. Солопова. – Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. – Омск. – 2021. – № 2 (8). – С. 335–350.

25. Бойко, А. В. Потенциал зооморфной метафоры со сферой-мишенью «Будущее России» (на материале китайского языка) / А. В. Бойко. – Текст : непосредственный // Журнал «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики». – Северная Осетия. – 2021. – № 4. – С. 114–122.

26. Борботько, В. Г. Элементы теории дискурса: учеб. пособие / В. Г. Борботько. – Грозный : Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого. – 1981. – 113 с. – Текст : непосредственный.

27. Бубнова, Н. И. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: новые ипостаси холодной войны / Н. И. Бубнова. – Текст : непосредственный // Россия и современный мир. – Москва. – 2015. – № 2 (87). – С. 81–97.

28. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Лингвокультурология. – Нижний Тагил. – 2007. – №1. – С. 19–35.

29. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая метафорология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет. – 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.

30. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации. 2-е издание, стереотипное / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург : ФЛИНТА. – 2012. – 248 с. – Текст : непосредственный.

31. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. Российский государственный профессионально-педагогический университет. – 2-е издание, исправленное и дополненное / Э. В. Будаев. – Санкт-Петербург : Научные технологии. – 2020. – 464 с. – Текст : непосредственный.

32. Бурдые, П. Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действительности / П. Бурдые : пер. с франц. А. Бикбова. – Текст : электронный // Москва : Логос. – 2003. – № 4–5. – С. 34. – URL : <https://ruthenia.ru/logos/number/39/03.pdf> (дата обращения : 09.07.2022).

33. Вершинина, Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. диссертации канд. филол. наук / Вершинина Татьяна Станиславовна . – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет. – 2002. – 24 с. – Текст : непосредственный.

34. Виданов, Е. Ю. Антиномии санкционного дискурса (на примере высказываний об антироссийских санкциях) / Е. Ю. Виданов, Ю. Ю. Литвиненко. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – Омск. – № 2 (35). – 2022. – С. 71–75.

35. Воевудская, О. М. Компьютерно-опосредованная коммуникация: характерные черты и специфические особенности / О. М. Воевудская, О. В. Шурлина. – Текст : непосредственный // ART LOGOS. – Санкт Петербург : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина. – № 1 (6). – 2019. – С. 98–111.

36. Войтоловский, Ф. Г. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: тенденции и перспективы / Ф. Г. Войтоловский. – Текст : непосредственный // Пути к миру и безопасности. – Москва. – 2015. – № 1 (48). – С. 67–84.

37. Волобуев, К. В. Политический дискурс: его стратегия, тактика и функции / К. В. Волобуев. – Текст : непосредственный // Гуманитарные, Социально-Экономические и Общественные науки. – Ростов на Дону. – 2015. – № 6 (1). – С. 127–129.

38. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения / М. Б. Ворошилова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – Екатеринбург. – 2007. – №21. – С. 75–80.

39. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореф. диссертации канд. филол. наук / Галичкина Елена Николаевна. – Астрахань : Волгоградский государственный педагогический университет. – 2001. – 22 с. – Текст : непосредственный.

40. Галичкина, Е. Н. Характеристики компьютерного дискурса / Е. Н. Галичкина. – Текст : непосредственный // Вестник ОГУ. – Оренбург. – 2004. – №10. – С. 55–59.

41. Гальчук, Д. С. Понятие «дискурс реагирования» в современной политической интернет-коммуникации: определение и свойства / Д. С. Гальчук. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – Екатеринбург. – 2020. – № 5 (83). – С. 48–53.

42. Горошко, Е. И. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное / Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. Языкознание и литературоведение. – Москва. – 2010. – С. 105–123.

43. Горошко, Е. И. Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы. Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского // Е. И. Горошко, Е. А. Землякова. – Текст : непосредственный // Филология. Социальные коммуникации. – Харьков. – 2011. – Т. 24 №1 (63). – 2011. – С. 225–237.

44. Горошко, Е. И. Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиа сервисов коммуникативного интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) / Е. И. Горошко, Л. В. Павлова. – Текст : непосредственный // Жанры речи. – Саратов. – 2015. – 1 (11). – С.122–136.

45. Гурулева, Т. Л. Метафоричность как культурно обусловленная характеристика дискурса / Т. Л. Гурулева, О. И. Калинин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Северная Осетия. – 2021. – № 3. – С. 26–40.

46. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петрова, под редакцией В. И. Герасимова. – Москва : Прогресс. – 1989. – 312 с. – Текст : непосредственный.

47. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – Москва. – 1994. – № 4. – С.17–33.

48. Дзюба, Е. В. «Бархатные» метафоры чешского политического дискурса / Е. В. Дзюба. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – Санкт-Петербург. – 2017. – № 1 (61). – С. 31–40.

49. Добросклонская, Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т. Г. Добросклонская. – Текст : непосредственный // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – Белгород. – 2014. – № 13 (184). – С. 181–187.

50. Долинина, И. Б. Валентностные категории английского глагола : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. диссертации канд. филол. наук / Долинина Инга Борисовна. – Ленинград. – 1982. – 36 с. – Текст : непосредственный.

51. Домышева, С. А. Политический дискурс в пространстве дискурса реагирования (на материале британской и американской прессы за 2000–2007 годы) : 10.02.00 «Языкознание» : автореф. диссертации канд. филол. наук / Домышева Светлана Аркадьевна. – Иркутск : Иркутский государственный лингвистический университет. – 2008. – 22 с. – Текст : непосредственный.

52. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен : Перевод с английского В. В. Пассека и С. П. Сафронова : Под ред. и с предисловием проф. Б. А. Ильиша. – Москва : Изд.-во иностр. лит. – 1958. – 404 с. – Текст : непосредственный.

53. Зарипов, Р. И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России) : специальность: 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соиск. уч. степени кандид. филологич. наук / Зарипов Руслан Ирикович. – Москва. –

Военный университет Министерства обороны РФ. – 2015. – 262 с. Текст : непосредственный.

54. Зеленецкий, А. И. Сравнительная типология основных европейских языков / А. И. Зеленецкий. – Москва : Академия. – 2004. – 248 с. Текст : непосредственный.

55. Иванова, С. В. Национально-культурные прецеденты в политической коммуникации / С. В. Иванова, З. З. Чанышева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – Санкт-Петербург. – 2014. – № 4 (50). – С. 39–47.

56. Калинин, О. И. Метафоричность и типология: опыт сопоставительного анализа / О. И. Калинин, Д. В. Селезнева. – Текст : непосредственный // Филология: научные исследования. – Москва : НБ-Медиа. – 2019. – № 4. – С. 72–80.

57. Капанадзе, Л. А. Структура и тенденции развития электронных жанров / Л. А. Капанадзе. – Текст : непосредственный // Жизнь языка: сборник статей к 80-летию М. В. Панова. – Москва. – 2001. – С. 112–129.

58. Кара-Мурза, С. Г. Управление развитием: предвидение и проектирование будущего / С. Г. Кара-Мурза. – Текст : непосредственный // Управление развитием: от прогнозирования будущего к его конструированию (идеи, методы, институты): Материалы науч. семинара. – Москва : Научный эксперт. – Вып. 9 – 2011. – С. 5–11.

59. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник науч. трудов. – Волгоград : Перемена. – 2000. – С. 5–20.

60. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена. – 2002. – 477 с. Текст : непосредственный.

61. Карасик, В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик. – Текст : электронный // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград : Перемена. – 2006. – С. 185–197. – URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html> (дата обращения: 28.03.2020).

62. Карасик, В. И. Дискурс / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Дискурс-ПИ. – Екатеринбург. – 2015. – № 3-4 (20-21). – С. 147–148.

63. Карпоян, С. М. Instagram как особый жанр виртуальной коммуникации / С. М. Карпоян. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – 2015. – Ч. 3 № 12(54). – С. 84–88.
64. Керимов, Р. Д. «Тело человека» как сфера-источник немецкой социальной метафористики / Р. Д. Керимов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – Санкт-Петербург. – 2012. – №4 (42). – С. 105–123.
65. Керимов, Р. Д. Метафоризация физиологических процессов в немецкой социальной коммуникации / Р. Д. Керимов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – Санкт-Петербург. – 2013. – №1 (43). – С. 72–88.
66. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия : учеб. пособие для ун-тов и ин-тов / Е. В. Ключев. – Москва : Рипол Классик. – 2002. – 315 с. Текст : непосредственный.
67. Князева, Е. Н. Жизнь неживого с точки зрения синергетики / Е. Н. Князева. – Текст : непосредственный // Синергетика: труды семинара. – Москва. – 2000. – №. 3. – С. 39–61.
68. Кожемякин, Е. А. Институциональные дискурсы: программа сравнительных исследований / Е. А. Кожемякин. – Текст : непосредственный // Человек. Сообщество. Управление. – Краснодар. – 2007. – № 2. – С. 96–106.
69. Козырева, И. В. Манипулятивные стратегии в немецком публицистическом дискурсе / И. В. Козырева. – Текст : непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. – Москва. – 2022. – №2(2). – С. 176–177.
70. Колесникова, С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация / С. Н. Колесникова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск. – 2011. – № 33 (248). – С. 67–69.
71. Кондратьева, О. Н. Метафорическое моделирование внутреннего мира как способ создания образа политического противника (образ Ивана Грозного в интерпретации Андрея Курбского) / О. Н. Кондратьева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – Санкт-Петербург. – 2011. – № 3. – С. 220–226.

72. Кондрашова, В. Н. Нестандартная комбинаторика интенсификаторов и служебных частей речи в английском разговорном языке / В. Н. Кондрашова, А. Г. Поспелова. – Текст : непосредственный // Грамота – 2017. – № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. – С. 96–98.

73. Конецкая, В. П. Социология коммуникаций: учебник / В. П. Конецкая. – Москва : Междунар. ун-т Бизнеса и Управления. – 1997. – 304 с. – Текст : непосредственный.

74. Кошарная, Г. Б. Социология общественного мнения: методические указания / Г. Б. Кошарная. – Пенза : ПГУ. – 2002. – 32 с. – Текст : непосредственный.

75. Красильникова, Н. А. Общество и неинституциональный политический дискурс в сети интернет / Н. А. Красильникова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – Санкт-Петербург. – 2012. – №4 (42). – С.130–138.

76. Крысин, Л. П. Социальный аспект владения языком / Л. П. Крысин. – Текст : непосредственный // Русское слово, свое и чужое. – Москва : Яз. славян. культуры. – 2004. – С. 411–436.

77. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – Москва. – 1994. – № 4. – С. 34–47.

78. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – Москва : Ин-т языкознания РАН. – 1997. – 237 с. – Текст : непосредственный.

79. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под редакцией и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС. – 2004. – 256 с. – Текст : непосредственный.

80. Лесняк, М. В. Тактика «создание светлого будущего» в политической коммуникации / М. В. Лесняк. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2013. – №4 (46). – С. 110–116.

81. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : 10.02.19 : диссертация на соискание ученой степени

доктора филологических наук / Ольга Васильевна Лутовинова ; Изд-во ВГПУ «Перемена». – Волгоград, 2009. – 476 с. – Текст : непосредственный.

82. Лутфуллина, Г. Ф. Сравнительная типология английского и родного языков: учеб. пособие / Г. Ф. Лутфуллина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т. – 2017. – 136 с. – Текст : непосредственный.

83. Мельчук, И. А. Язык: от смысла к тексту / И. А. Мельчук ; Яз. славянской культуры. ЯСК. – Москва. – 2012. – 174 с. – Текст : непосредственный.

84. Мисник, М. Ф. Лингвистические особенности аномального художественного мира произведений жанра фэнтези англоязычных авторов : 10.02.04 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Марина Федоровна Мисник ; Иркут. гос. лингвистич. ун-т. – Иркутск, 2006. – 159 с. – Текст : непосредственный.

85. Нахимова, Е. А. Интертексты, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры / Е. А. Нахимова. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Екатеринбург. – 2006. – № 19. – С. 186–196.

86. Овчарова, К. В. Компьютерные чаты в Интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования : 10.02.19 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ксения Владимировна Овчарова ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2008. – 240 с. – Текст : непосредственный.

87. Пак, Е. М. Конвергенция жанров сетевой журналистики / Е. М. Пак. – Текст : непосредственный // Вестник СПбГУ, 2012. – Сер. 9. Вып. 2. – С. 268–276.

88. Паршин, П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики / П. Б. Паршин. – Текст : непосредственный // Проблемы прикладной лингвистики. – Москва, 2002. – С. 181–208.

89. Перельгут, Н. М. О структуре понятия «политический дискурс» / Н. М. Перельгут, Е. Б. Сухоцкая. – Текст : непосредственный // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2013. – №2. – С. 35–41.

90. Петрова, Е. С. Сопоставительная типология английского и русского языков : учеб. пособие / Е. С. Петрова ; Филологический факультет СПбГУ. – М., СПб. : Академия. – 2011. – 368 с. – Текст : непосредственный.
91. Пирожкова, С. В. Предвидение и его эпистемологические основания / С. В. Пирожкова. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2011. – №11. – С. 79–92.
92. Пирожкова, С. В. Предвидение как эпистемологическая проблема / С. В. Пирожкова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва : ИФРАН, 2015. – 247 с. – Текст : непосредственный.
93. Плотникова, С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования / С. Н. Плотникова. – Текст : непосредственный // Политический дискурс в России : матер. постоянно действующего семинара ; вып. 8. / под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. – Москва : МАКС Пресс, 2005. – С. 22–26.
94. Плотникова, С. Н. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования / С. Н. Плотникова, С. А. Домышева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – № 1(27) – С. 104–109.
95. Попова, З. Д. Лексическая система языка : внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд., дополненное и исправленное. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. – 1984. – 148 с. – Текст : непосредственный.
96. Попова, Т. П. Характеристики институционального дискурса / Т. П. Попова. – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – Т. 7, №6(2). – 2015. – С. 295–300.
97. Русанов, Е. К. Интернет-дискурс в дискурсивной парадигме / Е. К. Русанов. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и юридические исследования. – №1. – 2016. – С. 214–217.
98. Сабурова, Т. А. «Связь времен» и «горизонты ожиданий» русских интеллектуалов XIX века / Т.А. Сабурова. – Текст : непосредственный // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. – Москва : Кругъ, 2010. – С. 302–331.

99. Сарджент, Т. Дж. Рациональные ожидания. / Т. Дж. Сарджент. – Текст : электронный // Актуальные публикации по вопросам экономики. – 2004. – URL: https://library.by/portalus/modules/economics/readme.php?subaction=showfull&id=1102954528&archive=1120044309&start_from=&ucat=& (дата обращения: 20.02. 2021).

100. Сахарова, А. В. Формирование языковой личности: Социально-философский аспект : 09.00.11 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сахарова Анна Владимировна ; Иваново : ФГБОУ ВПО Ивановский Государственный Политехнический Университет, 2017. – 180 с. – Текст : непосредственный.

101. Седов, К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К. Ф. Седов. – Текст : непосредственный // Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. – Москва : Лабиринт, 2007. – С. 7–38.

102. Селютин, А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности / А. А. Селютин. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 35 (173). – С. 138–141.

103. Силантьев, И. В. Газета и роман: Риторика дискурсных смещений / И. В. Силантьев. – Текст : электронный // Москва : Языки славянской культуры. – 2006. – 224 с. – URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Gazyeta-i-roman-Ritorika-diskursnykh-smyeshyeniyi.html> (дата обращения: 05.10.2020).

104. Сиркия Н. П. Политический дискурс vs политический интернетдискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) / Н. П. Сиркия. – Текст : непосредственный // Известия ВГПУ. филологические науки. Языкознание. – 2018. – Том 10, № 2 – С. 137–142.

105. Сиротинина, О. Б. Русская разговорная речь : пособие для учителя / О. Б. Сиротинина. – Москва : Просвещение. – 1983. – 79 с. – Текст : непосредственный.

106. Солопова, О. А. Лингвополитическая прогностика: Сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США И Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014) : 10.02.20 «Языкознание» : диссертация на соискание ученой степени доктора

филологических наук / Ольга Александровна Солопова ; Уральский гос. педагогический университет. – Челябинск, 2016. – 606 с. – Текст : непосредственный.

107. Солопова, О. А. Метафора в моделировании будущего: светлый сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов 21 века) / О. А. Солопова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 46. – С. 55–70.

108. Солопова О. А. Лингвополитическая прогностика: Что говорят метафоры прошлого о будущем России (на материале политических дискурсов США и Великобритании XIX в.) / О. А. Солопова, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Политическая наука. – 2017. – № 2. – С. 157–176.

109. Солопова, О. А. Метафорический образ будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР / О. А. Солопова, Э. В. Будаев, А. В. Бойко. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2020. – №6 (84). – С. 96–107.

110. Солопова, О. А. Методология диахронического исследования политической метафоры в эпоху цифровизации: теоретическое обоснование / О. А. Солопова, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2021. – № 2. – С. 49–59.

111. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – Текст : непосредственный // Оптимизация речевого воздействия. – Москва : Наука, 1990. – С. 180–186.

112. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи : моногр. / И. А. Стернин ; Воронеж: Издательство Воронежского университета. – 1985. – 170 с. – Текст : непосредственный.

113. Тагильцева, Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе : 10.02.01 : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Юлия Ринатовна Тагильцева ; Уральский

гос. педагогический университет. – Екатеринбург, 2006. – 251 с. – Текст : непосредственный.

114. Телешева, И. В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании : 10.02.20 «Языкознание» : автореф. диссертации канд. филол. наук / Ирина Владимировна Телешева. – Челябинск : ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет». – 2006. – 22 с. – Текст : непосредственный.

115. Теляя, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Теляя – Текст : электронный // Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания. – 2006. – URL : http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml (дата обращения : 25.10.2020).

116. Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., ит., польск. яз. ; под общ. редакцией Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – Москва : Прогресс. – 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

117. Трофимова, Г. Н. Сетевая журналистика: некоторые тенденции развития / Г. Н. Трофимова. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН, сер. Литературоведение. Журналистика. – 2003-2004. – №7-8. – С. 145–152.

118. Ульянова, М. А. Классификация жанров интернет-дискурса / М. А. Ульянова. – Текст : непосредственный // *Lingua mobilis*. – 2014. – № 3 (49). – С. 102–110.

119. Хабаров, А. А. Формирование дискурсивной компетенции в реалиях информационно-психологической войны XXI века / А. А. Хабаров. – Текст : непосредственный // Военно-филологический журнал. – 2021. – № 4. – С. 33–46.

120. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко ; Киев: «Ника-Центр». – 1996а. – 208 с. – Текст : непосредственный.

121. Фуко, М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года / М. Фуко. – Текст : электронный // Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / Составитель и переводчик: С. В. Табачникова. – Центр гуманитарных технологий. – Москва. –

1996b. – 2007. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (дата обращения: 21.07.2021).

122. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко ; Москва : Касталь, 1996. – 448 с. – Текст : непосредственный.

123. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с. – Текст : непосредственный.

124. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург. – 2003. – 248 с. – Текст : непосредственный.

125. Чудинов, А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1 (001). – С. 91–105.

126. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 53–59.

127. Чудинов, А. П. Дискурсивный поворот в российской когнитивной политической метафорологии / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. Г. Скворцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – №37. – С. 110–115.

128. Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот : моногр. / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова ; Москва : Флинта. – 2020. – 236 с. – Текст : непосредственный.

129. Шапочкин, Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект: моногр. / Д. В. Шапочкин ; Издательство Тюменского государственного университета. – Тюмень. – 2012. – 260 с. – Текст : непосредственный.

130. Шмитт, Ж. К. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Ж. К. Шмитт ; под ред. Л. П. Репиной. – Москва : Кругъ. – 2008. – 800 с. – Текст : непосредственный.

131. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва : Гнозис, (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова) . – 2004. – 324 с. – Текст : непосредственный.

132. Щипицина, Л. Ю. Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функции / Л. Ю. Щипицина. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Языкознание и литературоведение. – 2009. – С. 171–178.

133. Шустрова, Е. В. Барак Обама и современная американская карикатура / Е. В. Шустрова. – Издательство Уральского университета. – Екатеринбург. – 2014. – 372 с. – Текст : непосредственный.

134. Agafonova, O. I. Functioning of the Complex Metaphor «Politics is Animal World» in contemporary Mass-Media / O. I. Agafonova, M. S. Belozerova, S. Larini. – Текст : непосредственный // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – №1(6). – С. 3–11.

135. Ahrens, K. When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor / K. Ahrens. – Текст : непосредственный // Proceedings of the First Cognitive Linguistics Conference / ed. Yuchau E. Hsiao. Cheng-Chi University. – 2002. – P. 273–302.

136. Anikin E. E. Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication / E. E. Anikin, E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – Текст : непосредственный // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. – 2015. – № 3 (44). – С. 26–32.

137. Basilev, V. (2007). Methods of studying the language of Russian political thought in Russian political discourse (traditions and innovations) / V. Basilev. – Текст : непосредственный // Political Discourse in Russia. – №10(1). – P. 5–10.

138. Beer, S. Brain of the firm : the managerial cybernetics of organization / S. Beer. – Allen Lane the Penguin Press; First Edition. – 1972. – 319 p. – Текст : непосредственный.

139. Bernstein, B. *Social Class, Language and Socialization* / B. Bernstein. – Текст : непосредственный // *Language and Social Context: Selected Readings*. – Harmondsworth: Penguin. – 1979. – P. 157–178.
140. Black, M. *Models and Metaphors* / M. Black. – Ithaca: Cornell University Press. – 1962. – 278 p. – Текст : непосредственный.
141. Boyd, R. *Metaphor and theory change: What is “metaphor” a metaphor for?* / R. Boyd. – Текст : непосредственный ; edited by A. Ortony *Metaphor and Thought*. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1993. – P. 481–532.
142. Bourdieu, P. *Méditations pascaliennes* / P. Bourdieu. – Paris: Editions du Seuil. – 1997. – 391 p. – Текст : непосредственный.
143. Charteris-Black, J. *Corpus approaches to Critical Metaphor* / J. Charteris-Black. – Analysis, Basingstoke. – 2004. – 293 p. – Текст : непосредственный.
144. Chilton, P. A. *Manipulation, memes and metaphors: The case of Mein Kampf* / P. A. Chilton. – Текст : непосредственный // *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century* / edited by L. de Saussure P. Schulz. – Amsterdam & Philadelphia: John Benjamin's. – 2005. – P. 15–43.
145. Chudinov, A. P., Solopova O. A. *Linguistic political prognostics: Models and scenarios of future* / A. P. Chudinov, O. A. Solopova. – Текст : непосредственный // *Procedia – social and behavioral sciences*. – Amsterdam. – 2015. – Vol. 200. – P. 412–417.
146. Culpeper, J. *Impoliteness: using language to cause offence* / J. Culpeper. – Cambridge: University Press. – 2011. – 292 p. – Текст : непосредственный.
147. Goschler, J. *Embodiment and Body Metaphors* / J. Goschler. – Текст : электронный // *metaphorik.de*. – Wehrhahn Verlag. – 2005. – URL: <http://www.metaphorik.de/09/goschler.pdf> (дата обращения: 30.05.2022).
148. Harvey, A. D. *The Body politic : anatomy of a metaphor* / A. D. Harvey. – Текст : непосредственный // *Contemporary Review*. – United Kingdom. – 1999. – Vol. 275 (1603). – P. 85–93.
149. Heerik, R. *Thinking out of the box: Production of direct metaphor in a social-media context* / R. Heerik, E. Droog, M. J. T. Fa, Ch. Burgers – Текст :

непосредственный // *Internet Pragmatics*. – Amsterdam, The Netherlands. – 2020. – P. 64–94.

150. Herring, S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse / S. C. Herring. – Текст : электронный // *Discourse Studies in the Cultural Politics of Education*. – 2007. – №4. – P. 1–37. – URL: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761> (дата обращения: 30.11.2020).

151. Hobbes, T. *Leviathan* / T. Hobbes ; Cambridge university press // edited by R. Tuck. – 1996. – 510 p. – Текст : непосредственный.

152. Hu, Y. H. Obstacles to CM- guide L2 idiom interpretation / Y. H. Hu, Y. Y. Fong. – Текст : непосредственный // *Fostering language teaching efficiency through cognitive linguistics* / edited by S. Knop, F. Boers & A. Rycker. – New York: Mouton de Gruyter. – 2010. – P. 293–316.

153. Hu, Y. H. Prepositions we live by: Implications of the polysemy network in teaching English prepositions in and on / Y. H. Hu, Y. C. Ho. – Текст : непосредственный // *Studies in cognitive Corpus linguistics* / edited by B. Lewandowska-Tomaszczyk, K. Dziwirek. – Frankfurt: Peter Lang Verlagsgruppe. – 2009. – P. 336–370.

154. Jaynes, J. *The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind* / J. Jaynes ; Boston: Houghton Mifflin. – 1976. – 512 p. – Текст : непосредственный.

155. Kagan, M. S. 'Ideal Future' in World War II Media Discourse: Corpus-Based Research of British, American, and French Digitalized Historical Newspapers / M. S. Kagan, O. A. Solopova. – Текст : непосредственный // *Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2022. – Vol. 342. – P. 881–898.

156. Kantorowicz, E. H. *The King's two bodies. A study in medieval political theology* / E. H. Kantorowicz ; Princeton: Princeton University Press. – 1958. – 122 p. – Текст : непосредственный.

157. Lakoff, G., Johnson M. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson ; The University of Chicago Press. – Chicago. – 1980. – 242 p. – Текст : непосредственный.

158. Lazari, A. de. The Russian Bear and the Revolution: The Bear Metaphor for Russia in Political Caricatures of 1917–1918 / A. de Lazari, O. Riabov, M. Zakowska. – Текст : непосредственный // Vestnik of Saint Petersburg University. – 2019. – № 2. – P. 325–345.

159. Lehti, L. Style in French politicians' blogs: degree of formality / L. Lehti, V. Laippala – Текст : непосредственный // Language@internet. – Digital Peer Publishing NRW (DiPP) & Indiana University. – 2014. – URL: <https://www.languageatinternet.org/articles/2014/lehti> (дата обращения: 17.09.2020).

160. Mujagic, M. The IMMIGRANTS ARE ANIMALS metaphor as a deliberate metaphor in British and Bosnian-Herzegovinian media / M. Mujagic, S. Berberovic. – Текст : непосредственный // ExELL: Explorations in English Language and Linguistics. – 2019. – №7(1) – P. 22–51.

161. Musolff, A. The heart of the European body politic : British and German perspectives on Europe's central organ / A. Musolff. – Текст : непосредственный // Journal of multilingual and multicultural development. – 2003. – №25(5–6). – P. 437–452.

162. Musolff, A. Political metaphor and bodies politic / A. Musolff. – Текст : непосредственный // Perspectives in politics and discourse / edited by Urszula Okulska. – Amsterdam & Philadelphia: John Benjamin's. – 2010. – P. 23–42.

163. Musolff, A. From Social to Biological Parasites and Back. The Conceptual Career of a Metaphor / A. Musolff. – Текст : непосредственный // Contributions to the History of Concepts. – Berghahn Journals. – 2014. – Vol. 9(2). – P. 18–32.

164. Musolff, A. Metaphor, irony and sarcasm in public discourse / A. Musolff. – Текст : непосредственный // Journal of Pragmatics 109. – the Elsevier. – 2017. – Vol. 109 – P. 95–104.

165. Musolff A. Metaphor framing in political discourse / A. Musolff. – Текст : непосредственный // Mythos-Magazine. – Politesses Framing 1. – 2019. – P. 1–10.

166. Nodoushan, M. Rethinking face and politeness / M. Nodoushan. – Текст : непосредственный // International Journal of Language Studies. – International Association. – 2012. – №6 (4). – P. 119–140.

167. O'Brien, G. V. Contagion and the national body: The organism metaphor in American thought / G. V. O'Brien ; Nature. – Nature Research (subsidiary of Springer Nature) (United Kingdom). – 2018. – 148 p. – Текст : непосредственный.

168. Orwell, G. Politics and the English Language / G. Orwell. – Текст : непосредственный // Inside the Whale and Other Essays. – Harmondsworth: Penguin. – 1962. – P. 143–157.

169. Petrie, H. G. Metaphor and Learning / H. G. Petrie, R. S. Oshlag. – Текст : непосредственный // Metaphor and Thought, 2nd Edition. / edited by A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1993 – P. 579–609.

170. Pynnöniemi, K. Making sense of the Russian bear metaphor: The image of a threatened bear distracts us from understanding Russia's actions / K. Pynnöniemi. – Текст : электронный // FIIA COMMENT 2. – 2015. – URL: <https://www.fia.fi/en/publication/making-sense-of-the-russian-bear-metaphor?read> (дата обращения: 03.12.2021).

171. Schäffner, Ch. Political discourse, media and translation / Ch. Schäffner, S. Bassnett (eds.) // Transcultural, A Journal of Translation and Cultural Studies. – Cambridge Scholars Publishing. – 2010. – 260 p. – Текст : непосредственный.

172. Schmitz, U. Sprache in modernen Medien / U. Schmitz ; Einführung in die Tatsachen und Theorien, Themen und Thesen. – Berlin: Erich Schmidt Verlag. – 2004. – 220 p. – Текст : непосредственный.

173. Solopova, O. An explanatory combinatorial dictionary of English conflict lexis: A case study of modern political discourse / O. Solopova, T. Khomutova – Текст : непосредственный // Russian Journal of Linguistics. – Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). – 2022. – 26 (4). – P. 1050–1077.

174. Solopova, O. A. Prognostic Potential of Political Metaphors / O. A. Solopova, A. Chudinov. – Текст : непосредственный // FACHSPRACHE-JOURNAL OF PROFESSIONAL AND SCIENTIFIC COMMUNICATION. – Facultas. – 2019. – Vol. 41 No. SI. – P. 48–64.

175. Solopova, O. A. Russia as a target domain in American, British and Canadian political discourses / O. A. Solopova, M. Yu. Ilyushkina. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 14. № 3. – Р. 41–48.

176. Van Dijk, T. A. What is Political Discourse Analysis? / T. A. van Dijk. – Текст : непосредственный // Political linguistics. – Amsterdam: Benjamins. – 1997. – Р. 11–52.

177. Vaughan, T. Multimedia: Making It Work / T. Vaughan ; New York: McGraw-Hill Education. – 2011. – 465 p. – Текст : непосредственный.

178. Wodak, R. The politics of fear. What right-wing populist discourses mean / R. Wodak ; London: Sage. – 2015. – 256 p. – Текст : непосредственный.

Источники материала и словари

179. Большая российская энциклопедия : [сайт] / под редакцией С. Л. Кравец. – Москва : Большая Российская энциклопедия. – 2004. – URL : <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 14.09.2021). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.

180. Василик, М. А. Политология: Словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин ; Москва : Гардарики. – 2001. – 843 с. – Текст : непосредственный.

181. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азъ. – 1992. – 955 с. – URL : http://www.kulichki.com/moshkow/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 07.05.2019). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.

182. Ошанин, И. М. Большой Китайско-Русский Словарь в 4 т. : китайско-русский словарь / под редакцией И. М. Ошанина ; Москва : Наука. – 1984. – URL : <https://bkrs.info> (дата обращения: 18.02.2022). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.

183. BattleMech|MechWiki|Fandom : [сайт]. – URL : <https://mechwiki.fandom.com/wiki/BattleMech> (дата обращения: 10.04.2022). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.

184. Merriam-Webster's Dictionary : [сайт] / Merriam-Webster, Inc. – 1994. – URL : <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 16.12.2021). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.
185. Oxford Advanced American Dictionary : [сайт] / Oxford University Press. – 2011. – URL : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.
186. Poison Hand|Baki Wiki|Fandom : [сайт]. – URL : https://baki.fandom.com/wiki/Poison_Hand (дата обращения: 23.08.2022). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.
187. Quora [сайт] / платформа вопросов и ответов. – URL : <https://quora.com> (дата обращения: 12.01.2022). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.
188. The Cambridge Essential American English Dictionary : [сайт] / Cambridge University Press & Assessment. – 2011. – URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-american-english> (дата обращения: 28.11.2021). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.
189. The Free Dictionary : [сайт] / Farlex, Inc. – 2003. – URL : <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 21.08.2020). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.
190. Thesaurus.com : [сайт] / HarperCollins Publishers. – 2011. – URL : <https://www.thesaurus.com> (дата обращения: 15.06.2021). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.
191. Urban dictionary : [сайт]. – 1994. – URL : <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 20.08.2021). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.
192. Zhonga.ru : [сайт]. – URL : <https://www.zhonga.ru> (дата обращения: 06.10.2021). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.
193. 百度百科 : [сайт] / китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ». – URL : <https://baike.baidu.com> (дата обращения: 11.03.2022). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.

194. 百度知道 : [сайт] / форум вопросов и ответов «Baidu Knows». – URL : <https://m1.baidu.com> (дата обращения: 11.03.2022). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.

195. 百度汉语 : [сайт] / онлайн словарь китайского языка. – URL : <http://xh.5156edu.com/html3/1815.html> (дата обращения: 19.04.2022). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.

196. 知乎 : [сайт] / китайский веб-сервис обмена мнениями. – URL : <https://www.zhihu.com> (дата обращения: 15.03.2022). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.